

84/2 Doc = Dyc) 1

C 24

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ХVІ СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА СВИНЬИНА.

« Охъ шелъ какъ шолъ, огнемъ палящій,
« Какъ люшый мразъ, все вдругъ мертвящій!
« Куда спрѣлу ни посылалъ —
« По всюду жизнь предъ нимъ блѣднѣла,
« И спрашна смершь во слѣдъ лешѣла!

И. И. ДМИТРІЕВЪ.

Часть третія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1834.

Провер. 1940

Печатать позволяется :

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи предсшавлены
были при экземпляра въ Ценсурный Коми-
шешъ. Санкшпешербургъ, 9 Февраля 1834 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

-091883-

Государственная
библиотека
Югры

РФ

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I.

СТР.

Явленія, возвѣщавшія паденіе Кучумова Царства. — Кучумъ лишается зрѣнія. — Ужасная пиюрма. — Козаки на Иртышѣ. — Пышки. — Твердоспѣ Шамана. — Абакъ. — Царица Зимбула. — Велика освобождается изъ гарема Кучумова. — 1

ГЛАВА II.

Козаки постыжся 40 дней. — Ермакъ ведетъ ихъ къ Засѣкѣ. — Кровопролитіе. — Опасность. — Неожиданная перемѣна. — Побѣда. — Бѣгство Кучума. — Гроза пропала. — Догадки. — Узники. — Торжественный входъ побѣдителей въ столицу Сибирскаго Царства. — Взглядъ на оную. —

Сокровища тамъ найденыя. — Необыкновенная роскошь Кучумова гарема. — Неприступное положеніе Искера..... 37.

ГЛАВА III.

Оспяки, Вогуличи и Татары просятъ милоспи и покровительства у побѣдителей. — Присяга въ вѣрности, по ихъ обычаю. — Новая услуга Уркунду. — Ермакъ обладатель обширнаго Царства. — Взглядъ на первоначальные его подвиги въ Сибири. — Усмиреніе возмущеній. — Преодоленіе препонъ, пославляемыхъ природою..... 65.

ГЛАВА IV.

Кольцо спасается въ снѣгу, во время пурги. — Угощеніе и забавы Оспяковъ. — Любопытный разсказъ Грозы. — Новыя козни Мещеряка. — Гибель 20 козаковъ. — Судъ надъ виновными. — Торжество Грозы. — Трогательное зрѣлище..... 83.

ГЛАВА V.

Помолвка Грозы съ Великою. — Открытіе новыхъ умысловъ Мещеряка. — Оспяки и Вогулы требуютъ Ермака въ Цари

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Явленія, возвѣщавшія паденіе Кучумова Царства. — Кучумъ лишается зрѣнія. — Ужасная пиорьяма. — Козаки на Иртышѣ. — Пытки. — Твердосѣ Шамана. — Аба-лакѣ. — Царица Зимбула. — Велика освобождается изъ гарема Кучумова.

Страшно ревѣлъ Иртышъ, ударяя сѣдыми волнами своими, словно желѣзнымъ шараномъ, въ неприступный утѣсъ Искера. Грохотъ и громъ, раздававшіеся отъ сихъ ударовъ, умножились еще паденіемъ

огромныхъ глыбъ и каменьевъ, низвергавшихся съ большой высоты въ кипящія бездны бездонной рѣки, (*) а брызги, опъ того происходившіе, съ визгомъ подымались къ небесамъ, подобно неукротимымъ фоншанамъ. Но далеко онѣ не досягали еще до вершины утеса, на коемъ мелькали двѣ человѣческія тѣни. Безспрашныя — онѣ спокойно приблизились къ самой оконечности висящаго надъ бездною гранита, какъ будто для того, чѣмъ любоваться яростію волнъ и свирѣпостію урагана, потрясавшихъ основаніе, на копоромъ онѣ стояли.

(*) Перпендикулярная высота утеса опъ поверхности рѣки, около 33 сажень. Старожилы увѣряютъ, что опъ мѣста, занимавшагося Искеромъ, опвалилось уже около 40 сажень.

По темношѣ noci мудрено бы было угадать, кто эти блуждающіе привидѣнія въ шоль ужасную минушу и на шоль ужасномъ мѣсцѣ, а того еще не возможнымъ было, опшѣ воя спихій, слышашѣ словъ ихъ, если бѣ выкапившійся изъ-за Панина бугра (*) огненнымъ шаромъ огромный мѣсяцъ, не освѣтилъ ихъ кровавымъ заревомъ, а наславшая пишина, послѣ промчавшагося вихремъ урагана, не подала возможности понять ихъ разговора.

« Видѣлъ ли, невѣрующій, знаменія, копорыя предвѣщающъ паденіе швоего Царства,» говорилъ дикій голосъ, схожій съ говоромъ знакомаго намъ Шамана Уркунду, сѣдому спарцу бодрой наружностью. «Видѣлъ ли: какъ вода въ Ирпышѣ кипѣла

(*) Высочайшая гора противъ Тобольска.

кровію , какъ Чувашскій мысь бросалъ золошья и серебряныя искры. Подождемъ до полуночи и въ швоихъ глазахъ Русская сабака загрызешъ бѣлаго волка. (*)

« Да! я видѣлъ доспапочно, чшобъ повѣсиль шебя со всею брапіею прокляпыхъ колдуновъ , пугающихъ робкій народъ мой споль глупыми предвѣспіями , » ошвѣчалъ угрюмо сшарець.

« Нѣшъ! Кучумъ , не грѣши предъ Богомъ , вразумляющимъ шебя своими знаменіями. Благодари Его и пользуйся »

« Дерзкій кудесникъ , » воскликнулъ Кучумъ , « я пощажу шебя , чшобъ первые лучи солнца освѣшили швое

(*) По свидѣтельству Мурзы Девлепбая, жившаго въ городкѣ Бицикшуръ , Кучуму являлись всѣ сін предвѣстья и знаменія.

гнутое шло разпаленнымъ на шомъ креснѣ, копорый Шаманамъ швоимъ видипся въ небеси. (*)

« Если Богъ не совсѣмъ на шебя прогнѣвался, шо не допусшипъ шебя до сего безумія, » опвѣчалъ смѣло Уркунду.

« Нышъ! Я дамъ шебѣ жизнь, « сказалъ Кучумъ съ злобнымъ хохопомъ, какъ будшо обрадуясь счастливой мысли, « но вырву языкъ, выколю глаза и забью гвоздьми уши, чшобъ шы донесъ пославшему шебя яуру о всемъ, чшо здѣсь видѣлъ и слышалъ. . . . »

« И все эшо не спасетъ Царства швоего опъ Божіяго наказанія, избравшаго уже грозныхъ мспишелей

(*) По его же свидѣтельству, кромѣ креста, видѣлся надъ Искеромъ въ воздухѣ городъ съ Хрисіанскими колокольнями.

за кровь брапій моихъ , невинно пролишую въ угодность пвоего Магомеша. »

« Язычникъ , вѣщій коршунъ , » вскричалъ въ ярости Кучумъ , и выдернулъ изъ - за пояса кинжалъ свой. Но сколь ни быспро было движеніе раздраженнаго Хана , но еще скорѣе исчезъ Шаманъ опъ угрожавшаго ему удара , — оспрое оружіе покашилось къ ногамъ Кучума и онъ , зашатавшись , упалъ на край пропасти , въ копорую , конечно бѣ , низвергнулся , если бѣ сильная рука не удержала его.

Между тѣмъ красный мѣсяць подернулся черною пучею , какъ щипомъ закаленнымъ , и опяшь завылъ полуночный вѣперъ. Уркунду , (ибо чипашели безъ сомнѣнія опгадали , что никто иной , какъ Шаманъ нашъ , удержалъ Хана опъ паденія

въ пропасть, забывъ свою собственную опасность), не могъ поспичъ причины паденія своего прошивника, а того болѣе удивленъ былъ его продолжительнымъ молчаніемъ, не имѣя возможности за шемношою прочесть причины онаго на лицѣ его.

Удивленіе его еще увеличилось, когда Ханъ, крѣпко державшій его за руку, спросилъ: « кто мой спаситель ? »

« Я исполнилъ законъ безсмершнаго Нумы, » отвѣчалъ Уркунду.

« Какъ это ты проклятый чудесникъ, вырвавшій невидимою силою кинжалъ изъ моей руки и накликавшій эту несносную шемношу, опъ кошорой я не вижу швоей рожи ? »

Но черная шуча давно уже пронеслась и шьма уступила мѣсто

самому свѣшлому мерцанію полной луны. Когда Уркунду взглянулъ на Кучума, то яркій лучъ ночнаго свѣшила осребрилъ его блѣдное лице и впалыя щеки. Онъ пошчасъ догадался, что Ханъ лишился зрѣнія.

Шаману хошѣлось бы весьма оспавишь несчастнаго Царя въ его недоумѣніи; ибо, зная его бѣшенный нравъ, онъ предвидѣлъ ярость и мщеніе, копорымъ онъ предастся въ первую минушу увѣренности въ своемъ несчастіи; но Кучумъ не выпускалъ его изъ руки своей, а пошому не было возможности освободиться отъ него, пришомъ ему извѣсно было, что Кучуму спѣило подашь малѣйшій знакъ и тысячи вооруженныхъ Ташаръ являшся къ нему на помощь. И такъ Уркунду рѣшился предашь на волю Провидѣнія, всегда спасавшаго его не-

винность. Но теперь, — казалось, оно опсшупилось и гибель его была неизбѣжна; ибо едва Кучумъ позналъ свое бѣдспвіе, то первою его мыслию было заключеніе, что Шаманъ обаяніемъ напустилъ на него оное. Приведя себѣ на память, какъ хотѣлъ онъ поразить кинжаломъ дерзкаго Уркунду, какъ онъ быспрѣ молніи исчезъ опъ его удара, какъ кинжалъ невольно выпалъ изъ его руки и онъ повергся на землю, — Царь не могъ болѣе сомнѣваться въ пресшупленіи колдуна и опдалъ приказъ своимъ шлохранишелямъ бросить его въ пучину. Мгновеніе — и бѣдный Уркунду полетѣлъ бы въ бездну, изъ копорой за минушу онъ спасъ безжалосшнаго судію своего; но Кучумъ успѣлъ еще ошановишъ исполненіе своего повелѣнія, перемѣнивъ оное на запо-

ченіе кудесника въ одну изъ шѣхъ ужасныхъ шюремъ, копорыя и досель приводяшъ въ содроганіе любопытспвующихъ видѣшъ развалины Искера. Тамъ показывающъ нѣскольکو ямъ, похожихъ на глубокіе колодцы, въ копорыя ушонченное варварспво кидало свои жершвы, дабы увеличипъ муки несчастныхъ, кои, не имѣя возможности ни присѣспъ, ни повернушъ, должны были спояшъ на ногахъ и не могли перемѣняшъ своего положенія.

Тайны Гарема скрыли опчаяніе Царя Сибирскаго, копорому, хопя поданы были пошчасъ же всѣ извѣспные погда способы врачеванія, но ничшо не помогло.

Призванный на ушро въ совѣшъ Дервишъ, также намъ знакомый, укрѣплялъ Кучума въ гнѣвъ его на Уркунду и изобрѣшалъ пышки, кои-

ми бы можно было изхитишь признаніе ошъ упрямаго Волхва.

« Государь, » сказалаъ Визирь Тау-
закъ, « шы всегда повелѣваешь мнѣ
говоришь правду: да повѣдаю ее те-
перь, хопя бы она споила моей
головы. . . . »

Кучумъ далъ знакъ согласія и Ви-
зирь продолжалъ: « Если бѣ Уркунду
имѣлъ злое намѣреніе посягнушь на
швою драгоценную, для благоденствія
Сибири, жизнь, то ему доспащочно
бы было не удерживашъ тебя ошъ
паденія въ Иршышъ. . . . »

« А развѣ онъ не зналъ, » прервалъ
Дервишъ съ запальчивоспію, « чшо
ни какія чары не вырвали бы его
изъ рукъ нашихъ. . . »

« Эшо справедливо, » продолжалъ
съ хладнокровіемъ Визирь, « но я
дерзаю донестъ великому Намѣст-
нику Пророка, чшо теперь нышъ

достопочной причины казнишь человека, пришедшаго съ мирными предложеніями. »

« Мудрый Визирь швой, Повелитель правовѣрныхъ, » сказалъ Дервишъ съ умножавшеюся злобою въ глазахъ, « конечно не вѣдаешь чудесничества Шамановъ, и если они искусно напускають язвы на человека и звѣрей, то почему не извѣстны имъ знаменія, лишающія врага своего зрѣнія? Позволь, Государь, вѣрному рабу швоему замѣшить, что для поганныхъ яуровъ, копорые его подослали, нѣтъ ничего свяшаго и швое несчастіе, величайшее для всего полуночнаго свѣта, важнѣе для нихъ побѣды. Впрочемъ, коли Шаманъ умѣлъ сдѣлать зло, то сумѣетъ и опвратить оное, нужно только изшоргнуть его признаніе. »

Хипрый Дервишъ зналъ, что спру-
на самолюбія всего скорѣе доспига-
ла до сердца Кучума, но онъ не въ-
далъ, что разсудокъ управлялъ имъ
не менѣе необузданности перваго
порыва гнѣва, кой часъ оный охлаж-
дался, или мудрый Таузакъ призы-
ваемъ былъ для исполненія воли де-
спота. Такимъ образомъ и шеперь,
когда Визирь оспался одинъ съ раз-
драженнымъ Царемъ, онъ умѣлъ мало
по-малу довести его до того, что
онъ сознался, что Шаманъ не толь-
ко не заслуживалъ наказанія, но имѣлъ
право на его признашельность, а
поперя зрѣнія была слѣдствіемъ его
гнѣва, опъ коего всѣ знахари моли-
ли его остерегаться. Преданный Ви-
зирь униженно представилъ своему
повелителю, что какъ Уркунду до-
казалъ покупку имъ козацкой дѣ-
вушкѣ у Бухарца Нургали, то слѣ-

дуетъ наказашъ насильственный по-
супокъ Дервиша и возвратишъ Ша-
ману его собственность.

« Но посланецъ подлаго казака ,
достоинъ смерти и за дерзкое пред-
ложеніе свое, » сказалъ Кучумъ послѣ
нѣкошораго молчанія.

« Великій Повелитель полуночнаго
міра, » отвѣчалъ Визирь съ низкимъ
поклономъ, « конечно войска твои не-
побѣдимы, преданность наша къ свя-
щенной особѣ твоей неограниченна ;
за желѣзною грудью нашею, ты могъ
бы предаваться спокойно радостямъ
гарема, когда бѣ Владыко середняго
царства, всемогущій Болдыханъ на-
палъ на твои улусы изъ-за каменной
стѣны своей съ ополченіемъ, рав-
няющимся пещинкамъ дна моря Хва-
лынскаго, или великій Моголь дви-
нулъ на царство твое слоновъ сво-
ихъ, какъ горы Рифейскія; не спраш-

ны и самые Янычары побѣдоноснаго завоевашеля Царя-Града; но эпо горспѣ казаковъ — люди *заколдованные*, не знающіе смерти, они опаснѣе для швоего величія. . . . »

« Экъ они шебя напугали, спарый мой храбрець, *своимъ стрѣляющимъ огнемъ и громами смертоносными*, » прервалъ его Ханъ съ насмѣшкою. Но подожди немного: и намъ пришлошъ Казанскіе самопалы. »

« Проспи, Государь, вѣрному рабу швоему, дерзающему донесшъ, чшо пребуешся большая хипросшъ, чшобъ кидашъ огонь изъ сихъ дьявольскихъ трубъ. »

« По крайней мѣрѣ люди наши не спанушъ ихъ спрашившся болѣе и счишашъ козаковъ непобѣдимыми, » замѣшилъ Кучумъ.

« Голова моя въ швоей рукѣ , » продолжалъ Визирь, низко кланаясь, « но вѣрный рабъ швой счищаетъ долгомъ предсказать, что для безопасности швоей державы слѣдовало бы удовлетворить просьбу Шамана, дабы вступишь съ козаками въ мирные переговоры. »

« Робкій рабъ , » вскричалъ съ гнѣвомъ Кучумъ, « я покажу вамъ, что лишася зрѣнія, я не лишился бодрости души и не спрушу шайки разбойниковъ. »

« Великій Пророкъ да умудришь тебя , повелишь правовѣрныхъ , положишь преграду кровавому потоку сихъ ужасныхъ пришлецовъ , кошорыхъ досель ничто не можешь удержашъ. Тебѣ извѣстно Государь, сколь щепсны были первыя усилія храбраго Князя Епанчи : при дня сряду съ своими Ташарами и Вогу-

личами пускаль онъ на козаковъ шучи
спрѣль съ високаго берега Туры.
Не оспановила ихъ и желѣзная цѣпь,
копоруую приказаль шы пропянушь
поперегъ Тобола. . . .»

« Виновенъ въ шомъ Есауль , до-
пуспившій Ермаку обманушь себя ,»
прерваль его Царь. « Измѣнникъ пра-
шилъ спрѣлы и время попусшу ,
спрѣляли въ чучелы , копорыя Ер-
макъ поспавиль на плошы свои ,
вмѣсто козаковъ , а самъ , обойдя
предашеля лѣсомъ , напаль на него
въ распахъ. Голова измѣнника ви-
силь на Чувашскомъ мысу. . . .»

« Но Думный Совѣшникъ швой ,
Карача , бился пяшь дней на опкры-
шомъ полѣ и въ засадахъ , съ силою
въ десящери болѣе Ермаковой , а не
опспояль ни своихъ мѣшковъ съ
золошомъ , ни швоихъ кадей съ ме-
домъ. »

« Развѣ тебѣ неизвѣстно , что Мамешкуль спорожишь теперь козаковъ въ крѣпкой засѣкѣ съ великою рашью. Иршышъ не увидишь ихъ на берегахъ своихъ. Племянникъ запасся и мѣшками для головъ поганныхъ яуровъ,» прибавилъ Царь съ довольною усмѣшкою.

« Спрашусь , Повелитель правовѣрныхъ , » сказалъ робко Визирь , « чѣмъ эти головы не приближали сюда на своихъ ногахъ и съ пищалями въ рукахъ. »

« Таузакъ ! » воскликнулъ Кучумъ съ негодованіемъ , « шы , кажешся , изъ числа тѣхъ легковѣрныхъ шварей , кошорыхъ напугали Волхвы предзнаменованіями о паденіи моего Царства. Завпра же да объявишься по всѣмъ мечешамъ и базарамъ , что глава сихъ обманщиковъ , прокляшый Уркунду , преданъ Великимъ

Пророкомъ въ наши руки и поне-
сешъ доспойное наказаніе за свое
коварство. Таузакъ!» продолжалъ
Ханъ нѣсколько хладнокровнѣе, «я
собственными глазами увѣрился,
что явленія, копорыя, по словамъ
ихъ, предвѣщаютъ паденіе моего
Царства, не сущесвуютъ. Ты
знаешь, я давно общалъ великія
награды тому Шаману, копорый
бы ихъ мнѣ показалъ. Къ счастью
явился онъ Ермака Уркунду съ из-
вѣсною тебѣ просьбою, и я далъ
слово ему все выполнишь, если онъ
докажетъ мнѣ справедливостъ сво-
ихъ волхвованій,—иначе грозилъ ему
мучительною смертію. Уркунду со-
гласился:вчера въ самую бурную ночь
онъ повелъ меня безъ спражи, безъ
свидѣтелей, на высокую скалу Ир-
пыша. И что же предсавилось
глазамъ моимъ? Красный мѣсяцъ

опражалъ пучину рѣки кровавымъ
цвѣшомъ, а онъ увѣрялъ, что она
шечешъ кровью; волны рѣки уда-
рялись о Чувашской мысъ бѣлою
пѣною, а онъ заспалялъ меня при-
нимашъ ихъ за серебро и золошо.
Хвала Великому Мухамешу, не ли-
шившему меня зрѣнія, доколѣ я не
убѣдился на счешъ сего суевѣрія.
Признаюсь,—оно начинало грызшъ
мое сердце »

«Государь! Повели и у меня пер-
ваго опрѣзашъ языкъ за дерзосшъ;
но я не смѣю скрышъ, что Ша-
манъ въ швоемъ и всего міра несча-
спіи — обвиняешъ швою Высокую
Особу »

«Что онъ дерзаетъ еще клеветашъ
на Царя Сибирскаго, » воскликнуль
съ гнѣвомъ Кучумъ.

«Онъ клянешся свѣшомъ и шьмою,
огнемъ и водою, землею и небомъ,

Повелишель правовѣрныхъ, что шы увидѣлъ бы всѣ сіи знаменія въ водѣ, на землѣ и на небѣ, если бѣ послушался его и не бралъ съ собою кинжала. Оспріе булаша заключаешъ таинственное привлеченіе злыхъ Шайшановъ и опшираешъ, какъ ключемъ, врага ада, въ кошорый они заключены были его заклинаніями для показанія шебѣ тайнъ судебъ. Тьма преисподней пахнула въ швои очи и онѣ закрылись на вѣки. »

Въ эту минушу взошелъ поспѣшно вѣспникъ и донесъ, что козаки, разбивъ Мурзу Ашика, завладѣли его крѣпкимъ городомъ. — « Козаки на Иршышѣ, » воскликнулъ въ испугѣ Визирь.

Кучумъ грозно подвигся на робкаго своего Вельможу; но, безъ сомнѣнія, неожиданная вѣсть о при-

близеніи козаковъ, вмѣстѣ съ суевѣріемъ, утвржденнымъ послѣднимъ разсказомъ Визиря и чудесностію событій, умѣрили гнѣвъ его и расположили къ снисходительности. Послѣ продолжительнаго совѣщанія съ верховнымъ Министромъ своимъ, онъ согласился наконецъ не только съ честію опустити Шамана, но и отдать ему прекрасную козачку, за копорую Уркунду, именемъ Ашамана, обѣщаль ему безопасность всѣмъ его женамъ, если бѣ судьба войны представила ихъ въ руки побѣдителей, и что, какъ мы видѣли выше, привело его въ крайнее раздраженіе.

Добрый Визирь немедленно отправился къ заставкѣ, дабы, какъ можно скорѣе, изхитити бѣднаго Шамана изъ когтей непримиримаго врага его Дервиша, копорому

Царь, въ первомъ порывѣ гнѣва, позволилъ выпышашъ у него шайну его исцѣленія. Хотя испязанія, приводящія нынѣ въ содраганіе самыхъ жестокихъ людей, были свойственны и обыкновенны въ попѣ вѣкъ не только между Азіатцами, но и въ самой Европѣ, и хотя первому Министру Царя народовъ грубыхъ, невѣжественныхъ, полудикихъ, болѣе схожихъ съ звѣрями, чѣмъ съ людьми, доводилось нерѣдко приводить въ исполненіе самыя кровавыя приговоры; но Визирь ужаснулся при первомъ шагѣ въ заспѣнокъ. Эшо было изображеніе въ лицахъ спрашнаго суда, коими бывало расписывались паперши при спаринныхъ церквахъ Русскихъ. Тутъ на пылавшемъ кострѣ въ огромномъ кошлѣ кипѣла смола, въ кошорой, обыкновенно, купали узниковъ, въ

случаѣ, если ни одно изъ средствъ, придуманныхъ самымъ адомъ, не могло изпоргнуть у нихъ признанія; когда ни желѣзная кровать, на коей вышягивалось человѣческое тѣло на полъаршина длиннѣе обыкновеннаго, ни писки, кои съ величайшимъ искусствомъ захвапывая жилы у ногъ и рукъ, медленно тянули ихъ въ прошивномъ направленіи, ни спрядки, — (для чего объ руки преступника близь ладоней связывались длинною веревкою и онъ поднимался ворохомъ къ самому пошолку заспѣнка, а пошомъ вдругъ опускался, ошъ чего руки его выходили изъ плечъ и онъ висѣлъ въ семь мучительномъ положеніи,) — недоспапочны были, чшобъ заспа-вишъ несчастнаго сознашъ въ преступленіи, въ кошоромъ его обвиняли, или сказашъ шо, чего ошъ

него требовали. Хладнокровіе пала-
чей, не внимавшихъ сшенаніямъ
спрадальца и равнодушно увеличи-
вавшихъ его муки, уподобляло ихъ
жишелямъ преисподней, а Дервишъ,
кошорый съ злобною радоспію го-
повиль себѣ продолжишельное удо-
вольствіе, взирая на множесство
орудій пышки и надѣясь на упрям-
ство Уркунду — превосходилъ зло-
спію самага Веельзевула. Къ сча-
спію, Визирь заспаль еще начало
перваго испыпанія, кошорое было
бы присупомъ къ дальнѣйшимъ
испязаніямъ и соспояло, по мнѣ-
нію Дервиша, изъ самага легкаго
опыша. Уркунду крѣпко привязанъ
быль веревками къ деревянному
креспу, шакъ чшо не могъ поше-
велишься ни однимъ членомъ, а въ
эшо время забивали ему гвозди подъ
ногши. Кровь лилась ручьями, су-

дорожныя движенія лица доказывали нестерпимую боль несчастнаго, однако ни одно слово, ни одна укоризна не измѣнила его твердоси духа. Безъ сомнѣнія съ тѣмъ же равнодушіемъ Шаманъ далъ бы вытянуть себѣ жилы, содрать съ себя кожу, сварить въ котлѣ, но до послѣдняго издыханія не сказалъ бы лжи для своего избавленія. И если ожесточеніе его къ жизни прости-ралась до такой степени, что онъ не изъясилъ даже большой радости, когда, Визирь именемъ Царя, приказалъ прекратить пышку, то Держишь, въ замѣнъ того, былъ въ опечаленіи, что ему не удалось пошпишиться надъ своимъ непріателемъ.

Однако улыбка удовольствія блеснула и на лицѣ Шамана, когда Таузакъ объявилъ ему, что Царь соизволяетъ на его просьбу и прика-

заль выдашь ему козачку изъ своего Гарема. Въ поже время онъ всунуль ему въ руку Ханскій перспень, копорый служиль вмѣсто фирмана, знакомъ безусловнаго повиновенія шому, кшо его предъявишь и ключемъ, распворяющимъ самыя крѣпкіе, шаинспвенные запворы. Въ особенносши эшо необходимо было въ шеперешнемъ случаѣ, ибо Сераль царская давно опшправлена была вмѣстѣ съ Царицею Сумбулою въ Абалакъ, лежащій на берегу Ирпыша, въ 5-ши верспахъ опъ Искера вверхъ рѣки, съ спрогимъ приказаніемъ впускашь шуда шолько шого, кшо покажетъ сей перспень, копорый рѣдко сходилъ съ царскаго пальца.

Шаманъ, не смопря на разпхнувшіе пальцы правой руки своей,

попчасъ же пушплся въ Абалакъ
 подъ прикрыпіемъ царскаго Евнуха.
 Кучумъ не могъ избрать мѣсна
 безопаснѣе для укрытія своего дра-
 гоцѣннаго залога , какъ сей высокій
 ушесъ, укрѣпленный природою та-
 кимъ образомъ, что оно могло по-
 чесаться неприступнымъ безъ раз-
 рушительнаго дѣйствія пушекъ, ко-
 имъ не могушь прошивишься са-
 мыя неборимыя швердыни. Пред-
 спавыше себѣ гранишный сполбъ
 въ 30-ть сажень вышины, послав-
 ленный надъ рѣкою, и споль глад-
 кій , что осаждающій непріятель
 никакими усиліями или искусствомъ
 не могъ взобраться и до половины
 онаго , а осажденные имѣли всю
 возможность поражать его изъ-за
 зубцовъ, копорыми окружалась верх-
 няя площадка какъ амбразурою ,

успроенною рукою хишраго инженера. Искусство пособило природѣ только проведеніемъ различныхъ сообщеній, обезпечивавшихъ крѣпость въ случаѣ продолжительнаго облежанія оной. Выходы сіи были сдѣланы въ прехъ мѣстахъ: со стороны Искера, отъ рѣки и къ дремучему лѣсу, примыкавшему къ самой стѣнѣ отъ Сѣвера. Малѣйшее движеніе непріятеля не укрывалось отъ осажденныхъ, а они легко могли получать пособіе или оставишь крѣпость съ той стороны, гдѣ непріятель безпечнѣе или слабѣе.

Талисманъ скоро ошворилъ Шаману желѣзныя врага крѣпости, но не такъ скоро довель его до сокровенностей Серали. Выдача Одалиски изъ царскаго Гарема привела въ неописанное изумленіе и волне-

ніе всѣхъ жипелей Абалака; ибо
лѣшописи цѣлой динаспіи Кучума,
опѣ времянь славнаго Шабань-Хана,
знаменишаго его родоначальника, —
не предспавляли подобнаго примѣ-
ра позора и напасши. Дѣвушка, по-
павшая разѣ подѣ надзорѣ евнуховѣ
и соспарѣвшихся царскихъ налож-
ницѣ, освобождалась изѣ рукѣ ихѣ —
одною могилою. Правда, Хроники
Сибирскаго Двора повѣспвуютѣ о
двухѣ или шрехѣ опспавныхѣ Одали-
скахѣ, коими угодно было Хану на-
градитѣ своихѣ Вельможѣ въ знакѣ
опличнаго къ нимѣ благоволенія!

Но знаете ли, чего я опасаюсь
всего болѣе? Боюсь, что многія изѣ
чипашельницѣ моихѣ, хопя бы имѣ
поклѣлся я самимѣ Пророкомѣ Ма-
гомешомѣ, не повѣряшѣ мнѣ, что
сама Царица Сумбула искренно спа-

ралась удержашь Велику въ своемъ Гаремѣ и даже предлагала Шаману кучи золоша и серебра, чѣмъ онъ отказался отъ своего требованія. Боже мой! Какъ бы захлопошались наши жены, если бѣ привелось имъ снаряжашь въ дальнюю, невозвратную дорогу своихъ соперницъ. Сколько бы пожертвованій сдѣлали онъ, чѣмъ поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ долой! Но справедливо говоришь пословица: *это городъ, то норовъ, это деревня, то обычай!*

Какъ бы то ни было, а повелѣнія Царя должны бытъ выполнены. Царица рѣшилась сама объявить бѣдной Великѣ, что злою судьбою лишается она счастья бытъ сподвижницею Одалискою Великаго Царя, и увы! тогда, какъ сіе верховное счастье было уже неопда-

ленно! Царица полагала, что нужно будешь уговаривать и ушѣшать бѣдную козачку; но сколь велико было ея изумленіе, когда она не услышала ни воплей ошчаянія, ни рыданій, а замѣшила улыбку радости, кошорая блеснула на прелесшномъ лицѣ узницы тогда, какъ она думала поразить ее ужаснымъ ударомъ! Сумбула сшоль оскорбилась низкими чувствами козачки, что приказала немедленно удалишь ее съ глазъ своихъ.

Велика долго не хощѣла вѣрнуть своей свободѣ; долго слова о избавленіи своемъ считала грѣзою; ибо она непрерывно слышала, что никакая человѣческая сила не въ состояніи изпоргнуть ея изъ-за крѣпкихъ зашворовъ Царскаго Гарема, что ничто не можешь измѣнить

ея предопредѣленія. . . . Несчастливая! рѣшилась положишь на себя руки, когда бѣ жестокіе приспавы не про- нулись ея слезами и моленіями. . . . Близокъ былъ часъ сей: одна шоль- ко опсылка женъ изъ Искера, оп- далила оный. Уже каждый день на- ряжали Велику въ новыя парчевыя плашья, каждый день подносили ей на золопыхъ блюдахъ новыя оже- релья, пониски, запяспья изъ круп- наго Индѣйскаго жемчугу и драго- цѣнныхъ каменьевъ, сундуки ея на- полнялись серебряными рукомойни- ками, лаханями и ларцами — а она все болѣе и болѣе плакала! Не даромъ говоришся пословица: *и грезѣ зо- лото слезы льются*. Велика оспа- лась шеперь безъ ничего; гнѣвная Самбула приказала опобрашѣ у нее всѣ ея сокровища, — а она была

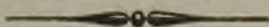
счастлива, она блаженствовала, какъ пшашка, вырвавшаяся изъ золошой клѣшки.

Сколь ни бѣдна была одежда Велики, въ кошорой оппустили ее изъ пышнаго започенія; однако Уркунду нашель ее еще слишкомъ богашою и неспособною для путешеспвія по лѣсамъ и болошамъ, а доспаль ей простое Оспяшское плашье; но Велика и подѣ безобразною одеждою Оспячки, была райскимъ сущеспвомъ и въ широкомъ мѣховомъ мѣшкѣ, какъ Душенька въ сарафанѣ — она поразала бы красошою своею всякаго, кромѣ Уркунду — слишкомъ равнодушнаго къ женскимъ прелеспямъ. Вѣрояшно однако, и онѣ замѣшилъ, что опушка изъ черныхъ соболей, коими обложена была ея шапка, слишкомъ опражала бѣлизну лица ея, ибо

велѣль ей опусшишь на глаза занавѣску или покрывало, пришиваемое обыкновенно Оспячками сзади къ паркѣ, въ родѣ капишона, а кашпановыя косы ея, опливавшіяся бархатомъ, прикрывъ суконными полосками. Къ счастью Шаманъ не болѣе разумѣлъ о прелести женской ножки, иначе онъ велѣлъ бы снять Великѣ свѣшлого-голубые пѣсцовыя чулки, кошопрые обрисовывали ножку, вышоченную Граціями, а обулъ бы ее въ Вогульскія береспяныя лапти.

Чипашель видѣлъ на опытѣ необыкновенную смѣшливость, проворство и усердіе Шамана, а пошому можешь быть покоенъ, оставляя Велику подъ защитою столь опытнаго пушеводишеля, хошя, правду сказать, имъ предстояли шруды

неимовѣрные, опасности чрезвычай-
ныя для достиженія цѣли своего
путешествія.

ГЛАВА II.

Козаки постытсѣ 40. дней. — Ермакъ ведетъ ихъ къ Засѣкъ. — Кровопролитіе. — Опасность. Неожиданная перемѣна. — Побѣда. — Бѣгство Кучума. — Гроза пропаль. — Догадки. — Узники. — Торжественный входъ побѣдителей въ столицу Сибирскаго Царства. — Взглядъ на опую. — Сокровища, тамъ найденныя. — Необыкновенная роскошь Кучума Гарема. — Неприступное положеніе Искера.

Мы видѣли изъ предъидущей главы, что Ермакъ, завладѣвъ крѣпкимъ острогомъ Мурзы Ашика, пославилъ шѣмъ ногу на Ирпышъ. Но вотъ уже съ шѣхъ поръ прошло шесть недѣль, а онъ не двигается съ мѣста, между шѣмъ какъ Кучумъ обвелъ двойнымъ валомъ свою спо-

лицу, собралъ войско изъ всѣхъ улусовъ, выслалъ племянника Мамешкула въ поле съ многочисленною конницею, а самъ, съ двумя огромными пищалями, засѣлъ на Чувашскомъ мысу. Казалось непонятнымъ, почему Ермакъ, доселѣ предприимчивый, дальновидный — медленною своею допустилъ непріятеля принявъ споль грозныя прошиву себя мѣры, почему онъ не грянулъ на Кучума шопчасъ по взятіи Ашика, когда непрерывныя побѣды, низпроверженіе всѣхъ препонъ, поставленныхъ самою природою, наводили страхъ на Сибирскіе народы, представляя козаковъ существами сверхъестественными ?

Широкими шагами ходилъ Ермакъ по проспранной землянкѣ своей въ глубокой задумчивосши, и шихо говорилъ что-то, какъ будто бесѣдуя

съ собственною своею шѣнью, которая опъ пылавшаго по срединѣ въ чуваль огня, рисовала другое движущееся существо, когда вошелъ къ нему спорожевый козакъ и донесъ, что ночной обходъ взялъ двухъ Ошяковъ, пробиравшихся по оврагу.

«Ошвесъ къ Мещеряку,» сказалъ въ разсѣянности Ермакъ и продолжалъ ходишь, углубляясь еще болѣе и болѣе въ думу. Но мало по малу спалъ говорить громче: да! должно ихъ допросишь, можешь бышь эполазушчики; — никогда не требова-лось болѣе оспорожности.... Мещерякъ добьется толку, хошь будь они каменные. Вошь къ чему нужны и злодѣи.... Досель бы я не въ-риль храброму моему Кольцу, что онъ совершенный злодѣй, если бѣ злые люди не были предашелями. Спасибо, право, Есаулу Самусю,

онъ опкрыль мнѣ глаза на счесть своего закадычнаго друга. Я своими собственными ушами слышалъ, какъ сей измѣнникъ возмущалъ слабые умы къ неповиновенію, какъ уговаривалъ ихъ ворошиться на Донъ — когда уже мы споемъ на Иршышъ ! Я могъ бы, я долженъ бы пошчасъ его повѣсиль, но нѣтъ, нужно еще его потерпѣть. — Злодѣи опасны, когда ихъ не знаюшь. . . . »

При эпомъ словъ раздался звонъ благовѣста. « Слава Богу, » сказалъ Ашаманъ, перекрестясь — « вошъ и призывъ къ великому дѣлу. »

Когда Ермакъ вошелъ въ часовню, она уже были полна козаками, съ благоговѣніемъ ожидавшими начашія Божественной службы. Послѣ заупрени слѣдовала пошчасъ обѣдня, за которою всѣ до единого сподобились свяшаго причастія. Всякій

Христіанинъ испыталъ на себѣ, сколь неисповѣдимое шайнство сіе оживляетъ упавшій духъ и изнуренныя силы шѣлесныя. Тяжкое бремя грѣховъ, спадая какъ камень ошъ сердца, располагаетъ человѣка къ высокимъ предпріятіямъ. Ермакъ не упустилъ воспользоваться сею свяшою минушою; облобызавъ всѣхъ, онъ обрашилъ рѣчь:

« Товарищи , друзья , брація !

« Сорокодневнымъ постомъ и молитвою возспановивъ силы наши шѣлесныя и душевныя, мы штились возблагодарить Господа за побѣды, водрузившія знамена наши на берегахъ Иршыша, за ушверженіе умовъ слабыхъ и шашкихъ въ истинѣ, что еще не настало время думать намъ о возвращеніи на родину. Нѣшъ! брація, мы не возвратимся въ Россію съ пяшномъ кляшвопреступни-

ковъ , смиримъ Кучума или умремъ
завидною смертію вѣрныхъ сыновъ
опечеснва. Теперь настало желан-
ное время : Кучумъ собралъ всѣ силы
свои ; мы разобьемъ не опдѣльнаго
Мурзу. — а цѣлое царство. Богъ не
рѣдко даетъ побѣду слабымъ мимо
сильныхъ , да свяшися имя Его. »

Дружина воскликнула *аминь* ! и съ
первыми лучами солнца успреми-
лись къ Засѣкъ , восклицая : *съ нами*
Богъ ! Непріятель съ возвышенія
осыпалъ храбрецовъ стрѣлами и ко-
пьями , но видя , что это не ос-
тановило ихъ , двинулъ безчислен-
ную конницу подъ начальствомъ
Мамешкула. Ермакъ зналъ , что весь-
маважно выдержатъ первый напискъ
Ташарскихъ наѣздниковъ , а еще важ-
нѣе опразитъ ихъ , когда послѣ сего
они молніею разсыпаются и явля-
ются неожиданно съ тыла и съ

боковъ , а пошому онъ измѣнилъ
спрой своего воинсшва при первомъ
движеніи Мамешкула , кошорый съ
ужаснымъ ревомъ , какъ грозная
шуча , поднялся съ пригорка и неся
впопшашъ въ землю горспъ дерзкихъ
смѣльчаковъ . Козаки , безшрепешно
допусшвъ его на самое близкое раз-
спояніе , вспрѣшили дружнымъ зал-
помъ . Убійспвенный ударъ произвелъ
самое счасшливое дѣйспвіе : дикія
лошади , усшрашенныя громомъ и
дымомъ , поражены были щакимъ
спрахомъ , чшо вышли изъ повино-
венія у своихъ всадниковъ и закусивъ
удила , помчались съ ними назадъ .
Мамешкуль , казалось , однако ожи-
далъ сего бѣдспвія ; ибо въ шоже
самое мгновеніе обскакивалъ непрі-
ятеля съ свѣжимъ многочисленнымъ
опрядомъ , не полагая , чшо шамъ
гошовъ былъ ему подобный приѣмъ .

Уже козаки надѣялись скоро опра-
зить Тапарскую конницу, какъ
вдругъ изъ Засѣки, подобно бурнымъ
попюкамъ, хлынули толпы отбор-
нѣйшихъ Кучумовыхъ рапшиковъ,
кошорые въ испусленіи кинулись на
малочисленныхъ Русскихъ выпязей
съ саблями и кинжалами. Тушъ Ер-
макъ показалъ все знаніе воинскаго
дѣла и удивительную распоряди-
тельность. Онъ двигалъ спройными
рядами своихъ воиновъ съ такимъ
искусствомъ, что въ тоже время,
какъ передніе рѣзались, задніе успѣ-
вали заряжать свои пищали и рѣ-
дишь густыя толпы непріятельскія
мышками выспрѣлами. Кровь лилась
рѣкою, люди падали съ обѣихъ ешо-
ронъ, и хошя Тапары теряли въ
десятеро болѣе, но новыя кучи
замѣняли убылыя, козаки же все
слабли. Слѣпой Кучумъ, стоя на

горѣ съ Имамами и Муллами, безпрерывно высылалъ изъ прехъ проломовъ свѣжія войска, поощряя ихъ именемъ Магомета къ спасенію правовѣрныхъ. Ермакъ именемъ Бога заклиналъ свою дружину умереть, а не уступить варварамъ. Онъ еще надѣялся удержашъ побѣду или по крайней мѣрѣ ушомишъ непріятеля, подобно, какъ то случилось не задолго до взятія Ашика, но наблюдая орлинымъ глазомъ своимъ малѣйшія движенія съ обѣихъ сторонъ, онъ замѣшихъ вдали небольшое облако пыли; чрезъ минушу облачко прояснилось и Ермакъ видишъ, что Мамешкуль, собравъ бѣглецовъ своихъ, вихремъ лепишъ на козаковъ съ пыла. Ударъ сей могъ бышъ пагубенъ для изнуренныхъ его воиновъ; но въ ту же минушу усматриваешъ онъ, что какой-то всад-

никъ, подскакавшій съ другой стороны, преграждаетъ путь Ташарскому вождю и низвергаетъ его съ борзого коня.... Болѣе ничего не могъ онъ различить, однако смятеніе, пыль и вопли, раздавшіеся въ Ташарскомъ войскѣ, удостовѣрили его, что случилось тамъ нѣчто чрезвычайное, и онъ, чтобы обратиться въ свою пользу, отрядилъ шуда Кольца съ полсотнею, удалцовъ, приказавъ однако не далеко отъ себя удаляться. Въ слѣдъ за симъ съ быспрошою молніею пронесся слухъ, что храбрый Мамешкуль смертельно раненъ, и увезенъ Мурзами въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Войско безъ предводителя дрогнуло: Князья Осыяшскіе дали пыль, бѣжали и Ташары.

Ермакъ воспользовался сею счастливою переменною, какъ великій Пол-

ководецъ. Не смощя на чрезвычайную усталость и умаление своихъ воиновъ — онъ повелъ ихъ на приступъ къ Засѣкъ и успѣлъ еще съ послѣдними лучами закапающагося солнца — водрузишь свои знамена на вершинѣ неприспунной Чувашиской горы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ, гордый Кучумъ, окруженный сонмомъ Мурзъ, Тархановъ, Князей и шѣлохранищелей и сгражденный двумя огромными пищалями, считалъ себя непобѣдимымъ.

Первымъ дѣломъ Христіанъ-воиновъ было возблагодаришь Господа за явное къ себѣ милосердіе: они шопчасъ же опслужили молебень. Но сколь ни рѣшишельна была сія побѣда, сколь ни шребовали изнуренныя силы ихъ опдохновенія, однако они во всю ночь не смыкали

глазъ , опасаясь нападенія (*). Утреннее солнышко принесло нѣкошорую опраду: козаки увидѣли вокругъ себя совершенную пищину и пустошу; поже самое донесли и посланные во всѣ спраны лазупчики. Больше же всего порадовало Ермака извѣспіе, что оставленная въ Ашикѣ тяжелая аршиллерія на судахъ со всѣмъ обозомъ и сокровищами, купленными шолікою кровію и шрудами, находились въ совершенной цѣлоспи, хопя правду сказашъ, онъ крѣпко надѣялся, что Ашаманъ Гроза, коему поручено было сіе опасное дѣло съ полусопшнею охошниковъ, выбранныхъ изъ всей дружины, опра-

(*) 107 Козаковъ, падшихъ на кровопролитной, рѣшишельной битвѣ сей, досель поминаются ежегодно въ первое воскресіе великаго поста въ Тобольскомъ Соборѣ.

зишь цѣлыя полчища варваровъ и продержипся нѣсколько дней даже опъ цѣлой Кучумовой силы. Топчасъ же опсправлено было доспашочное число людей для доспавленія судовъ со всѣмъ имущесшвомъ изъ Ашика къ Чувашскому мысу, кошорый Ермакъ находилъ еще крѣпче перваго.

Наблюдая спрого мѣры оспороженоспи, Ермакъ приказалъ оспальнымъ козакамъ предашья опдохновенію, дабы ночью оняшь бодрспвовашъ. Къ вечеру пришли благополучно и всѣ лодки изъ Ашика, шолько крайне всѣхъ огорчило извѣспіе, чшо храбрый Гроза пропалъ безъ вѣспи. Ашаманъ не полагая, чшобъ Гроза, примѣрный исполнишель своихъ обязанносшей, рѣшилсѣ оспавипшь посшъ свой, коего зналъ онъ всю важносшъ, опносилъ пропажу его къ шайному убійсшву; но

Кольцо утверждалъ, что у друга ихъ, какъ онъ самъ знаетъ, не было ни одного врага, что все его любили за доброту сердца, услужливость и отвагу. — «Ты давеча сказалъ, продолжалъ онъ, что видѣлъ, какъ Мамешкула сшибъ съ коня, наскочившій со стороны наѣздникъ. Ужъ не Гроза ли это? По бурной душѣ и предприимчивости нашего друга дѣло сшапочное. »

«Между нами будь сказано, оповѣчалъ Ермакъ, мнѣ самому не разъ приходило это на мысль; скажу признательно, даже по ухваткѣ этого головорѣза, померещилось, будто вижу Грозу. Знаю, что онъ пожалуй не задумался бы одинъ напасть на Царевича посреди его рапи; но гдѣ ему доспашъ коня, и опъ чего ему пришло въ голову такое безуміе... Воля швоя — черезъ чуръ мудрено...

И Ашаманы общимъ совѣшомъ спали придумывашь о средствахъ найши слѣды пропадшаго поварища. Въ это время представили имъ двухъ Ошяковъ, пойманныхъ ночью, какъ мы видѣли выше, въ Ашикъ, на канунъ бишвы, кошорыхъ Мещерякъ заперъ въ глубокий погребъ. Разумѣеся, что всѣ узнали въ спаршемъ изъ узниковъ Шамана Уркунду, а о младшемъ извѣспились уже опъ сего послѣдняго. Горе и шруды измѣнили до того чершы прекрасной Велики, что никшо не опгадаъ бы въ ея длинномъ, блѣдномъ лицѣ, пухлыхъ, румяныхъ щечекъ дочери Ашамана Луковки, бывшей украшеніемъ и дивомъ цѣлаго Дона! Со всѣмъ шѣмъ Ермакъ чрезвычайно былъ радъ чудному ея избавленію и сожалѣлъ только, что радость сію не могъ сообщить блѣдному Грозѣ, о кошоромъ

приказалъ сказывать Великъ, что онъ отправленъ съ отрядомъ въ походъ. Но Уркунду кой часъ узналъ о истинной причинѣ пропажи своего друга, то, не сказавъ никому ни одного слова, не проспившись даже съ Великою, исчезъ изъ лагеря.

Въ двой сушки козакъ собрались нѣсколько съ силами. Ермакъ чувствовалъ, что одержанная ими рѣшительная побѣда принесетъ плоды свои только тогда, когда займутъ они столицу Царства Сибирскаго, безъ чего гибель ихъ, не смотря на всѣ успѣхи, неизбежна. Рѣки покрывались уже льдами, глубокіе снѣги скоро нанесутъ голодную смерть, если онъ оставитъ вокругъ себя врага сильнаго. И шакъ, 26-го Октября съ разсвѣтомъ дня Ермакъ повелъ дружину свою къ столицѣ Кучума — съ рѣшимостію по-

бѣдишь или умерешь подъ стѣнами
 ея. Не встрѣчая нигдѣ непріятеля,
 козаки сдѣлались еще оспорожнѣе,
 полагая въ каждомъ оврагѣ, за каж-
 дымъ камнемъ или лѣскомъ найши
 сильную засаду. Но вошъ уже спу-
 снулись они въ первый ровъ, ожидая
 шучи спрѣль, копорья покроющъ
 ихъ; подымающся и на валъ, а не
 видящъ никакого сопротивленія; съ
 обнаженными мечами и зажженными
 фишиями проходящъ и другой ровъ
 безъ малѣйшей встрѣчи. На второмъ
 валу Ермакъ велѣлъ оспановишься
 и вызвалъ охопниковъ для освидѣ-
 шельствованія крѣпости. Явилось
 ихъ сполько, что Ашаманъ долженъ
 былъ половину оспавишь. Ермакъ
 все еще опасался обмана со споро-
 ны непріятеля, боялся, что онъ
 заманиваетъ его въ какую нибудь
 шѣнину. Уже онъ раскаивался, что

упустилъ Шамана , кошорый шеперь могъ бышь всѣхъ полезнѣе , какъ возвращившіеся осмотрщики единогласно донесли , что въ цѣломъ городѣ не нашли живой души. Удивленіе скоро уступило мѣсто безпредѣльной радости : завоевашели бросились обнимашь другъ друга , поздравляли одинъ другаго съ окончаніемъ всѣхъ бѣдствій , съ сохраненіемъ жизни , кошорую думали положишь здѣсь , и построясь въ грозные ряды , — съ распущенными хоругвями , при звукахъ трубъ и лишавръ — заняли столицу Сибирскаго Царства. Но , не входя въ дома , не позволяя себѣ ни малѣйшаго любопытства , они опсправили прежде всего благодарственнѣй молебень съ пальбою изъ всѣхъ , бывшихъ при нихъ пушекъ и пищалей.

Сокровища , найденныя побѣдишелями въ разныхъ мѣстахъ и видахъ ,

удосповѣрили доспапочно, что Ку-
чумъ оставилъ свою столицу съ
величайшею поспѣшностію, забравъ
только самое драгоцѣнное и легкое.
Видно было, что спрахъ жителей
Искера до того проспирался, что
они единспвенно думали о спасеніи
своихъ семействъ, полагая, что по-
бѣдишели слѣдующъ за ними по пя-
шамъ.

Золото, серебро, Индѣйскія парчи,
драгоцѣнные камни и мѣха, Ермакъ
приказалъ снести въ одно мѣсто,
дабы по-брашски раздѣлишь, взявъ
и себѣ ровную со всѣми частъ. Съѣ-
стные припасы, коихъ найдено так-
же великое множество, собраны
были вмѣстѣ и ошданы Есаулу Брыз-
гу для общеспвеннаго употребленія.

Хотя зданія Искера не имѣли даже
характера нынѣшней Азіатской ар-
хитектуры и состояли большею

частью изъ деревянныхъ избъ или мазанокъ, покрытыхъ дерномъ, равномерно и внутреннее расположеніе палатъ богатѣйшихъ Мурзъ, нашель бы весьма шѣснымъ и неудобнымъ даже зажиточный селянинъ Русской; но козакамъ, сколько времени не вкушавшимъ сладоспей осѣдлой жизни, подобно тому, какъ побѣдоносная Гвардія Русская, возвращаясь изъ Турецкаго похода, мечпашель объ оподхновеніи въ дымныхъ хапахъ Подольскихъ, — показались они и великолѣпными и покойными. Въ особенноспи узорчатые войлоки и мягкіе ковры, соспавлявшіе, впрочемъ, главное или даже единственное убранство домовъ Тапарскихъ, были для нихъ предметомъ величайшей нѣги. Дворецъ царскій выспроенъ былъ по образцу Хивинскаго зодчестваша изъ большихъ плитъ сыраго кирпича,

и опличался отъ другихъ спроеній единственно обширностію своего гарема, гдѣ козаки были поражены роскошью, доселѣ неслыханною и невиданною, роскошью, кошорая въ .холодной Сибири врядъ ли не заключала въ себѣ столько же прелестей, сколько прохладные фоншаны имѣють на знойныхъ пескахъ Африки, кошорая, наконецъ, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ сими послѣдними о превосходствѣ Магомешанъ предъ Европейцами въ изобрѣшеніи нѣги, — согласной съ климатомъ и ближайшей къ природѣ.

Какъ не пожалѣешь послѣ эшого, что какой нибудь Ахунъ или Мулла не оставилъ намъ подробной хроники объ обыкновеніяхъ двора Царя Сибирскаго, объ обычаяхъ, въ то время существовавшихъ, о модахъ — допускавшихъ и слѣпыхъ подражае-

лей онымъ доживашь до глубокой сшаросши. Мы увидѣли бы, конечно, что въ Искерѣ или Абалакѣ не было спроеній схожихъ съ Багдашскими или Цареградскими, подобно шому, какъ у насъ шеперь въ Архангельскѣ и Аспрахани архитекторы выдають обывашелямъ планы на дома одного размѣра и фасада, между шѣмъ какъ въ первомъ должно вооружашься прошиву морозовъ, а въ другомъ изыскивашь средшва къ прохладѣ, и опъ шого въ обоихъ спраждушъ жишели. Мы увидѣли бы, можешь бышъ, что щеголи Искерскіе не гуляли по 30 градусному морозу съ опкрышою грудью, подражая жишелямъ сшасшливой Аравіи и не нагуливали себѣ чахошки, а женщины не спягивали безжалосшно своихъ шалій, хошя по сосѣдству жишельницы Кишая сжимали, какъ и нынѣ,

свои ножки. Мы увидѣли бы.
 Не пора кончить неимовѣрныя преданія, поспѣшимъ удовлетворить любопытство милыхъ чашельницъ модъ чужестранныхъ, копорыя, вѣроятно, съ неперпѣніемъ желаютъ узнать о роскоши гаремовъ Царя Сибирскаго, поразившей козаковъ, дабы имѣть время убраться, подобно имъ, на зиму свои Пешербургскіе и Московскіе бодуары. Да! сударыни, прикажите поскорѣе разрушить спѣны вашихъ кабинетовъ подъ фальшивый мраморъ, увеличивающій лихорадку въ продолженіи 12-ти мѣсячной бѣлой и зеленой зимы нашей, и обейте спѣны *герными соболями*, коими была убрана внутренность минаретовъ Кучумова гарема. (*) Вошь испинно была бы роскошь

(*) И теперь юрты кочующихъ звѣролововъ въ Сибири обиваются внутри кожами

Русская, кошорую, право, не худо
ввесши въ моду и для того, чшобъ
раззорить нѣсколькихъ Лордовъ и
Бароновъ, захопѣвшихъ подражать
намъ — какъ мы раззоряемся изъ
подражанія имъ!

Покоришели Искера не предались
однако бездѣйствію и нѣгѣ, на ко-
торыя призывали ихъ удобства но-
выхъ жилищъ и изобиліе продоволь-
ствія. Нѣшъ! Ермакъ Тимофеевичъ,
показавшій брашество и равенство
при раздѣлѣ добычи, вступилъ пош-
часъ же послѣ сего въ права началь-
ника спрогого, не имѣющаго ничего
общаго съ своими подчиненными.
Немедленно приказалъ онъ собрать

пушныхъ звѣрей, правда, не соболями и
лисицами, кошорыхъ, во первыхъ, очень
уменьшилось прошиву прежняго, во впо-
рыхъ — ими плашится ясакъ.

пѣла убишыхъ на послѣднемъ побоищѣ у засѣки, какъ своихъ, шакъ и непріятелей, копорыхъ не успѣли они увезши съ собою, и на другой день съ честію предашь землѣ на Сауксанскомъ мысу, гдѣ было древнее кладбище Хановъ, опслушавъ панихиду по убиеннымъ брапіямъ. (*) Попомъ занялся приведеніемъ въ лучшее оборонительное положеніе новой своей столицы, хопя она почиалась неприступною, защищаясь съ двухъ споронъ крупными берегами Иршыша, съ прешьей не менѣе глубокимъ рвомъ, по копорому текла рѣчка Сибирка, а съ послѣдней, соспоавшей изъ оплогоспи, пройнымъ валомъ и рвомъ. Огородивъ слабыя

(*) Досель собираются сюда Татары въ Сентябрь и Маѣ для поминовенія правотѣрныхъ, положившихъ головы свои за Искеръ.

мѣста крѣпкими палисадами и поспавивъ на нихъ огнеспрѣльные свои орудія, а на спускахъ во рвы устроивъ, по образцу Каргедана, подъемные мосты и вѣшныя башни, Ермакъ считалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ нападенія Кучума, хошя бѣ сей послѣдній подвигъ на него всю Сибирь; а самъ могъ съ большею удобностію распространять свои завоеванія по всѣмъ направлєніямъ.

ГЛАВА III.

Остяки, Вогуличи и Ташары просятъ милосердія и покровительства у побѣдителей. — Присяга въ вѣрности, по ихъ обычаю. — Новая услуга Уркунду. — Ермакъ обладатель обширнаго Царства. — Взглядъ на первоначальные его подвиги въ Сибири. — Усмиреніе возмущеній. — Преодоленіе препонъ, поставляемыхъ природою.

30-го Октябрю, — чрезъ чешыре дни по завладѣніи Искера козаками, явился предъ врагами онаго Остяшскій Князь Боаръ съ многочисленною толпою народа. Они принесли побѣдителямъ дары и запасы, и просили милосердія и покровительства. Разумѣется, что козаки при-

няли ихъ сколь возможно дружелюбнѣе и ласковѣе, желая привѣшливо-стїю привлечь и прочїя кочующїя племена дикарей Сибирскихъ.

Оспяшскій Князь, бывъ средняго роспа, почишался великаномъ и богашыремъ между соплеменными народами опъ береговъ Тобола до Оби и Ледовишаго моря. Онъ имѣлъ лице плоское и желшованное, густые русые волосы на головѣ и нѣсколь-ко рѣдкихъ рыжихъ прядокъ вмѣ-сто бороды. Одежда его опъ про-чихъ Оспяковъ опличалась собо-лымъ мѣшкомъ, копорый служилъ ему вмѣсто рубашки, и шапкою изъ бурыхъ лисицъ. Но и сквозь сіи драгоцѣнные покровы являлась самая ошвратишельная нечистота. Сверхъ эшого мѣшка надѣта была кожаная парка вмѣсто, кафшана.

Ермакъ приказалъ приготоуишь для дорогихъ госпей богашое угощеніе, а Боара пригласилъ къ своему Ашаманскому обѣду. Когда Князь накушался Сибирскихъ щей изъ сараны съ оленьимъ мясомъ и жирной ушицы, приправленныхъ солью, соспавлявшео величайшее для нихъ лакомство, до того, что жиръ вмѣсто пошу выспутилъ у него на лбу и на щекахъ, — то сдѣлался смѣлѣе и говорливѣе.

«Мы шебя боялись пуще Луса,» сказалъ Боаръ, обращаясь къ Ермаку.

«Да, Князь,» ошвѣчалъ сей послѣдній, «мы спрашны врагамъ нашимъ, а покорнымъ людямъ худа не дѣлаемъ.»

«Ташары насгращали насъ,» продолжалъ Боаръ, «будто вы при-

шли съ полудня выѣсть всё полуночное царство.»

«Хопя бы мы въ десятеро болѣе вашего ѣли,» замѣпилъ Ашаманъ съ усмѣшкою, «по во сѣмъ лѣтъ не вычерпали бы рыбъ изъ вашихъ рѣкъ, а изъ лѣсовъ не выловили бы пщицъ и звѣрей. Всего бы еще вдоволь осталось вамъ и послѣ насъ.»

«То бы такъ,» отвѣчалъ Князецъ, «да вишь они насказали, что вы глотаете незвѣрей, не рыбъ, не пщицъ, а людей, и что тащите съ собою желѣзныя печи, копорыми издаече печете вдругъ по нѣскольку человѣкъ. . . .»

Этотъ извѣстiе крайне всѣхъ позабавило.

«Да кто же это добрый человѣкъ, копорый разтолковалъ вамъ, что Ташары васъ обманываютъ и что мы не только не людоеды, да не

ѣдимъ и спервяпины, кошорую они, проклятые, прескаютьъ,» спросилъ его Ермакъ.

«Правда швоя, Ханъ,» подхвашилъ онъ съ примѣшнымъ удовольствіемъ, «онъ добрый человѣкъ, очень добрый человѣкъ и большой разумникъ. Пичебами сдѣлалъ намъ много добра, и не только мы, но и жены наши, и дѣши, и собаки обрадовались ему, какъ красному солнышку. Мы ему вѣримъ не хуже *Иннень Нома.*»

«Видно онъ насъ хорошо знаетъ.» сказала Ашаманъ.

«Хорошо, Ханъ, очень хорошо,» отвѣчалъ Боаръ. «Много объ васъ добраго говоришь....»

«Кпо же эшошь Пичебами,» сказалъ Ермакъ, обращаясь къ Ашаманамъ. «Не помнишь ли его кпо изъ васъ, а я, право, забылъ.»

«Пичебами называютъ Оспяки

своихъ Шамановъ, » замѣшилъ Ме-
щерякъ.

« Ну такъ эшо вѣрно нашъ прі-
ятель Уркунду, » перебилъ Ермакъ.

« Уркунду, Уркунду, » воскликнулъ
Князецъ.

« Чшо жъ онъ у васъ дѣлаешъ, за
чѣмъ онъ у васъ оспался? » спросилъ
съ поспѣшностію Ашаманъ.

« Онъ привелъ съ собою вашего
молодаго Хана, да шакого худаго и
хвораго, чшо пошевельнушъся не
можешъ. »

« Объ закладъ ударюсь, чшо Ур-
кунду опыскалъ бѣднаго Грозу на-
шего, » сказалъ съ живосцію Ашаманъ
Кольцо. « Позволь мнѣ, Ермакъ Тимо-
феевичъ, сходишь повидашъся съ
нимъ. »

« Поди пожалуй, » ошвѣчалъ Ермакъ,
« только съ шѣмъ, чшобъ постарашъ-
ся перенесъ его сюда. Въ нашихъ

новыхъ хапахъ будешь ему шеплѣ и покойнѣ, чѣмъ въ Оспяшской карѣ. »

Ошпуская Оспяковъ во - свояси, Ермакъ обложилъ ихъ легкою данью и приказалъ имъ принесть кляшву въ вѣрности и послушаніи. Чшобъ сдѣлать сію церемонію сколь можно торжественнѣе, примѣняясь впрочемъ къ ихъ обычаямъ, — собраны были всѣ козаки въ кружокъ на площадкѣ, посрединѣ кошорой разосплали медвѣжьё шкуру и положили на нее топоръ съ кускомъ сухаря. Присягавшій входилъ на кожу и произносилъ слѣдующую кляшву: *если я измѣню, то пусть разтерзаетъ меня медвѣдь, убьетъ топоръ и задушитъ первый кусокъ, который отпущу въ горло.* Надобно замѣтить, что Оспяки доселѣ воздають симъ страшнымъ царямъ дремучихъ лѣ-

совъ своихъ родъ богопочитанія. Убивъ медвѣдя, они поюшъ ему извинительныя пѣсни, а содравъ съ него шкуру, низко кланяюшся и благодаряшъ, что онъ позволилъ сняшъ съ себя шубу.

Черезъ нѣсколько дней явилось и множество Ташаръ съ женами и дѣтьми, коихъ Ермакъ также облакалъ, успокоилъ и оппустилъ въ ихъ прежнія юрты, обложивъ сильнымъ ясакомъ. Присягу въ вѣрность приносили они также подобно своему обычаю—цѣлованіемъ сабли, обагренной кровію. Честное преданіе козаками землѣ убитыхъ ихъ братьевъ, на мѣстѣ, священномъ для всякаго Магомешанина, и великодушное освобожденіе Ермакомъ, въ слѣдствіе даннаго имъ слова чрезъ Уркунду, женъ Кучумовыхъ, копорыхъ захвашилъ опрядъ коза-

ковъ, посланныхъ для преслѣдованія непріятеля по взятіи Искера, привлекло сердца Мусольманъ къ своимъ побѣдишелямъ.

И такъ, бывшій не задолго Ашаманъ разбойниковъ, содѣлался обладателемъ обширнаго, богатаго царства. Хотя доспапочно узнать однѣ послѣднія дѣйствія Ермака Тимофеевича, дабы получить понятіе о его правахъ на званіе Героя Исторіи; но для связи повѣствованія, покажемъ, что такое мужество, такое предпріимчивость и благоразуміе ознаменовали и первые шаги его въ Сибирь.

Мы оспавили козаковъ зимовать въ Кокуъ. Благошворенія Сибирской весны начинающа насномъ, коимъ покрываются пухлые снѣги, какъ крѣпкою корою, опъ дѣйствія Маршоваго солнца. Кора сія подъ ко-

нець весны дѣлаешся столь твердою, чшо въ соспояніи подымашь не шолько челоуѣка или лошадь, но самыя большія сяжесши. Эшо не укрылось ошъ прозорливосши Ермака Тимофеевича: онъ хошѣлъ воспользовашься симъ удобствомъ, чшобъ перешащитъ въ черныя рѣки (*), черезъ хребетъ Урала, сяжелыя свои лады, а можешъ бышь вмѣстѣ съ шѣмъ не желалъ ли онъ дашь заняшіе дружинѣ своей, для коей бездѣйствіе было вреднѣе самыхъ сяжкихъ шрудовъ?

Весело принялись козаки за столь опважное дѣло. Глубокіе овраги, дремучіе лѣса, самыя горы уступали мочной рукѣ богатырей Рус-

(*) Черными рѣками называются тѣ, копоры текутъ въ Сибирь, ш. с. на востокъ изъ хребта Уральскаго.

скихъ. Удивительно, неимоვნю кажется и теперь, при всѣхъ успѣхахъ Механики, какъ возможно было выполнишь споль дерзкое предпріятіе: днища нѣсколькихъ судовъ, оставленныхъ козаками на дорогѣ между Серебрянкою и Баранією, представляющія по висящими на неприступныхъ утесахъ, по едва выдавающимъ изъ глубины пропащей вершины вѣковыхъ липственницъ и елей, выросшихъ на ихъ согнившихъ основахъ. ! Впрочемъ удивленіе сіе умяляется, когда вспомнимъ, что громады сіи перебрались по насшу, копорымъ ровняющія глубокіе овраги, а крушизны дѣлающія приступнѣе, и съ помощію кѣого безъ сомнѣнія Ермакъ достигъ бы желаннаго успѣха, еслибъ слишкомъ ранняя весна не испровергла его усилій. Врядъ ли былъ

другой примѣръ въ лѣтописяхъ Сибири, чѣмъ въ Апрѣлѣ рыхнули снѣги и полились быспрыя рѣки съ горъ. Ермакъ вынужденнымъ нашелся оставишь свое гигантское предпріятіе и перейдя на рѣку Журавля, принялся строишь новыя суда, болѣе схожія съ плотами.

Съ первою, такъ сказать, весеннею спруею козаки внеслись въ царство Сибирское. Безпрепятственно промчались они по быспрому Тагилу и войдя въ Туру, не видали непріятеля; но Ермакъ опдалъ приказъ бышь въ готовности: ему дано было знашь, чѣмъ не вдалекѣ предстанеть необходимостъ обнажишь мечъ свой — на высокомъ берегу рѣки стоялъ городокъ Князя Епанчи, который защищаемъ былъ великимъ множествомъ Ташаръ и

Вогуличей. И дѣйсвишельно, едва приближились козаки къ берегу, какъ были встрѣчены шучею спрѣль. Ермакъ приказаль шремъ лодкамъ, на копорыхъ находились пушки, вспашъ рядомъ и сильнымъ залпомъ опвѣчашъ на привѣспшвіе Епанчи. Неожиданный громъ привель въ спрахъ и шрепешъ дикарей: они покидали свое оружіе и обрапились въ бѣгшво. Послѣ сего Ермаку спои-ло небольшого шруда заняшъ городокъ и разорилъ его до основанія — въ урокъ напраснаго сопропивленія. Не смошря на шо, нѣсколько Ташарскихъ Мурзъ напали на козаковъ при успѣ Турь и бились нѣсколько дней съ опчаяніемъ, но должны были успунить искусству и счаспію нашихъ вишязей, кои получили при шомъ споль много добычи, что

вынужденными нашлись половину
оной зарышь въ землю. Трепымъ
и чешвершымъ боями, не менѣ кро-
вопролишными, Ермакъ проложилъ
себѣ путь по Тоболу, гдѣ Ташары,
воспользуясь узкостію рѣки и воз-
вышенностію береговъ ея, думали
не только останоивъ козаковъ,
но совершенно истребить ихъ. Въ
послѣднемъ изъ сихъ-то сраженій
Ермакъ употребилъ, какъ мы ви-
дѣли выше, воинскую хитрость,
которая совершенно ему удалась:
онъ пустилъ по теченію рѣки пло-
ты свои съ чучелами, а самъ, вы-
шедъ на берегъ, внезапно — какъ
снѣгъ на голову, напалъ съ пылу на
непріятеля и обратилъ его въ бѣг-
ство. Послѣ сего едва отошелъ Ер-
макъ 30-ть верстъ отъ устья Тав-
ды, какъ встрѣшилъ Мегмешъ-Кула,
спорожившаго его съ многочислен-

ною силою по обоимъ берегамъ. Пяшь дней побѣда колебалась, на шесшой Ташары вынуждены были дашь ко-
закамъ свободный пущь и не смѣ-
ли даже воспрепятствовать имъ
завладѣшь богатымъ улусомъ Князя
Епанчи, расположеннымъ на берегу
озера, досель именующагося Епан-
чинскимъ. Слѣдствиемъ шесшаго сра-
женія на Ирпышѣ было взятіе го-
родка Ашика, а седьмаго и послѣд-
няго, кровопролитнѣйшаго изъ всѣхъ,
кошорое рѣшило учасъ Сибири,
мы были сами свидѣтелями въ предъ-
идущей главѣ.

Но побѣды сіи споили можешъ
бышь для Ермака не болѣе усилій и
искусства, требовали не болѣе разума
и силы характера, чѣмъ удержаніе
буйныхъ своихъ сподвижниковъ въ
границахъ военной подчиненности,

и убѣжденіе малодушныхъ къ продолженію начатаго предпріятія. Два раза въ особенності Ермакъ Тимофеевичъ долженъ былъ употребить всѣ мѣры осторожности и всю власць краснорѣчія для попушенія искры возмущенія, гошовой вспыхнушь. Въ первый разъ, когда козаки пришли къ устью Тавды, по большая часть ихъ требовала возвращенія въ Россію, наслышавшись, вѣроятно, ошъ Зырянскихъ проводниковъ, что прямыя дороги въ ошечество шли вверхъ сей рѣки и потомъ чрезъ Югорскія горы. Второе подобное возстаніе нѣкоторыхъ спирошпивыхъ и лишенныхъ бодрости ошъ непрерывныхъ трудовъ и уменьшенія дружины, случилось въ Ашпкъ; послѣ чего Ермакъ учредилъ, какъ мы видѣли шоже выше, 40 дневный поспъ.

Разумѣется, что Мещерякъ былъ душею всѣхъ слабыхъ и недовольныхъ, умѣя впрочемъ всегда оспаваться въ споронѣ. Но какъ къ злобѣ и меспи, копорыя пипаль онъ къ Ермаку Тимофеевичу, присоеди-
лось въ послѣднемъ случаѣ и коры-
сполубіе, то при раздѣлѣ богаш-
спвъ Епанчи, онъ обидѣлъ своего
пріятеля и соучасника во всѣхъ
злыхъ умыслахъ Самуса, копорый
въ опмищеніе доспаваль случай Ер-
маку бытъ свидѣтелемъ — какъ сей
злодѣй раздуваль пламя бунта меж-
ду козаками — спращая ихъ вели-
кими ополченіями Царя Сибирскаго,
копорый, если не перебьешь въ
недѣлю послѣднихъ козаковъ, то
пустишь умереть съ голоду, меж-
ду тѣмъ какъ шеперь, возвращаясь
на Донъ съ полными мошнами, мож-

но будешь забышь горе, понесенное ими, Богъ знаешь, для чего, и пожишь въ привольѣ.

« Кабы у Ермака Тимофеевича, говорилъ Мещерякъ, была къ вамъ жалость, то онъ вернулся бы еще онамеднесь съ рѣки Тавды, анъ, нѣшь, пащишь за собою впередъ, чшобъ выкупить свою головушку — вѣрною смершю. Я самъ, брашцы, опальной, а не погубилъ ваши душеньки за свою одну. »

Преодоленіе препятствій, поспавленныхъ природою почти на каждомъ шагу на пути незнаемомъ, на краю свѣта — черезъ горы, пропасти, лѣса, рѣки — въ непрерывной борьбѣ съ стихіями, въ безпрестанной готовности отражать непріятеля невѣдомаго, встрѣчать

засады неожиданныя — требовало также большого присуществія духа, предприимчивости и разума необыкновеннаго.

Наконецъ послѣ шолкихъ трудовъ, препонъ, пожертвованій, смершей — Ермакъ доспигъ своей цѣли, сдержалъ слово, данное имениному человѣку — покоришь царство грознаго Кучума. Увидимъ разумъ его въ земскихъ учрежденіяхъ, въ умѣнѣхъ вселишь въ людей грубыхъ, дикихъ довѣренность къ новой власти. Для доспигенія онаго онъ долженъ бы паче всего увеличилъ взыскашность и спрогосъ къ своимъ сподвижникамъ, дабы и въ землѣ завоеванной не смѣли они прогнать волоса у мирныхъ жителей. Жалѣя товарищей своихъ, какъ братій въ бившѣ, не жалѣлъ онъ въ

случаѣ преступленія и казнилъ за
всякое ослушаніе, за всякое *дѣло*
студное.

ГЛАВА IV.

Кольцо спасается въ снѣгу во время бури. — Угощеніе и забавы Оспяковъ. — Любопытный разсказъ Грозы. — Новыя козни Мещеряка. — Гибель 20 козаковъ. — Судъ надъ виновными. — Торжество Грозы. — Трагическое зрѣлище.

Уркунду былъ увѣренъ, что съ Боаромъ получишь добрую вѣспочку опъ Ермака, но не ожидалъ, чтобъ судьба споль скоро доспавила случай перевесъ къ нему больного своего друга. Въ чепыре дня сполько нанесло снѣгу, что вспаль прекрасный зимній пущь, и онъ могъ положишь его въ наршы. Но эшопъ снѣгъ замедлилъ возвращеніе

изъ Искера въ свои юрты знакомымъ намъ Остякамъ; ибо они предприняли сіе пушешествіе пѣшкомъ, не думая, чѣмъ свѣшная погода такъ скоро перемѣнилась въ несносную. Особенно опъ сей неожиданности спрадали Кольцо съ пятью козаками, пошедшими вмѣстѣ навѣстивъ пропадающаго шоварища, не смотря, чѣмъ и они, кажешся, давно знакомы были со всякаго рода непогодами.

На претій день буранъ выгналъ пушешественниковъ нашихъ изъ лѣсу, кошорымъ они пробирались, дабы не сбишся съ пуши. Сшарые кедры, вырывааемые съ корнемъ, кидало предъ глазами ихъ какъ легкія перышки и угрожали имъ безпрерывно бытъ раздавленными. На пусшыряхъ опасность еще увеличилась съ ожесточеніемъ бурана,

копорый, по примѣшамъ Оспяковъ, не скоро могъ уняшья.

« Нечего дѣлать, бачька, сказалъ Боаръ въ испугѣ, ложишья въ снѣгъ, пока не замерзли.»

« Поищемъ лучше, Князь, какой нибудь ямы, вошъ у эшой горы, » ошвѣчалъ Кольцо, дрожжа ошъ холоду.

« Нѣшъ, бачька, не проползешъ и десяти шаговъ заживо.»

Не говоря болѣе ни слова, Оспяки принялись копать въ снѣгу глубокія ямы и ложились въ нихъ по двое, спараясь покрыть себя, какъ можно толще, снѣгомъ. Козакамъ сколь ни не хошѣлось погребспись заживо во временныхъ сихъ могилахъ, но не оспавалось другаго средства ко спасенію; ибо буранъ, казалось, привелъ всѣ сшихи въ ожесточеніе. Воздухъ раздирался ка-

кимъ-то пронзительнымъ свистомъ; снѣгъ , превращаясь въ мелкія пылинки, захвапывалъ дыханіе и клубясь съ вихремъ , представлялъ небо и пвердыню въ распрѣ и хаосѣ. Звѣри, пшицы спѣшили укрыться въ благодушельныхъ сугробахъ и горахъ , внезапно возникавшихъ по гладкой поверхности. Самыя деревья, казалось, спонали.

Весьма легко опгадашь, что Кольцо съ козаками своими первые выльзли изъ подъснѣга , кой часъ слышали шишину на поверхности, понѣжась въ Сибирскихъ пуховикахъ болѣе 12-ти часовъ; ибо солнце было уже довольно высоко , когда они вышли на бѣлый свѣпъ. По скважинамъ , образовавшимся надъ дыханіемъ , они спали опрывать Оспяковъ, находя многихъ изъ нихъ погруженными въ глубокій сонъ , и

не охотно вспавшими, пошому что буря, хопя зашхла, но еще не миновалась. Но на сей разъ они ошиблись — успановилась прекрасная погода, и пушешесшвенники наши къ вечеру добрались благополучно до Боарова аула.

Уркунду чрезвычайно обрадовался прибышю Кольца, а болъе шого добрымъ вѣшямъ о Великъ, копорая, по словамъ сего послѣдняго, поправилаь въ здоровѣѣ. Къ сожа-лѣншю онъ не могъ шого же ска-зашь о ея любезномъ: Гроза шоль-ко со вчерашняго дня получилъ я-зыкъ, но Ескулапъ Оспяксшй за-прешилъ ему говоршшь, боясь, чшобъ малѣйшее напряженше не распво-рило глубокихъ ранъ, коими покры-та была его голова и шея.

«Гдѣ шы опыскаль его?» спросилъ Шамана Кольцо.

« Не сердись, бачька, сказалъ Уркунду, а съ начала я подумаль, что убилъ его вашъ брашъ Ашаманъ.»

« Кого же изъ насъ подозрѣвалъ ты? »

« Въспимо никого другаго, кромѣ Мещеряка; онъ шолько у васъ не добрый человѣкъ и много зла сдѣлаешъ... А какъ раздумаль хорошенько, то и пошелъ къ засѣкъ искашъ его мершваго между убишыми. »

« Мы до тебя шамъ всѣхъ пересмотрѣли, но его не нашли,» замѣнилъ Кольцо съ удивленіемъ.

« Вишъ бачька, вы смошрѣли въ одинъ, а я въ два глаза... »

« Да какъ же онъ могъ очушиться въ сраженіи, когда мы оставили его сперечь городище? » спросилъ Кольцо.

« Эшого я не знаю; но когда ска-
заль ты мнѣ , что на Мамешкула
наскакаль бѣшеной и сбиль его съ
коня , то мнѣ пришло въ голову ,
что эшого бѣшеной долженъ быль
Ашаманъ Гроза. »

« Знаешь ли Уркунду , сказалъ
Кольцо, что и я съ тобою одного
мнѣнія и даже намекнулъ о томъ
Ермаку Тимофеевичу. Тебѣ извѣсна
его спрогосшь : онъ иначе не про-
спишь Грозѣ его самовольства. »

Кажешся разговоръ сей былъ не-
продолжителенъ, а Ошяки успѣли
уже напишья допьяна съ радости
ошъ полученія добрыхъ вѣстей изъ
Искера. Веселыя толпы ихъ прохо-
дили попеременно въ юршу и при-
носили дорогимъ госпямъ лучшія
свои яшвы и пишья, какъ то: кро-
шенину изъ оленя, по счастью не

задолго издохшаго , (*) *котклей* — сваренную , не вычищенную рыбу безъ соли, *порсу* — сушеные сняшки , упошребляемые ими вмѣсто хлѣба и опваръ изъ *мухоморовъ*, — кошорый скорѣе и сильнѣе приводить въ опьянѣлость всякаго другаго вина. Но прежде чѣмъ они предложили гостямъ своимъ сіи лакомства или сами принялись за нихъ, соблазняли ими съ добродушною хитроспѣію своихъ испукановъ. Сынъ Боара Калкаль нѣсколько разъ помазывалъ своему *Лусу* губы оленьимъ жиромъ, прося съ низкими поклонами, чшобъ покушалъ; но какъ и послѣ того онъ ничего не принималъ, шо сказалъ ему: «ты не хочешь, ну такъ, пожалуй, я попод-

(*) Одна только крайность заславить Оспяка убить оленя.

чую нашихъ гостей, и самъ поемъ, а ты, смотри, не жалуйся. » Пьяные долго забавляли козаковъ своими плясками и пѣснями. Первые состояли изъ подражанія разнымъ звѣрямъ и птицамъ, а вторые изъ похвалъ, сложенныхъ и пѣтыхъ экспромтомъ въ честь гостей. Нельзя было безъ удивленія видѣть искусства, съ копорымъ Калкаль вмѣстѣ съ молодою женщиною довольно пріятной наружности и также довольно пьяною, представляли любовныя объясненія лѣсныхъ кошекъ. Оба дѣйствующія лица одѣшны были въ рысьи кожи. Форканье, мурлыканье, прыжки, лукавые шаги соблюдены были ими съ величайшею точностію, въ особенності же опчаяніе самца, копорый, озлобясь на обманы своей любезной, съ свирѣпостію кидается на нее и впи-

ваешся всѣми когшми при ужа-
сномъ ревѣ съ обѣихъ споронъ.
Совершенную прошивуположеносшь
предспавляла попомъ каршина ло-
вли оленей, хошя шакже любовь
была основаніемъ сего зрѣлища.
Сколько спокойспвія и хладнокровія
со спороны живонныхъ, сполько
хипросши и оспорожностши опъ
человѣка, пользующагося привлече-
ніемъ дикаго самца въ свои сѣши
помощію приученной самки. Робосшь
звѣря при малѣйшемъ бунчаніи на-
сѣкомаго, гордое озираніе его при едва
слышимомъ шелеспѣ листочка и
многокрапное обнюхиваніе самаго
вѣшра, прошивъ коего обыкновен-
но заходяпъ ловипъ, наконецъ еди-
нообразное движеніе лани переднею
ногою, въ доказашельспво, что она
спокойно кушаетъ найденный ею
мохъ въ изобиліи — шребовали не

менѣе искусствѣ въ нѣмой мимикѣ и изученіи свойствъ сихъ живописныхъ. Въ заключеніе, опличный Оспяпскій бардъ—*Таедко* пропѣлъ, подыгрывая себѣ на *тулбръ* (*) богатырскую балладу, вновѣ имѣ сочиненную на разбишіе козаками Мамешкула, коей поэзія равнялась доспоинствомъ съ музыкою, раздравшею уши нашихъ слушателей.

Неисшовые крики актеровъ и зришелей ни сколько, казалось, не пошревожили больного, лежавшаго въ шой же юршѣ за занавѣскою, но даже будшо пробудили въ немъ погасшія чувсшва. Гроза, различивъ голосъ Кольца, изъявилъ непреодолимое желаніе его увидѣшъ. Нельзя было опказашъ, хошя Ескулапъ нашъ крѣпко наморщился Друзья ис-

(*) Родъ балалайки съ кишечными струнами.

крено обнялись и Кольцо , предупредя вопросъ больнаго , объявилъ ему въ коропкихъ словахъ о всѣхъ счастливыхъ событіяхъ , случившихся въ послѣднее время. Гроза вмѣсто отвѣта перекрестился и пожалъ руку радостному Ашаману.

Съ сей минушны здоровье Грозы стало поправляясь не по днямъ , а по часамъ , и Кольцо съ Шаманомъ положили , не опкладывая да-
лье сушокъ , перевезть его въ городъ.

Нынь сомнѣнія , что Кольцо имѣлъ порученіе отъ Ермака Тимофеевича развѣдашь , какъ можно обстоятельнѣе , о новыхъ своихъ подданныхъ , а пошому онъ не оставилъ ничего безъ замѣчанія , даже обратился вниманіе на ушесь , возвышавшійся прошивъ ихъ аула на берегу рѣки въ видъ гладкой снѣ-

ны, исписанной красными буквами. Никпо не умѣлъ объяснить ему значеніе сихъ письменъ, только одинъ Уркунду сказалъ, что это сдѣлано не ими и не Тапарами, а народомъ, задолго до нихъ жившимъ, пишавшимся серебромъ и золопомъ, копорое выкапывали они изъ земли, какъ они теперь копають орѣхи и коренья. (*)

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что Уркунду разумѣлъ *колпи*, извѣстные въ Сибири подъ именемъ Чудскихъ, копорыя въ исмаломъ числѣ находящіяся по Уралу, а еще болѣе по хребту Санинскому, и доказываютъ существованіе тамъ *никогда* народа просвѣщеннаго и любознательнаго; въ одной изъ сихъ копій найдены были двѣ мѣдныя гири съ письменами, копорыхъ никпо разобрать не могъ. Очень вѣроятно, что этотъ прудолюбивый народъ ославилъ по себѣ и сіи надписи, выстѣченные или нарисованные красною краскою на недосигаемыхъ вер-

На утро Кольцо нашель Грозу
гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ
ожидалъ. Видя, что душевное весе-
ліе служишь ему дѣйствительнѣй-
шимъ бальзамомъ онъ рѣшился,
увѣдомишь его о счастливомъ опы-
сканіи Велики. Сколь ни пріятна
была для влюбленнаго вѣсть сія,
но въ скороспи замѣшилъ Кольцо
облако скорби, опуманившее чело
его и, опгадывая причину, расска-

шинахъ граничныхъ береговъ Сибирскихъ
рѣкъ. Онъ имѣлъ любопытнѣе, что имѣ-
юшъ величайшее сходство съ подобными
памятниками, открытыми въ противу-
положныхъ концахъ Сѣверной и Южной
Америки — и также ни къ чему не разгада-
ны! Если мы убеждаемся безпрерывными
открытіями въ существованіи неизвѣст-
ныхъ животныхъ, исчезнувшихъ съ лица
земли, — то почему не допустить, что
были и народы, непричастные Истории.
Міръ шире кажется, чѣмъ мы полагаемъ.

заль ему всѣ подробности чудеснаго избавленія ея опъ счастія умножишь число Одалисокъ сасполобываго Кучума.

«Теперь я самый счастливый человекъ,» воскликнулъ Гроза съ восторгомъ.

«Желаю, дружище, чѣмъ въпредъ ничѣмъ не помѣшало швоему счастію,» сказалъ значительно Кольцо.

«Понимаю,» онѣвчалъ Гроза. И подумавъ не много, продолжалъ: «вы даве сказали, чѣмъ причиною счастливой перемѣны сраженія при заѣкѣ, была рана Мамешкулова..»

«Да!»

«Ну такъ узнай же, чѣмъ Гроза былъ топъ счастливецъ....» Онъ не могъ продолжашъ за увеличивающеюся слабостію; но для Кольца было доспапочно услышашъ опъ честнаго Грозы изустное под-

твержденіе своей догадки. Ему хотѣлось бы только еще узнать, какимъ образомъ совершилось сіе чудо.

«По истинѣ чудо,» сказалъ Гроза, опдохнувъ и укрѣпясь не много. «Дастъ Богъ, какъ обмогусь, расскажу тебѣ все обстоятельно, а теперь удовольствую свое любопытство въ нѣсколькихъ словахъ.»

Приходъ Шамана не только не остановилъ Грозу продолжать свое повѣствованіе, напрошивъ того, онъ обрадовался случаю получить отъ него разположеніе нѣкоторыхъ имовѣрностей, не мало его мучившихъ....

«Я очень понималъ всю важность охраненія Апшика,» началъ онъ съ разстановками; «но согласись, Кольцо, могъ ли Гроза осмѣиваться равнодушнымъ, слыша жаркую ва-

шу перепалку и спрашныя вопли
несмѣшной рапи Кучумовой, пог-
да какъ зналъ, что бѣшва сія долж-
на рѣшить судьбу всего похода?
Признаюсь, я горѣлъ какъ на огнѣ,
мешался, какъ угорѣлый; изъ одно-
го угла въ другой, бѣгалъ вокругъ
городища, а не было легче сердцу . . .
Богъ знаешь, что приходило мнѣ
на мысль уже я колебался: вдругъ
споя на опдаленномъ валу городи-
ща, слышу глухой голосъ Уркунду,
выходившій будто изъ преиспод-
ней: *спаси!* . . . Прислушиваюсь, . . .
и другой голосъ, не менѣе для меня
любезный, голосъ Велики, повпо-
риль поже Голова моя закру-
жилась, я подумалъ, что слова сіи
есть вѣщаніе свыше, и не разбирая
болѣе ничего, взявъ только чест-
ное слово съ Есаула Самки, что
онъ будетъ бѣжеть до послѣдней

капли крови, если бь варвары напали на оспрогъ, и никому не скажешь о моемъ побѣгѣ, въ случаѣ, если бь я и не вернулся назадъ. Спускаюсь оспорожно съ вала, приказавъ свеспи спорожевыхъ, чшобъ меня не видали, набрасываю на себя Остяпскій мѣшокъ, и сѣвъ на лошадь, копорая, по счаспію, прибжала за часъ съ мѣсна сраженія въ полной сбруѣ, сбивъ съ себя, вѣрояшно, Мурзу Ашика, скачу на звукъ пальбы во всю прышь, какъ будшо гонимый невѣдомою силою; въ ушахъ моихъ раздаются слышанныя слова, и я прискакиваю на поле бипвы въ шо самое мгновеніе, какъ Мамешкуль, успѣвъ собрать и ободришь тысячи оробѣвшихъ всадниковъ своихъ, гошовъ былъ ринушься на нашихъ. . . . Тупъ шолько я опомнился и увидѣвъ не-

возможность пробиться до своихъ, увидѣлъ и свою безразсудность — возмечтавъ одному спасти всю дружину!... Къ счастью, я не успѣлъ предаться опчаянію; какъ блеснула въ головѣ моей опрадная мысль, копорую почелъ я выполненіемъ слышанныхъ мною словъ, и — съ новою силою пуспилъ моего коня до Тапарскаго предводишеля. Не большаго труда стоило мнѣ пробиться до него и однимъ взмахомъ сабли повергнувъ на землю.... Изумленіе бусурмановъ продолжалось недолго, скоро они нагнали меня на берегу Иршыша и оглушили своими воплями и ударами.... Не даромъ однако я продавалъ имъ жизнь свою и не прежде упалъ, пока не повалилась за-мертво моя лошадь... Болѣе я ничего не помню и очнулся уже здѣсь за занавѣскою....»

«Теперь твоя чередá кончишь,»
сказалъ Кольцо Шаману.

«Охошно, бачька,» ошвѣчалъ Уркунду, только прежде скажу, какъ Грозѣ слышались наши голоса. Вишь Мещерякъ, кошорому ошдалъ насъ Ермакъ за лазушчиковъ, заперъ насъ въ яму, обѣщаясь на ушро пришши выпышашъ правду. Мнѣ бы ничего, да бѣдняжка Велика не сшерпѣла смрада ошѣ мершваго шѣла, кошорое лежало въ шюрѣмѣ вмѣстѣ съ нами, и обезпамяшѣла; кое-какъ я пособилъ ей: долго ничего не было ни слышно, ни видно во-кругъ насъ. Вдругъ къ неописанной радости узнали мы черезъ скважину, что подлѣ насъ споялъ Ашаманъ Гроза. Мы почти въ одинъ голосъ закричали, чтообъ онъ спасъ насъ. Вошѣ эши-шо слова онъ принялъ

иначе, и чупь не положилъ своей буйной головушки. »

« Слава Богу, » прервалъ его Кольцо, « чшо онъ не понялъ ихъ, какъ должно; иначе не сдѣлалъ бы славнаго дѣла. Но скажи: какъ же ты спасъ его? »

« Пѣмнишь ли, я убѣждалъ опъ васъ, услыша, чшо пропалъ Гроза, » продолжалъ Шаманъ; « вошь я бѣгу на мѣсто съчи, шамъ перешарилъ всѣхъ убишыхъ и раненыхъ, даже безголовыхъ, а все не нашель Ашамана Грозы. Вошь я пошелъ по красному слѣду къ Иртышу и не зналъ: радовашься ли мнѣ или печалишься, когда увидѣлъ его плавающимъ въ запекшейся крови, — и чупь было я не прозѣвалъ его въ его новомъ нарядѣ. Ну-ко мышь въ чистой водѣ, да скоблишь пескомъ, пока не полилась кровь; я обрадовался, а онъ

все не дышалъ. Тупъ я облепилъ его кедровою сѣрою. До Искера было далеко, да и не подняшься бы вверхъ по вешкѣ, (*) копорая пушъ стояла у берегу; и шакъ я по водѣ сплавилъ его до юрша Князя Боара. »

На семи нарпахъ, запряженныхъ оленями, козакъ наши опсправились на чешвершый день въ обратный пушъ, взявъ съ собою больнаго Грозу и Шамана. Въ трои сушки они благополучно доспили до Искера.

Кольцо спѣшилъ сообщить Ермаку Тимофеевичу свѣдѣнiя, касающiяся до Грозы.

« Хорошо, коли окажется правда, » замѣшилъ довольно сухо Ермакъ, « иначе ему будешъ дурно. »

« Ты зналъ Грозу за чешпаго «козака, онъ на себя не всклеплешъ, »

(*) Лодка изъ береста.

опвѣчалъ Кольцо съ примѣшнымъ неудовольствіемъ.

« То правда , » сказалъ Ермакъ , « но ты самъ знаешь , что въ дѣлахъ общеспвенныхъ нужно опкинуть всякое лицепріятіе . »

« Коли нужно, Аппеманъ , я присягну на Евангеліи, что все, показанное Грозою , есть совершенная правда . »

« Всего этого недосташочно , любезный Иванъ Ивановичъ , ты вѣдь не былъ свидѣтелемъ , а поже вѣришь чужимъ словамъ . »

« Если надобенъ свидѣтель , » подхвапиль Кольцо , « то спроси подъ присягою Есаула Самку . »

« Эшо другое дѣло. Мы то и сдѣлаемъ ужо на кругу и увидимъ , какъ посудяшь поварищи , » сказалъ Ермакъ хладнокровно , и вышелъ вонъ изъ палашы.

Кольцо не могъ надивисься внезапной суровости Ашамана къ Грозѣ, не зная, что причиною оной были новыя козни Мещеряка. Ермакъ послалъ паршію изъ 20-ти козаковъ, подъ начальствомъ Самуса, на Абалацкое озеро для рыбной ловли. Козаки, забывъ оспорожностъ, умѣренностъ и спрогій наказъ Ашамана, предались, по примѣру развращающаго своего Есаула, пьянству, грабежу и всякаго рода насиліямъ въ близъ - лежащихъ Шамшинскихъ юртахъ. Озлобленные жители дали знать Мамешкулу, который, не смотря на язву свою, бодрствовалъ не вдалекѣ, выжидая случаевъ вредить побѣдителямъ. Ему не сподобило большаго труда перерѣзать весь опрядъ, кромѣ чешырей, которыхъ успѣлъ спасти Ермакъ, прилѣпившій самъ на помощь по пер-

вому зову. Непріяшли дорого запла-
тили ему за убійство шеснадца-
ти православныхъ воиновъ, но и
спасенныхъ ими чепырехъ, въ томъ
числѣ Есаула, онъ предаль кругу на
осужденіе за ослушаніе и распуш-
ство. Ермакъ шребоваль опъ дру-
жины не только повиновенія и хра-
броспи, но и цѣломудрія и чистоты
душевной, увѣренъ будучи, что
Богъ даешь ему побѣду съ малымъ
числомъ добродѣтельныхъ воиновъ,
нежели съ большимъ закоснѣлыхъ
грѣшниковъ. (*)

Кольцо возврашилъ въ Искеръ въ
самое то время, какъ Ермакъ при-
казаль привести въ исполненіе при-
говоръ круга, копорымъ присужде-
ны были при козака: просидѣшь
въ рѣкѣ въ кандалахъ для *омовенія*

(*) Карамзина томъ IX. стр. 391.

и въ набишомъ пескомъ плашъ, съ полдень до закаша солнца, а Есауль Самусъ на смершь, яко виновникъ гибели своихъ подчиненныхъ. Мещеряку жалко было лишиться участника своихъ замысловъ, но онъ зналъ, что развѣ чрезвычайныя мѣры могли преклонить Ермака Тимофеевича къ помилованію, а попому подговорилъ нѣсколько козаковъ припши на Майданъ, (*) и попребавшъ суда Грозъ, копорый оказалъ еще важнѣйшее ослушаніе самовольнымъ оплученіемъ изъ Ашика. Мещерякъ полагалъ, что для спасенія своего любимца Ермакъ смягчитъ наказаніе Самусу. Но не таковъ былъ вождь ихъ: онъ равнодушно выслушалъ прребованіе воиновъ и общалъ

(*) Козаки и въ Сибирь завели свои круги на площади, копорую называли Майданомъ.

его предашь немедленно на судъ круга.

Кругъ собирался въ то самое время, какъ Ермакъ бесѣдовалъ съ Кольцомъ. Оставивъ сего поелѣдняго въ своей палатѣ, Ашаманъ скоро и его пошребовалъ на Майданъ. Кольцо нашелъ вождя уже говорящимъ.

«Требованіе ваше, поварищи, справедливо,» сказалъ Ермакъ Тимофеевичъ. «Ашаманы обязаны подавать примѣръ спрогаго выполненія своихъ обязанностей, а попому и подлежатъ спрожайшей предъ другими отвѣстивенности. Правда, городище не было въ опасности, но могъ ли Гроза предвидѣть, что непріятель не обратится на него и не постарается лишить насъ главныхъ силъ, богатства и пропитанія, вѣреинныхъ въ его защиту? Пусть обвиняемый явится

къ оправданію себя,» примолвилъ онъ, давъ знашь головою споявшимъ за нимъ козакамъ, чшобъ позвашь Грозу, если имѣешь что принесешь въ свое оправданіе.

«Чай, потѣшался въ разговорахъ съ своей невѣстою,» раздался насмѣшливый голосъ изъ толпы козаковъ. «Ему одному у насъ счастье, да воля.»

«Нѣшъ, шоварищи,» сказалъ Кольцо съ жаромъ, вышедъ на средину, «не обвиняйте по напрасну Ашамана Грозу, не берите грѣха на душу, чшобъ послѣ самимъ не жалѣшь. Подаю голосъ допросишь свидѣтелей. Есауль Самка, кошорый оспавался по немъ спаршимъ въ городищѣ, обязанъ присягнушь на свяшомъ Евангеліи, что покажешь истину....»

Ермакъ и весь кругъ одобрили сіе предложеніе, и Самка, подошедъ къ налою, на копоромъ лежали Евангеліе и крестъ, далъ обѣщаніе не покрѣпши душою, поцѣловавъ шо и другое.

Послѣ сего онъ повторилъ шоржесшвенно все шо, чшо мы уже знаемъ изъ признанія Грозы въ юрштѣ Боара, присовокупивъ шолько, чшо онъ освободилъ Уркунду съ Великою изъ шюрмы, въ копорую кипуль ихъ Мещерякъ, уже послѣ ошбышнїа Ашамана Грозы, копорый про нихъ не вѣдалъ, да и самъ онъ нечаянно ошкрылъ мѣсто ихъ зашоченїа.

«Теперь выслушаемъ другаго свидѣтеля,» сказала Кольцо, и велѣлъ Уркунду разсказать, гдѣ и какъ онъ нашелъ Грозу? «Осшавляю, шоварищи,» присовокупилъ онъ, «справедли-

вому вождю нашему дополнишь остальное. . . . »

« Да! я гошовъ засвидѣтельствовашъ поржесшвенно , » продолжалъ Ермакъ , возвыся голосъ , « что видѣлъ собсшвенными своими глазами , какъ Гроза поразилъ Мамешкула и сею опшвагою обрашилъ къ намъ побѣду . . . »

Въ это самое мгновеніе показался Гроза — блѣдный , изнеможенный , покрытый глубокими язвами , опираясь на двухъ козаковъ. Никогда видъ его не бывалъ шоль привлекателенъ , никогда почешныя раны не украшали болѣе героя и не возбуждали сильнѣе чувствъ благоговѣнія. Козаки по невольному побужденію сняли предъ нимъ шапки.

Гроза приблизился къ Майдану и слабымъ голосомъ слазаль : « брашцы ! я принесъ вамъ свою повинную голову . . . »

« Побѣдишелей не судяшъ, » разда-
лось въ кругу.

« И такъ я умру не какъ пре-
спушникъ Не опскажишъ мнѣ ,
братцы , еще въ одной милоспи . . . »

« Говори , говори , все для себя
сдѣлаемъ »

Гроза сдѣлалъ шагъ впередъ , выр-
вался изъ рукъ помощниковъ и , ки-
нувшись на колѣни , произнесъ со
слезами : « просшишъ Самуса . . . »

Неожиданная просьба привела
всѣхъ въ недоумѣніе . Всѣ глядѣли на
Ермака , какъ будто прѣбуя опъ
него рѣшенія Между тѣмъ Гроза
все стоялъ на колѣняхъ , и , по спе-
ченію обшояшельствъ въ поже
время обреченнаго на смерть Са-
муса , выводилъ въ желѣзахъ , съ
обнаженными саблями изъ часовни ;
гдѣ онъ исповѣдался и причасшил-
ся Свяшыхъ таинъ . Впереди его

несли мѣшокъ, въ кошоромъ онъ черезъ нѣсколько минушъ долженъ бышъ зашипъ заживо, и съ каменьями опущенъ на дно глубокаго Ирпыша.

Споль умилишельное зрѣлице не могло не пронушъ самаго швердаго сердца, — сердца Ермака Тимофеевича. Онъ первый снялъ съ себя шапку и махнувъ ею, закричалъ: прощаемъ!....

Оспрадное слово сіе — вездѣ и всегда радоспное, съ воспоргомъ повпорено было доблеспными воинами. Всѣ веселились не менѣе одержанной побѣды; одинъ виновникъ сего веселія Гроза, по слабоспи силъ, не могъ взяшъ учаспія. Его безъ памяспи опнесли съ Майдана.

ГЛАВА V.

Помолвка Грозы съ Великою. — Открытие новыхъ умысловъ Мещеряка. — Остяки и Вогулы пребуоушъ Ермака въ Цари Сибирскіе. — Ермакъ отвергаетъ. — Кругъ. — Посторонніе толки. — Ермакъ предлагаеиъ повергнуиъ завоеванное ими Царство Царю Іоаниу Васильевичу. — Мещерякъ пропивипися. — Провозглашеніе Ермака Царемъ Сибирскимъ. — Козаки увлечены ласкою и коварствомъ Мещеряка. — Ермакъ отказывается. — Кольцо вдеиъ посломъ къ Царю Іоаниу Васильевичу. — Неудача Мещеряка.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней послѣ сего происшествія, въ Искерѣ случилось не менѣе доспопашашное и неожиданное зрѣлище. По желанію несчастныхъ любовниковъ, разсѣвавшихся оиашъ на неопредѣленное

время, Ермакъ позволилъ Грозѣ обручиться съ Великою на канунѣ опѣзда ея съ гонцемъ, кошораго опсправлялъ онъ къ Спрогоновымъ съ подробнымъ извѣщеніемъ о своихъ успѣхахъ.

Правила цѣломудрія, приняшыя Ермакомъ для своей дружины, не позволяли ему согласишься, чшобъ хошя одна женщина оспавалась въ ихъ станѣ. Гроза зная, сколь онъ былъ швердъ и непреклоненъ на сей счешъ, едва рѣшилсѣ просить его, чшобъ онъ былъ свидѣтелемъ ихъ кляшвы — принадлежашь одинъ другому или умерешъ — принесенной шоржесшвенно въ храмъ Божіемъ, и, въ качесшвѣ опца, благословишь ихъ будущій союзъ. Съ сей минушы Гроза счишалъ себя болѣе въ правѣ, — счишалъ для себя безгрѣшнѣ мыслишь объ од-

ной Великъ! Увы! Онъ позналъ всю
цѣну милой своей Велики, — не
смогъ на короткое время, — и
разскавалъ съ нею, можетъ быть
на вѣкъ!

Какъ справедливо сказалъ какой-
то Французскій писатель: *en amitié*
on s'aime parcequ'on se connoit, *en*
amour on se connoit parcequ'on s'aime.

Намъ кажется теперь удивитель-
нымъ, почти невѣроятнымъ, —
какъ могли быть счастливы супру-
жества въ тѣ времена, когда они
совершались безъ взаимнаго согласія
и даже, какъ гласитъ преданіе, были
счастливыѣ нашихъ? Признаюсь:
это, по моему мнѣнію — одна изъ
неразрѣшимыхъ задачъ о сердцѣ
человѣческомъ! По крайней мѣрѣ
достоверно то, что счастливые
предки наши не знали тѣхъ несрав-
ненныхъ минутъ, которыя вкуша-

юшъ шеперь два существа, мечшающія вмѣстѣ о будущей своей жизни, не понимали гордоспи — бышъ шворцемъ своего благополучія, не ощущали той душевной пышки, того мучительнаго страха — поперяшъ свой избранный предметъ, которыя шерзаюшъ, преслѣдуюшъ ихъ до самой той минушы, когда узы, ничѣмъ не разрываемыя, успокоиваюшъ два препещущія сердца... Увы! Гроза былъ изъ малаго числа шѣхъ счасшливцевъ или несчасшливцевъ XVI вѣка, копорый испытываль сіи ощущенія!

Дикой язычникъ и шеперь показаль нѣжностъ, достойную просвѣщеннѣйшаго Хриспіанина. Уркунду замѣшя, что Гроза шерзался болѣе шѣмъ, что не въ сосшояніи былъ проводишъ свою Велику въ Орель-городокъ, чѣмъ самою съ ней раз-

лукою, взялся доставить ее въ сохранности къ Спрогоновымъ, обѣщаясь не медля возвратиться къ больному своему другу, коего здоровье отъ непрерывныхъ душевныхъ движеній весьма поспрадало и требовало всего его попеченія и искусства.

Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и крапкосъ зимнихъ дней въ сихъ спранахъ полуночныхъ, не позволяли Ермаку мысли о новыхъ, опдаленныхъ предпріятіяхъ до весны (*), и онъ занялся мирнымъ подданствомъ сосѣднихъ народовъ распространявъ свои владѣнія. Въ шрудахъ сихъ дѣяшельнѣе всѣхъ содѣйствовалъ ему Ашаманъ Мещерякъ, копорый, бывъ самъ Тапарскаго происхожденія, имѣлъ болѣе

(*) Карамз. том. IX. стр. 391.

всѣхъ другихъ вліянія на своихъ
одноплеменцовъ. Его спараніемъ и
убѣжденіемъ два сильныхъ Князя
Вогульскихъ : Ишдербей и Суклема,
изъ коихъ первый господствовалъ
за Эскамбинскими болошами, на
берегахъ Конды и Тавды, а вшорый
въ окрестностяхъ Тобола, прибыли
въ Искеръ и добровольно вызвались
плашишь ясакъ соболями. Оспавалось
получишь отъ нихъ присягу
въ вѣрности, и эпо взялся уладишь
Мещерякъ. Искреннее усердіе, ко-
торое оказывалъ онъ въ дѣлахъ,
болѣе всего занимавшихъ дѣятель-
ный умъ и дальновидные планы Аша-
мана, невольнымъ образомъ сблизило
его опять съ нимъ. Мещерякъ, по
спарому, спалъ ближе всѣхъ къ
Ермаку и сей послѣдній, казалось,
забылъ его вѣроломство или отно-
силъ оное къ его малодушію. Одинъ

только Кольцо не хопѣлъ вѣришь, чшобъ и въ семь усердіи не скрывались какіе ни еспъ умыслы хитреца; скоро увидимъ, кшо изъ нихъ ошибся?

Кольцо рѣшился прилежиѣе наблюдать за Мещерякомъ и его друзьями Самусомъ и Габаномъ, надѣясь, чшо случай вознаградишь его терпѣніе; ибо, въ сшарину, какъ и нынѣ, человекъ только шого не доспигалъ, къ чему не упошреблялъ всѣхъ сшараній, мѣръ и пожертвованій. Не прошло недѣли, какъ въ глухую полночь онъ услышалъ спукъ у дверей своихъ. Кольцо поспѣшилъ опшворишь ихъ, и вспрѣшя двухъ Оспяковъ въ непрезвомъ видѣ, опгададь шопчасъ, чшо они зашли къ нему ошибкою, вмѣсто Мещеряка. Онъ не счель грѣхомъ воспользо-

вапсья сею нечаянноспію, надѣясь
что нибудь вывѣдашь изъ нихъ,
касательно своего подозрѣнія, а
пьяные дикари не скоро могли раз-
глядѣшь его и свою ошибку при
едва шеплившейся лампадѣ.

« Ну, бачька, » сказалъ одинъ изъ
нихъ посшарше, въ коемъ Кольцо
узналъ Князя Ишбердея, « ну вошь
и Князь Суклема соглашается. По-
давайка водки, да не скупися. . . . »

« За водкою дѣло не спанешъ, »
ошвѣчалъ Кольцо чужимъ голосомъ,
« скажи напередъ, какъ вы согласи-
лись ? »

« Мы согласились, бачька, ужё на
свѣшу со всѣмъ народомъ вспашъ
передъ юршою Хана Ермака и за-
кричашъ : мы, бачька, шебя хо-
тимъ въ Цари. »

« Да! закричимъ въ одно горло, тебѣ одного, бачька, хошимъ, » прибавилъ Суклема, припопнувъ ногою.

« Ась! ладно ли, чшо жъ ты не подносишь водки? » спросилъ Ишбердей съ неперпѣніемъ.

« Нѣшъ! посшой, » преваль его Суклема, « поучика меня пошолковѣе, пока еще памяшь не ушла, какъ присступишь намъ къ Хану, коли онъ спанешъ ломашься? »

« Ну спанешъ ли ломашься, кому не охоша въ Цари? » замѣшилъ первый изъ Вогуловъ съ лукавою усмѣшкой, и взглянувъ въ эшо время съ большею внимательностію на Ашамана Кольцо, позналъ свою ошибку. Замѣшашельство дикаря, не умѣвшаго еще хорошо припиво-

ряшья, доспашочно показало Кольцу, что это было у нихъ съ Мещерякомъ лажено въ шайнѣ. Чшобъ вывесшь его изъ спрадалческаго положенія, Кольцо сказалъ:

«Не бойся, Князь, вѣдь и я другъ Ермака Тимофеевича и не менѣе швоего Хана Мещеряка желаю ему добра.»

Слова сіи раскрыли и полусонные глаза Суклемы; онъ выпучилъ ихъ на Кольцо, не говоря ни слова, а между шѣмъ Ишбердей сказалъ: «шакъ и бышь, бачька, не говори шолько ему прежде насъ. Вишь Мещерякъ крѣпко заказалъ никому не сказывашь.»

Кольцо, увѣривъ его въ своей скромности, выпроводилъ шощасъ же нежданныхъ госпей, показавъ имъ дорогу къ дому Мещеряка, а самъ

предался размышленію о семъ неожиданномъ открытіи.

Уже незадолго предъ разсвѣтомъ онъ заснулъ и конечно проспалъ бы долго, если бъ шумъ, подобный реву бури, не разбудилъ его. Вслушиваясь внимательнѣе, онъ безъ труда различилъ нѣсколько дикихъ голосовъ, а приведя на память ночное происшествіе, кошорое бы иначе почелъ за сонъ, не медля ни мало накиннулъ на плеча свои шубу и пошелъ смотрѣть Мещерякову комедію.

И Ермака Тимофеевича первымъ чувствомъ было безпокойство, когда онъ подъ окошкомъ своимъ услышалъ ужасный ревъ множесва грубыхъ голосовъ. Онъ также спешась вышелъ узнатьъ оному причину, гонювя уже въ мысляхъ планъ

предупрединъ и потушилъ всякое возмущеніе или возстаніе; но не могъ добиться толку отъ Вогуловъ, споявшихъ на колънахъ и дравшихъ во всю мочь горло, (прибѣжавшіе же козаки на шумъ сей, также какъ и онъ, казалось, сморгнули на нихъ въ недоумѣніи) доколѣ Князья ихъ не повалились къ нему въ ноги и не повспорили изъ всей мочи твердо выученную ими ролю:

« Бачька, великій Ханъ Московскій, мы и весь народъ Вогульскій хошимъ шебя въ Цари наши и ни кому другому, кромѣ шебя, присягать не спанемъ. »

Сія неожиданность привела Ермака Тимофеевича въ нѣкоторое замѣшательство; не смотря на уди-

вишельное присушствіе духа, онъ не вдругъ нашелся, чшо ошвѣчашъ; но эшо замѣшилъ одинъ шолько Кольцо, пошому чшо онъ одинъ шолько могъ равнодушно наблюдать за сею сценою, бывъ нѣкошорымъ образомъ посвященъ въ ея таинсшва.

Ермакъ поднялъ съ земли Ишбердеа и Суклему, и съ досшоинспвомъ, приличнымъ повелишелю народа, досшоинспвомъ, невольню дававшемъ ему всегда поверхносшь надъ его подчиненными, — произнесъ слѣдующія слова: « Много благодарствую за любовь вашу ко мнѣ. Упошреблю всѣ спаранія, чшобы вы никогда не раскаялись въ надеждѣ своей на мою зашщиту, покровишельсшво и справедливосшь. Принимаю съ удовольсшвіемъ вашу присягу...

Кольцо взглянулъ на него съ удивленіемъ, а Вогульскіе Князья принялись кричать, а за ними и всѣ Вогулы: «Да здравствуетъ Ермакъ, Царь Сибирскій!»

Ермакъ Тимофеевичъ, ни сколько не смутившись, продолжалъ говорить:

«Но вы знаете, друзья, что я подданный Царя Московскаго, а потому добровольное ваше мнѣ подданство передамъ добровольно подъ Его великую державу. . . . »

Кольцо увѣренъ былъ въ благоразуміи Ермака Тимофеевича, но по началу его рѣчи не ожидалъ столь счастливаго оборота и былъ внѣ себя отъ радости; Вогульскіе же Князья, безъ сомнѣнія, по данному имъ уроку, закричали:

«Нѣтъ! бачька, мы хошимъ бытъ
твоими или ничьими. Коли ты
ошъ насъ ошступашься, мы кинемъ
свои юрты, промѣняемъ свои ке-
дровые лѣса на шундры зыбучія,
уйдемъ къ спудену морю, гдѣ насъ
никшо не добудешъ.»

«Ошпановишесь и выслушайте
меня внимательнѣе,» сказалъ Ер-
макъ Тимофеевичъ съ спокойствіемъ,
ему одному свойственнымъ... «Не
спрашивайся, а благодаришь Бога
должны вы, что Онъ привелъ васъ
подъ державу всемогнщаго Царя Мо-
сковскаго. Его одного имени препен-
щущъ Государи во сто разъ силь-
нѣе Кучума и дерзновеннѣе Мамеш-
кула, и не смѣютъ не только оп-
нимать собственности у его под-
данныхъ, но даже приближаться къ
нимъ. Сильный Царь Московскій...

Тутъ , завидѣвъ Мещеряка , ходившаго къ кругу съ видомъ любопытства , онъ остановился , позвалъ его къ себѣ и громко , такъ , что всѣ слышали , поручилъ ему употребить свои старанія для разуменія добрыхъ друзей его о выгодахъ подданства Царю Московскому.

Мещерякъ хотѣлъ что-то говорить ; но Ермакъ Тимофеевичъ , не останавливаясь долѣе , вернулся въ свою палату.

Широкими шагами разхаживалъ завоеватель Сибири по свѣтлицѣ своей ; великая дума занимала его душу и сердце . Онъ по хмурилъ густыя свои брови , по улыбка самодовольствія являлась на гордомъ челѣ его . Всѣ движенія , самый взглядъ изображали сильное вну-

преннее бореніе. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ позвать кого-то, но оспанавливался въ раздумьѣ и — продолжалъ ходишь.

Казалось, Ермакъ обрадовался приходу Мещеряка. Они долго между собою разговаривали съ жаромъ и вѣроятно были одинъ съ другимъ прошивнаго мнѣнія. Ибо Кольцо, копорый зашелъ также къ Ашаману предъ начашіемъ круга, къ ко-ему всѣ были повѣщены, могъ услышашъ при входѣ своемъ слѣдующія слова, сказанныя Ермакомъ Тимофеевичемъ: «Увидишь, Мещерякъ, что никто съ тобою не согласится.»

Козаки недоумѣвали, что зашпавило Ашамана созвашъ ихъ на кругъ, спрашивали другъ друга, что будетъ предметомъ ихъ совѣщаній?

« Вѣспимо, » говорилъ Самусь, не только не смирившійся отъ великодушнаго прощенія, но еще болѣе ожесточенный прошиву всякой надъ собою власпи и порядка, особливо, когда его лишили званія Есаула, « вѣспимо созвали для важнаго дѣла: чай нужно нашему доброму дѣдушкѣ кого нибудь въ куль, да въ воду, чпобъ поменьше калякалъ. Другой радости давно не слышимъ на кругахъ, другаго ничего не шворится на вольныхъ судахъ козацкихъ, какъ, знай, чщо вѣшаемъ, да шопимъ храбрыхъ брашій нашихъ за шакіе грѣхи, чщо и монаха бы въ монашырѣ на поклоны не посшавили. »

« Диво, брашцы, да и только, » подхвашилъ Грицко, « чщо у насъ завелось съ нѣкой поры: не смѣешь,

право, пѣсни смурлыкашь, не шоль-
ко козачка проплясашь.»

« За шо можешь вдоволь насмо-
трѣшься, » прибавиль Самусь съ
злымъ смѣхомъ, « какъ другіе пля-
шущь въ присядку въ прорубахъ
съ желѣзнымъ ворганомъ на ногахъ.
Пора, брашцы, намъ опомнишься и
пожишь своею волею за шруды и
кровь молодецкую. . . . »

« Да дѣдушко - шо, вишь спра-
щаешь Московщиною. Не послу-
шайся, разомъ выдасшъ всѣхъ Царю
Московскому : а Сударь Іоаннь Ва-
сильевичъ шушишь не любишь.»

« Тебѣ, Грицко, все смѣхи, да по-
шѣхи, » сказалъ съ негодованіемъ Са-
мусь. Глядя на себя, иной поду-
маешь, чшо жишье-шо у насъ сло-
вно масленица и какъ будшо не

къмъ намъ измѣнишься? Благодаря Бога, ешь у насъ Ашаманы чище Ермака Тимоѳеевича. Ашаманъ Мещерякъ и на пихомъ Дону былъ его спарѣе, да почесшиѣе . . . »

« Ты проворень , » замѣшилъ ему козакъ , слушавшій его со вниманіемъ , « поди-ка сунься, а мы на шебя посмошримъ. »

« Чшо жъ за диковина , » опшвѣчалъ Самусь, « шолько не выдайше . . . »

На это слово показался Ермакъ Тимоѳеевичъ въ сопровожденіи всѣхъ Ашамановъ, въ томъ числѣ больного Грозы, и всѣ, по невольному побужденію, начиная съ самаго Самуса, замолчали и съ подобострастіемъ ожидали его рѣчи.

« Брашцы , » сказалъ онъ, снявъ шапку и поклонясь на всѣ споро-

ны. «Съ Божіею помощію мы выполнили обѣщъ свой предъ Господомъ и сдержали слово, данное людямъ именишымъ. Мы послужили вѣрою и правдою и Царю Небесному и Царю земному, не жалѣли ни трудовъ, ни крови, ни жизни, карая враговъ Искупишеля и Государя Православнаго. Но не дешево мы купили поржеспво свое и право на милоспъ Царя Іоанна Васильевича. Болѣе прещи храбрыхъ шоварищей положили честные живошпы свои за дѣло великое—за покореніе Царства Сибирскаго! Смѣло можемъ надѣяться шеперь, что Царь Московскій—спрогій, но справедливый—уважишъ наши ему послуги и дозволишъ съ честію вернушъся намъ на берега шихаго Дона.»

«Не гнѣви Бога, Ермакъ Тимоѣевичъ,» прервалъ Мещерякъ громко

и смѣло, «не губи наши головушки, не выдавай своихъ товарищей. Къ чему обольщаешь себя и насъ надеждою, чѣмъ Иоаннъ могъ забышь и просишь когда либо наше прощиву него возснаніе, или чѣмъ онъ поступилъ честнѣе съ завоевателями Сибири — невѣдомыми никѣмъ козаками, чѣмъ поступилъ съ покорителями Царствъ Казанскаго и Аспраханскаго — знаменитыми воеводами Князьями Курбскимъ и Пронскимъ. Первый едва ушелъ отъ его плахи къ Ляхамъ, впораго велѣлъ онъ задушить въ шюрмѣ. Вотъ какими милостями Иоаннъ воздаешь за вѣрныя службы! И неужели мы лили кровь нашу, два года не знали ни дня покоя, ни часа жизни — для позорной плахи или пещи? Да и за чѣмъ,

брашцы, добровольно ишши намъ на бѣду? когда кровію и трудами купили себѣ царство! Оно наше, дадимъ его — кому хопимъ, наградимъ имъ — кого признаемъ достойнымъ. А кто же достойнѣе владѣть имъ, какъ не храбрый вождь нашъ, Ермакъ Тимофеевичъ? Поклонимся ему завоеваннымъ нами царствомъ. Да здравствуетъ Царь Сибирскій, Ермакъ Тимофеевичъ,» закричалъ онъ, кинувъ вверхъ шапку.

Козаки — одни подспрекаемые хитрою лестию Мещеряка, другіе пригошовленные имъ заранѣе, шреши, думая показати преданность свою вождю, съ громкимъ воспоргомъ повшорили: ура! въ знакъ своего согласія.

Едва замолкъ шумъ, Ермакъ снова обратился съ рѣчью къ своимъ товарищамъ.

« Нѣтъ, брашцы, не предашь васъ хочу, а выкупить, » сказалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ. Принять даръ вашъ — значило бы не жалѣть васъ, значило бы отдать ваши головы за свою спѣсь и прокляшую гордосць. Гордымъ Богъ прошивишся, глаголетъ Священное писаніе! Чѣмъ и какъ мы удержимъ наше царство, слабѣя ежедневно въ силахъ, хошя и побѣждая? Года въ два, много въ три, исчезла бы храбрая дружина наша въ битвахъ, или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, слушающихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые

плашаясь намъ данъ подъ угрозою
меча или выспрѣла ? »

« Опъ тебя будешь зависѣшь ,
Ермакъ Тимофеевичъ , » замѣшилъ
Мещерякъ , « увеличивъ свою рапъ
новыми швоими подданными. Подъ
швоими знаменами они также бу-
душъ храбры и непобѣдимы , какъ ... »

« Худа надежда , Ашаманъ , на ино-
земцевъ , иновѣрцевъ и наемниковъ , »
прервалъ его Гроза , давно пылавшій
къ нему негодованіемъ . « Вмѣсто
того , чшобъ биться за одно , въ
одну душу , нужно смоспрѣшь еще
за ними и осперегаешься , чшобъ
при первомъ невзгодѣ , они первые
не перерѣзали своихъ . Наемщикъ
служивъ не изъ любви къ родинѣ ,
защищаетъ не честь своей оп-
чизны , умираетъ не за память
родныхъ своихъ — а за корысть ;

что больше ему дася, пошъ и
любъ, — гдѣ болѣе выгоды — шамъ
и опечесство. »

« Напрасно обижаешь, Апаманъ
молодецъ, » перебилъ его съ него-
дованіемъ Мещерякъ, понимая,
что слова сіи мѣшались на него,
« храбрую нашу дружину Нѣмцевъ и
Ляховъ. Пошлюсь на всѣхъ пова-
рищей и на самого Ермака Тимо-
феевича, что они не опскавали
позади козаковъ и въ напасши и
опасности. . . . »

« Ты криво примѣнилъ рѣчи мои, »
отвѣчалъ Гроза. « Наши Нѣмцы, Ля-
хи, Липвины, не наемники, — не
одна корысть сдружила ихъ съ на-
ми, они не жалѣли живоша также
для родины своей, зная, что
до нее одна имъ дорога чрезъ Си-

бирь и славно выслужили свою свободу. »

« Не о томъ рѣчь, молодцы Апананы и храбрые шоварищи, » сказалъ Ермакъ съ примѣшною досадою на Грозу и Мещеряка, « мы собрались сюда радишь дѣло важное, пришли рѣшимъ, что дѣлать съ завоеваннымъ нами царствомъ? Вы, по милости своей, жалуете имъ меня, но могу ли я принять оное, помня, что мы обѣщали Богу и честнымъ людямъ воевать опдаленныя страны сіи именемъ Царя Московскаго. Спасься можешь, что Господь благословилъ труды наши на его счастье. И такъ, — послѣ сего дерзнемъ ли мы располагать чужимъ добромъ? Нынѣ, братья, не хочу грѣха на свою душу и бѣды на ваши головушки. Опдавъ Ца-

рю Московскому, принадлежащее ему по всѣмъ правамъ, новое царство, мы заслужимъ его Царскую признательность, забвение прежнихъ винъ нашихъ и благословение Ошесства. Поспупивъ же вопреки кляшвы нашей и благоразумія, навлечемъ на себя новыя бѣды и напасти. Не думайше, чѣтобъ Божеское наказаніе не поразило кляшвопреспупниковъ, а желѣзный хребешъ не укроешъ насъ ошъ справедливаго гнѣва Царя Московскаго. Доблестные воеводы его найдутъ насъ и на краю моря спуденаго.... Да здравствуешъ Іоаннъ Васильевичъ, Царь Сибирскій и Московскій,» воскликнулъ онъ, махнувъ своею шапкой.

Испина словъ Ермака и привычка козаковъ слѣпо во всемъ ему довѣряшъ, воспоржесствовали надъ зло-

намѣренностію Мещеряка, увлекшаго легковѣрныхъ и щеславныхъ хитрою своею рѣчью. Всѣ единогласно воскликнули: ура! да здравствуетъ Царь Іоаннъ Васильевичъ, а нѣсколько бочекъ касачашаго (повареннаго проворными козаками изъ меду захваченнаго у Епанчи) выкаченныхъ по приказу Ермака, придали силы и охоту долго и громко повшорявъ сей возгласъ.

«Ну, брашъ Самусъ, придется тебѣ опложить походъ свой въ Москву,» сказалъ Мещерякъ съ досадою, войдя въ свою хашу, гдѣ уже дожидался соучастникъ его. «Наша не взяла,»

«Какъ же ты завѣрилъ, что онъ подасся,» спросилъ Самусъ.

«И подался бы, анъ на бѣду, изъ гроба выльзъ полумертвый Гроза

и пожаловалъ велемудрый его споручникъ Кольцо. Видно они-то его и смушили. »

« Не легко же намъ, Ашаманъ, будешь найши другой случай сбишь съ нихъ спѣсь. Кабы Ермакъ хошь не множко подался, я бы имъ голубчикамъ поднесъ на блюдицкѣ по подарочку изъ Москвы бѣлокаменной. »

« Да! ужъ Царь Московскій добрался бы до samodѣльнаго Царя Сибирскаго и его свѣшлыхъ бояръ; ха! ха! ха! но посшой Самусъ, можешь бышь и поправимся. Если Ермакъ вздумаетъ послашь въ Москву бишь челомъ Царю завоеваннымъ царствомъ, — то дѣло безъ меня не обойдется. »

« А почему же обойдешь онъ Кольца или Грозу, а можешь пошлешь и Пана, » замѣшилъ Самусъ.

«Первыхъ двухъ пожалѣешь,» оп-
вѣчалъ Мещерякъ. «У Московскаго
Царя не ровень часъ, пожалуй не
посмотрѣишь и на пословъ; велишь
сначала ихъ перевѣшашъ, какъ опаль-
ныхъ, а потомъ примешь подаро-
чекъ. Панъ же безошвѣшная голо-
вушка.»

«Правда, я забылъ, что съ Коль-
цомъ нашъ не разспанешся,» под-
хвапиль Самусъ, «а Гроза еле живъ
шапашся.»

«Молись Богу, будешь по наше-
му,» сказалъ Мещерякъ.

Но Провидѣніе и на сей разъ не
допустило выполниться его злона-
мѣреннымъ видамъ, пославивъ соб-
ственную его хитросць однимъ
изъ главныхъ тому препятствіемъ.
Мещерякъ успѣлъ заставить про-
ницательнаго Ермака Тимофеевича

считатьъ его возстаніе противъ Царя Московскаго жершвою неограниченнаго къ себѣ усердія, а пошому онъ пожалѣлъ опсправить его въ Москву, боясь гнѣва Іоаннова, въ случаѣ, если бѣ дошло до свѣдѣнія его сіе происшествіе, а назначилъ въ знаменишое посольство Ивана Ивановича Кольца, перваго своего сподвижника, перваго въ думѣ и съчѣ.

ГЛАВА VI.

Семейное несогласіе Спрогоновыхъ. — Денись Орель
ошправлень въ Москву. — Непріятное по-
ложенье Максима Яковлевича Спрогонова. —
Прекрасная утѣшительница. — Свяпочныя
забавы. — Гаданье. — Колдунья. — Радост-
ныя вѣсти. — Всирьча соперницъ. — При-
миренье брашьевъ. — Сборы въ Москву.

Снѣгъ падалъ шаками большими
охлопками съ низкихъ, сизыхъ обла-
ковъ, какъ воронье крыло, — чшо
въ самые полдни въ Орль-городкѣ
было шемно, словно въ сумерки.
Максимъ Яковлевичъ, ошдохнувъ по-
слѣ обѣда, сѣлъ на свои желѣзныя
кресла и—задумался. Правду скажашь,
ему было о чемъ подумашь: вошъ

уже близъ году онъ не получалъ ни малѣйшей вѣспочки ошъ Ермака Тимофеевича и ежечасно ждалъ грозы изъ Москвы, зная, что прошивъ него сильно кощунствовалъ Чердынскій Воевода Перепелицынъ. Но что всего болѣе грызло его решивое, эшо несогласіе съ двоюроднымъ брапомъ своимъ, Никишою Григорьевичемъ, кошорое до того дошло, что сей послѣдній уѣхалъ на Чусовую и вступилъ въ сношенія съ его непріятелями. Хошя Максимъ Яковлевичъ всячески старался не подавалъ брапу своему причины къ неудовольствію, даже приказалъ вездѣ и во всемъ уступать ему, но никакими пожертвованіями не могъ угодишь на подозрительный нравъ, легковѣрность и любовь къ навѣшамъ Никишы, кошорый сверхъ того исполненъ

былъ самодовольствія и упрямства, такъ что малѣйшее прошиворѣчїе приводило его въ изскупленіе, доходившее до сумасшесствія. Разумѣлся, что нашлись добрые люди, копорые пользовались слабостями Никишы, въ особенноспи же Пермскій Воевода, копорый такъ умѣлъ воспановишь его прошиву брапа, что онъ послалъ, какъ мы видѣли въ концѣ 2-й части, челобишную на Максима къ самому Царю. Хитрый Перепелицынъ, поступаю по обычаю — будпо извѣстному между судьями со временъ древнѣйшихъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ: Мидянъ, Персіянъ, Грековъ и ш. п. *полумти Богъ народъ, накорми воеводъ*, полагалъ вмѣстѣ съ шѣмъ, что семейственныя распри всего скорѣе могушь лишишь гордыхъ Строгоновыхъ Царской милоспи, и,

ослабивъ ихъ , подчинишь его расправѣ.

Максимъ Яковлевичъ не любилъ навѣшловъ , но не могъ запрешить Денису имѣть доброжелателей при Никишѣ Григорьевичѣ , кошорые сообщали ему всѣ его прошиву брата козни и даже доспавили съемока съ челобитной , кошорую онъ послалъ къ Царю съ извѣстнымъ намъ подъячимъ Ласкою. Жалоба была сопавлена подъ руководствомъ Перепелицына съ шакимъ коварствомъ и наглостію , что могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для всего ихъ рода и въ минушу разрушить доброе имя , богатство и силу , спяжанныя необыкновеннымъ умомъ , посшоянствомъ и добродѣтелями ихъ знаменишаго дѣда , Аники Григорьевича. Максимъ Яковлевичъ хотѣлъ самъ опсправиться въ Москву,

не смотря на разсброенное свое
здоровье, посспрадавшее послѣ из-
вѣспной осады Каргедана и невоз-
можностъ оплучишься опъ упра-
вленія огромными дѣлами, копорья
держались единспвенно его благора-
зуміемъ, хладнокровіемъ и опышно-
спію. Денись Васильичъ, видя его
запруднипельное положеніе, не убо-
лся на спароспи лѣшь, предло-
жить себя на сію важную послугу.
Впрочемъ онъ шолько одинъ могъ
замѣнишь Максима Яковлевича, какъ
по преданности къ пользамъ его,
шакъ и по совершенному знанію
всѣхъ навѣшовъ и обвиненій, копо-
рья долженъ онъ былъ опровергашъ
предъ верховною Царскою Думою.
Онъ же одинъ въ сосшояніи былъ
и подкрѣпишь челобитную, копо-
рую послалъ Максимъ въ оправданіе
свое на грозную Царскую грамошу,

сообщенную ему воиномъ Аничковымъ.

Прошло уже болѣе шести мѣсяцевъ и со времени опѣзда спараго Орла въ Москву, а не было никакой опѣ него опповѣди. Всѣ эшо взошло на мысль Максиму Яковлевичу и онѣ не хощя повѣсилъ голову. Въ эши минушы являлась къ нему обыкновенно Ангеломъ упѣшишелемъ прекрасная его Ташьяна. И теперь пришла она въ сопровожденіи всей своей веселой свишы. Она всячески спаралась развеселишь роднова, ласкалась къ нему какъ малая пшашечка къ своей мапери, крѣпко цѣловала его руку, рассказывала ему о шушкахъ и дракахъ ея забавниковъ, наконецъ пропѣла ему его любимую пѣсенку, а все не помогло ей разбишь глубокой его думы. Онѣ только по временамъ нѣжно взгля-

дывалъ на нее и крѣпко прижималъ къ своему сердцу. Даже Горынычъ, кошорый лучше всѣхъ умѣлъ развѣселятъ именишаго человѣка, теперь не обращалъ его вниманія, хотя, правду сказать, онъ никогда не бывалъ такъ смѣшенъ и забавенъ. Горынычъ съ нѣкошораго времени нахотился на высшей почкѣ спѣси и наглоспи — раздувалъ щеки, смотпрѣлъ на всѣхъ съ висока, никого не удостоивалъ поклономъ, расхаживалъ, заложивъ руки назадъ и нахмуря брови въ знакъ размышленія, какъ будто передразнивалъ нравспвенныхъ пигмеевъ, принимающихъ не рѣдко сіи положенія ошъ малѣйшей улыбки непосшоянницы — форшуны или кинушыхъ случаевъ въ дѣловые люди! Горыныча увѣрили, что воинъ Аничковъ ошдалъ Максиму Яковлевичу грамошу,

коею Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ его въ Думные Бояре, наслышавшись о его разумѣ и храбрости, и пребуешь его предъ своими очами; но что именимый человекъ не объявляешь ему о сей Царской милости изъ зависти. Горынычъ щещно упопрелялъ всѣ способы для полученія опъ Максима Яковлевича своей грамошъ: просьбы, угрозы, награды, кошоры обѣщаль изливъ на него, сдѣлавшись Думнымъ Царскимъ Совѣшникомъ, даже хопѣлъ постараться, чшобъ Спрогонова перекреслили въ Вогулы....

Видя безуспѣшность всѣхъ сихъ средствъ, Ташьяна рѣшилась попросить у своего родишеля позволеніе погадашь, шѣмъ болѣе, что наспало уже время свяшокъ, когда ворожба соспавляла повсюду пріят-

нѣйшую для всѣхъ забаву и упражненіе. Максимъ Яковлевичъ безъ труда согласился на желаніе милой своей дочери, пригошоваясь и самъ загадашь о своихъ думахъ.

Спарушка, почилавшаяся первою ворожеею въ Орль - городкѣ, принесла чернаго пѣшука и выпустила его посреди чешырехъ насыпанныхъ кучекъ разныхъ зерень и спала со вниманіемъ примѣчаешь, кошорую изъ нихъ прежде спанешъ клеваешь онъ? Пѣшухъ, не смошря, что въ одной изъ сихъ кучекъ насыпана была пшеница, а въ двугой рожь, кинулся клеваешь овесь, а эшо, по мнѣнію Сивиллы, предвѣщало великую напасшь. (*) Три раза

(*) Сей способъ предвѣщанія есть самый древнѣйшій въ Россіи и конечно можетъ почесъся остаткомъ Греческой Алекстро-

мѣшали кучки и при разѣ пѣ-
 шухъ предпочипалъ овесъ и яч-
 менъ прочимъ зернамъ такъ ,
 что вѣщуныя сама пригорюнилась.
 Впоруя ворожба съ распощленнымъ
 воскомъ , оловомъ и золощомъ , объ-
 ясняемая другою сѣнною спаруш-
 кою , была ушѣшищельнѣе для Мак-
 сима Яковлевича. На вылищомъ въ
 воду оловѣ до шрехъ разѣ выходиль
 сверху мосщѣ , а эщю значило , по

манщѣ. Греки гадали имѣ слѣдующимъ
 образомъ : на пещѣ или на мелкой землѣ
 они обводили кружекъ , который раздѣляли
 на 24 части. Въ каждую клали букву , а
 при ней зерно , и по шѣмъ буквамъ , конщо-
 рья пѣшухъ склюени , не выходя изъ круга—
 выводили предсказательное слово. Такимъ
 образомъ Софисты Либаній и Ямблихъ
 предсказывали , что преемникомъ Импера-
 тору Валентинищу будетъ Θεодоръ , ибо пѣ-
 шухъ сѣтъ зерна , лежавщія при буквахъ
 Θ. Ε. Ο. Δ.

полкованію ворожей, дорога съ полудня, п. е. изъ Москвы дѣдушкѣ Денису, снизу же видѣлись все часпоколы, да покойники, да высокія горы. Первые, по словамъ гадашельницы, означали великую сѣчу на полуночи, а горы — край свѣта. И на воску, и на золошѣ Тапьянѣ Максимовнѣ выливалось одно изображеніе храма Божія.

«Ну, родимая, бышь шебѣ подѣвѣнцомъ нынѣшнимъ же мясоѣдомъ,» сказала съ восхищеніемъ няня, разглядывая слишокъ.

«Бога ты не боишься, Федосьевна,» перебила ее со спрахомъ ворожея, — «шолковашь криво не наше дѣло. Гдѣ ты нашла шуть вѣнцы, да брачныя свѣчи? Посмотри-ка по приспальнѣе — такъ и увидишь при церквѣ-шо кладбище съ крестомъ

и ширинкою, а это значишь монашпырь и монахиню.

Спарушки долго между собою спорили и не соглашались, а въ Ташьянѣ изображеніе монашпыря и монахини оспавило какое-то непріятное впечатлѣніе; она думала слышать предсказаніе будущей судьбы своей.

« Ну-ка, Оедошъевна, » сказалъ Горынычъ, поворожи-спа мнѣ — скоро ли попаду я въ Цари Сибирскіе на мѣсто Кучума? »

« Давно ли брашъ, въ бояра-то пожалованъ, а ужъ лѣзешь въ Цари, » замѣпилъ съ улыбкою Максимъ Яковлевичъ.

« Велико дѣло, брашъ, изъ Московскихъ бояръ попасть въ Сибирскіе Цари, » ошвѣчалъ спѣсиво Горынычъ — вѣдь не вѣкъ же сидѣшь въ боярахъ. И надоѣсть »

Между шѣмъ сѣнныя дѣвушки перешепывались съ Тапьяною Максимовною. Открылось, что онѣ пригласовили на Красномъ дворѣ Остякскую колдунью, которая весьма хорошо ворожила на молоко, кипящемъ на огнѣ. И Максимъ Яковлевичъ пошелъ смотрѣть на кудесницу. Это была слѣпая (*) безобразная женщина, что въ глазахъ суевѣрія служило знакомъ особеннаго благоволенія къ ней духовъ. Любопытные толпились вокругъ ея и спрашивали о значеніи разныхъ побрякушекъ, висѣвшихъ на ея платьѣ и она толковала, что человѣческое лице означало — солнце,

(*) Замѣчательно, что въ Сибири Шаманы и Шаманки скоро лишаются зрѣнія, вѣроятно отъ напряженія силъ при опправленіи своего колдовства.

полукружіе — мѣсяць, лодка — воду, преугольникъ — огонь, рѣшешка — землю и ш. п. Когда закло-
кошало молоко въ кошль, то Шаманка, приблизясь къ нему съ обыкновеннымъ кривляньемъ и воемъ, спала дуть и шепшашъ на разно-
цвѣшныя волны, потомъ опусти-
ла въ нихъ сучекъ пихшоваго дере-
ва. Долго онъ то шонуль, то вы-
скакивалъ поверхъ, наконецъ завер-
тѣлся. . . . Прорицательница опско-
чила опъ кошла и спукнувъ нѣ-
сколько разъ глухимъ шимпаномъ
своимъ, завопила спраннымъ голо-
сомъ: « *бѣгутъ, бѣгутъ! И съ во-
«стока и съ запада; растворй
«ворота, погонй лошадей. . . .* »

Всѣ принялись шолковать значе-
ніе шемныхъ предсказаній Шаманки,
а она препокойно усѣлась опорож-
нивашь кошель съ молокомъ, изъ

кого выплеснула только нѣсколько ковшей въ жертву огня. Еще не согласились въ значеніи послѣднихъ словъ прорицанія, а въ копѣ оставалось еще съ доброе ведро докушавъ прорицательницѣ, какъ къ крѣпоснымъ ворошамъ подъѣхало нѣсколько повозокъ, занесенныхъ кругомъ снѣгомъ.

Можно предсавить всеобщее удивленіе и радость, когда изъ первой кибитки выѣзъ Денисъ Васильевичъ, хопя обледенѣвшіе борода и усы долго не давали ему возможности произнесъ единого слова. Всѣ кинулись обнимать спарика, не зная еще, добрыя или худыя вѣсти привезъ онъ изъ Москвы?

Татьяна, наблюдавшая за измѣненіями лица Максима Яковлевича, первая замѣтила на слѣдующее утро, когда пришла съ нимъ здороваться,

что вѣспи изъ Москвы были радоспныя. И дѣйсвишельно, умный, усердный Орель такъ хорошо обрабошаль дѣла своего папрона, что выхлопошаль даже опальную грамошу опъ Царя Іоанна Васильевича, коею повелѣвалось Чердынскому Воеводѣ выдашь головою Никишу Спрогонова, брашу его Максиму, со вѣмъ его живошомъ и людъми, за его Никипино воровспво. (*)

Не помню, гдѣ-шо я чипаль, *это Исторія самыхъ отдаленнѣйшихъ народовъ, есть ни что иное, какъ вѣрное описаніе настоящаго. Дѣйсвишельно: изъ спари говоришся, что одна бѣда не проходишь, одна*

(*) Подобною грамошою въ Сольвычегодской посадѣ, дѣйсвишельно приказано было опдашь въ 1759-мъ году Семена Спрогонова брашьямъ его Якову и Григорью.

радосшь не бываешъ, а свѣшь не измѣнился. Кому везешъ, тому все на радосшь, да въ прибыль. . . .

Кому же заколодишь, шо бѣда вспрѣчаешъ, горе провожаешъ. Любовь его къ ошечесшву — толкуюшь барбаризмомъ, усердіе къ добру умысломъ, благородную ошкровенность — опасною нескромностію. . . .

Тоже, или почши тоже случилось и съ Максимомъ Яковлевишемъ. Не далье, какъ вчера, мы видѣли его въ самомъ ипрудномъ положеніи; казалось, все вооружилось прошиву него, со всѣхъ спшоронъ ждалъ онъ напасши и горя. Съ пріѣздомъ Дениса Орла все измѣнилось: радосши смѣняли одна другую. На другой же день еще болѣе онъ былъ обрадованъ и изумленъ вѣспію изъ Искера о дивныхъ подвигахъ Ерма-

ка Тимофеевича въ Сибири. Вѣрный Уркунду передалъ съ рукъ на руки Велику доброй Ташьянъ.

« Ай, да колдунья, толковали по всему Орлу-городку, какъ сонъ въ руку. Вошь шѣ: *и бѣгутъ, и бѣгутъ!* Ужъ впрямь прибѣжали добрыя вѣспочки и съ Москвы и съ Сибири. »

« А чѣмъ же хуже москѣ мой, возразила Оедошьева, обидясь, что слова Шаманки предпочитали ея прорицаніямъ. Она проклятая, не сумѣла же опгадать, даромъ, что съ чертями водишся, о покойникахъ, а я ихъ, какъ на блюдичкѣ выложила. Пусть вороша-то опшворились, а ужъ о коняхъ-то наврала, моя машушка. »

Нѣшъ, не наврала, ибо не успѣлъ еще бѣдный старикъ опомниться, не только отдохнушь, какъ собра-

ли его въ дальній и поспѣшный
пушъ. Изъ боярской конюшни вы-
браны были для него, что ни естъ
лучшіе, заповѣдные кони, даны въ
провожаемые, что ни естъ, луч-
шіе люди и онъ только, что вы-
ѣхалъ за вороша крѣпости, какъ
приказалъ *погонять лошадей*.

Удивительное сходство чувствъ
и характеровъ сблизили съ перваго
дня Ташьяну съ Великою. Въ самое
короткое время онъ подружился,
какъ двѣ родныя сестры, во всемъ
признались, все пересказали другъ
другу, только скрыли, какъ гово-
ришь преданіе, тайну своего серд-
ца — изъ какой-то непонятной
имъ самимъ спыдливости, а мо-
жешь бышь, таинственнаго пред-
чувствія, что онъ соперницы, что
предметъ любви ихъ — единъ.

Внезапный ошѣздъ Дениса Васильевича изъ Каргедана сдѣлался предметомъ полковъ и переполковъ всѣхъ жишелей. Болѣе всего думали, что онъ поѣхалъ въ Чердынъ за чѣмъ ни естъ важнымъ, хошя уже нѣсколько лѣтъ онъ не бывалъ тамъ, но никому не могло впасъ въ голову, чтобъ онъ ошправился въ Чусовую, а того меньше видѣшь его возвращившимся съ Никишою Григорьевичемъ.

Трогашельно было свиданіе двухъ брашъевъ, разлученныхъ между собою и сдѣлавшихся врагами не сполько ошъ неравенства характеровъ, сколько ошъ коварства людей, находившихъ въ шомъ свои виды. Ненавистъ Никишы была споль велика къ Максиму Яковлевичу, что Денисъ, пріѣхавъ ошъ него съ поруганіемъ, подвергалъ себя не малой

опасности по неукропимой его запальчивости или по крайней мѣрѣ могъ бытъ прогнанъ съ двора безъ опвѣща. Но Орель надѣялся, по праву общаго къ нему уваженія Спрогоновыхъ, что Никиша Григорычъ не только допустить его къ себѣ, но выслушаетъ равнодушно и — не ошибся. Онъ пріѣхалъ съ предложеніемъ Максима Яковлевича къ брату своему забыть вражду ихъ и ѣхать вмѣстѣ, не медля ни мало, въ Москву, дабы бытъ первыми вѣспниками завоеванія Сибирскаго Царства, что безъ сомнѣнія облегчишь ему возможность выпросить для него Царское прощеніе. Какъ ни крупъ былъ и надмененъ Никиша, но увидя свою опасность, призналъ великодушіе брата Максима и согласился пошчасъ же оп-

правишься съ Денисомъ въ Орель-городокъ.

Брашья бросились въ объятія одинъ другаго и долго плакали, не говоря ни слова. Наконецъ Максимъ Яковлевичъ сказалъ всхлипывая : « Брашъ! забудемъ старое и будемъ «впредь не на словахъ и бумагъ, а «въ сердцѣ и на дѣлѣ родными... »

Сборы имениныхъ людей продолжались не долго, не смолля на разлуку Максима Яковлевича съ милою своею Тапьяною. Онъ бралъ съ собою Велику въ Москву въ надеждѣ опыскашь шамъ ея опца, или чшо нибудь о немъ провѣдашь; а разсаванье, можешь бышь навѣки двухъ нѣжныхъ подругъ, споило также нѣсколькихъ дней неушъшныхъ слезъ и рыданій. Впрочемъ богатымъ людямъ и тогда ни въ чемъ не было оспановки — споило поль-

ко захопѣть и исполнилось. Спрогоновъ приказалъ наложить въ сани соболей, лисицъ и шом у подобнаго. Съ такими докуменшами онъ надѣялся успѣшнѣе доспичь своей цѣли при дворѣ Царскомъ.

Въ день своего отъѣзда Спрогоновы опслужили молебень съ колѣнопреклоненіемъ, и прямо изъ храма Божія сѣли въ повозки и пустились въ дальнюю дорогу, напушснвуемые слезами и благословеніями всѣхъ домочадцевъ, въ особенносги Дениса, кошорый, по спаросги лѣтъ, не думалъ уже дождаться ихъ на бѣломъ свѣтѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

the following is a summary of the
present situation of the
country, and of the
progress of the
war. The
army is
now
in
the
position
of
being
able
to
hold
its
own
against
the
enemy.
The
army
is
now
in
the
position
of
being
able
to
hold
its
own
against
the
enemy.
The
army
is
now
in
the
position
of
being
able
to
hold
its
own
against
the
enemy.
The
army
is
now
in
the
position
of
being
able
to
hold
its
own
against
the
enemy.

THE
ARMY
IS
NOW
IN
THE
POSITION
OF
BEING
ABLE
TO
HOLD
ITS
OWN
AGAINST
THE
ENEMY.

ЕРМАКЪ

или

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ХVІ. СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе

ПАВЛА СВИНЪИНА.

Миръ праху швоему Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіане
Изъ злапа вылипый швой зракъ,
Изъ ребръ Россіи испоченный
Твоимъ булатнымъ копіемъ.

Н. И. ДМИТРИЕВЪ.

Часть четвертая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были три экземпляра въ Ценсурный Коми-
тетъ. Санктпетербургъ, 10 Февраля 1834 года.

Ценсоръ П. Глебовскій.

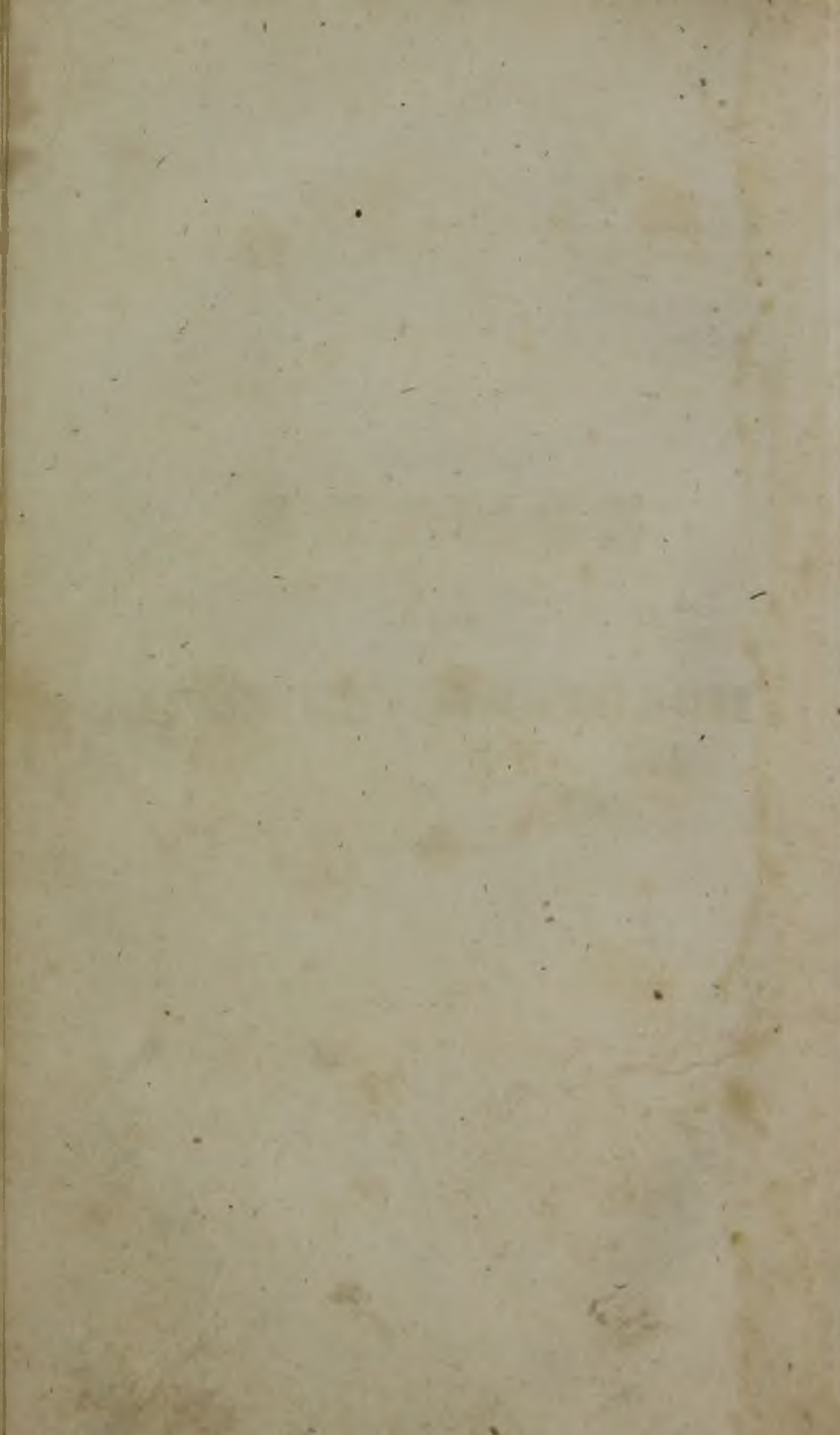
ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

5-4.

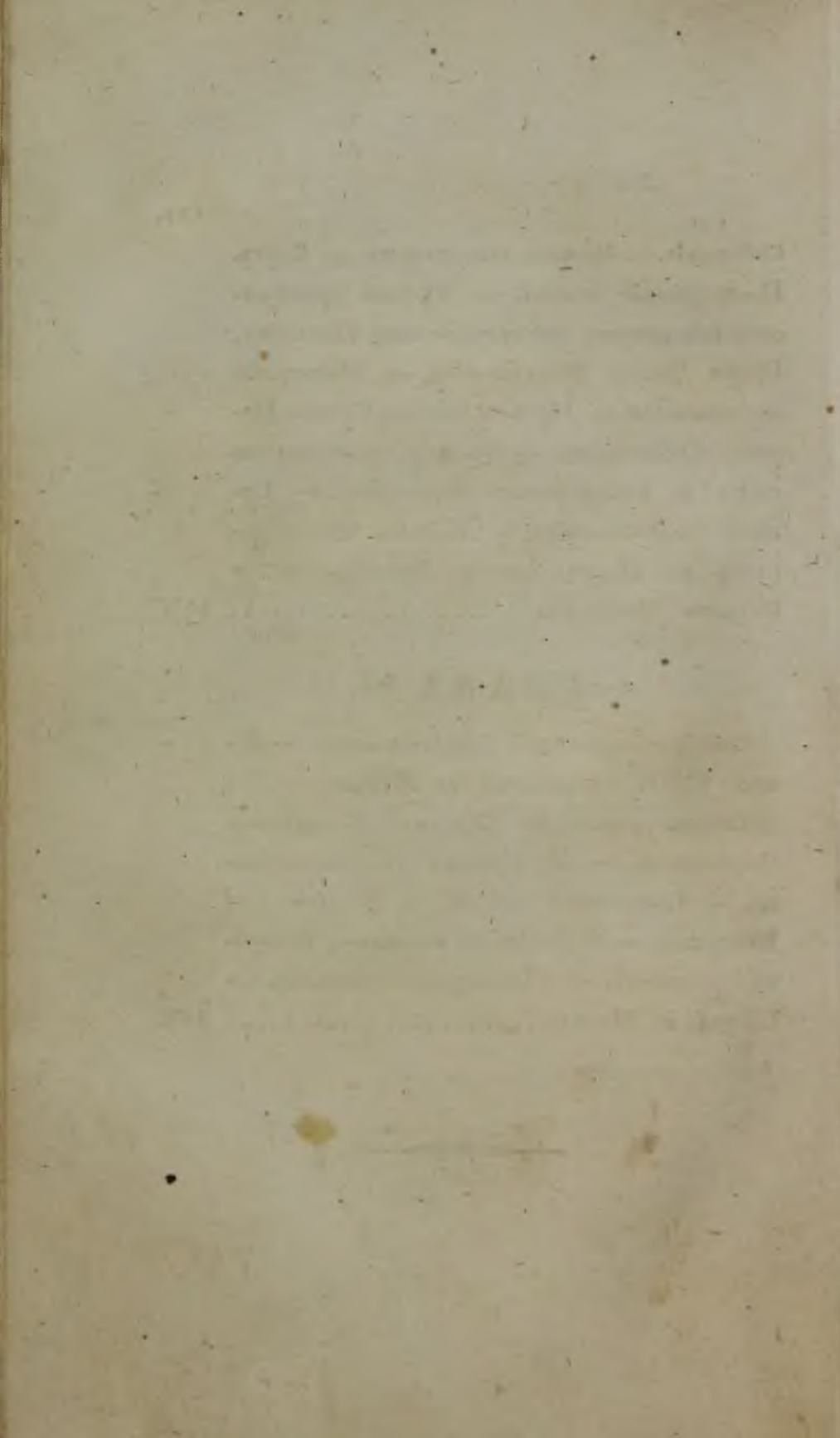

Сибирскіе. — Ермакъ опровергаетъ, — Кругъ.
 Поспоронніе шолки. — Ермакъ предлага-
 етъ повергнуть завоеванное ими Царство,
 Царю Іоанну Васильевичу. — Мещерякъ
 прошивиися. — Провозглашеніе Ермака Ца-
 ремъ Сибирскимъ. — Козаки увлечены ле-
 стію и коварствомъ Мещеряка. — Ер-
 макъ опказываеися. — Кольцо ѣдетъ по-
 сломъ къ Царю Іоанну Васильевичу. —
 Неудача Мещеряка. 115.

ГЛАВА VI.

Семѣйное несогласіе Спирогоновыхъ. — Де-
 нисъ Орель отправленъ въ Москву. — Не-
 пріятное положеніе Максима Яковлевича
 Спирогонова. — Прекрасная утѣшительни-
 ца. — Святочные забавы. — Гаданье. —
 Колдуньи. — Радостныя вѣсти. — Встрѣ-
 ча соперницъ. — Примиреніе братьевъ. —
 Сборъ въ Москву... 147.

ЕРМАКЪ

или

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Москва печальная. — Царь сыно-убійца. — Царскій шупъ. — Сказочникъ. — Изступленіе Іоанна. — Донесеніе о прїѣздѣ Спрогоновыхъ. — Прибытіе Кольца въ Москву. — Милостивый пріемъ Ермаковыхъ Пословъ. — Трехдневное ихъ угощеніе. — Внезапный уѣздъ Царя въ слободу Александровскую.

Давно Москва печальная, расперзанная не знала радости, не видала опрады, но никогда еще не бывала она въ такомъ уныніи, какъ въ дни прїѣзда Спрогоновыхъ. Царь сыно-убійца, преслѣдуемый ужасами ада, устрашаемый привидѣніями, запво-

рился, какъ въ могилѣ, въ слободѣ Александровской.

Правда, Іоаннъ принялъ опять бразды правленія, уступя моленіямъ вельможъ, копорые ушѣшались надеждою, что шѣмъ спасли себя отъ сѣшей его коварства; но мрачное бездѣйствіе Царя, не прислушность къ нему, и тысячи храбрыхъ воиновъ, помившихся въ темницахъ — не предвѣщали ни раскаянія, ни умиленія Іоанна. Не довѣряли его чистому покаянію и смиренію, не смотря на одежду скорби, коею онъ облекъ себя и дворъ, ни на черную краску, коею велѣлъ покрыть златыя главы собора Монастырскаго, ни на панихиды, копорыя онъ повсюду пѣлъ, ни на щедрые вклады, копорые разсылалъ въ Констаншинополь, Антіюхію, Александрію, Іерусалимъ, думая шѣмъ купить себѣ спокойствіе ду-

шевное. Москва, съ шрепешомъ, подобно робкой дѣвѣ, ожидающей удара, который готовъ разразиться изъ черной тучи, висящей надъ головою ея, ждала новой грозы, новыхъ кровопролитій. Ужасы сей неизвѣстности увеличивались видѣніями и чудесами, пугавшими суевѣрныхъ. Комета, носившаяся днемъ и ночью надъ Москвою, была, по всеобщему понятію, знаменіемъ величайшихъ бѣдствій. Многіе посадскіе люди оглушены были въ день Рождества Христова сильнымъ громовымъ ударомъ, который, какъ шепшаль между собою народъ, разразился надъ опочивальнею Царскою у самой кровати и превратилъ въ пепель сѣвѣцъ съ драгоценностями и столъ, на которомъ лежала роспись Ливонскихъ плѣнниковъ, обреченныхъ смерти. Другіе, столь же оспорожно и охот-

но рассказывали другъ другу о мраморномъ надгробномъ камнѣ, упавшемъ съ неба не далеко отъ Налеекъ (Замоскворецкой слободы); что найденныя на немъ слова никто не могъ разобрать, ни самъ Митрополитъ, ни двое Липовекихъ гадашелей, которыхъ нарочно выводили для того изъ - за спѣнка, и что Царь въ глазахъ ихъ велѣлъ своимъ пѣлохранителямъ разбить камень, сказавъ: «смотрише, я всѣхъ васъ мудрѣе.» — Въ добавокъ къ сему, на всѣхъ наводилъ невольную грусть и ужасъ посмѣдный миръ съ Бапоріемъ, въ слѣдствіе коего Іоаннъ поржеспвенно отказался отъ Ливоніи, которую Россія около шести столѣтій имевала своимъ владѣніемъ, ибо бѣдныя Русскіе спрашивались, что малодушный Царь, уступившій съ многочисленнымъ бодрымъ воинствомъ

славу и пользу Ошечества горсть
изнуреннаго, разноплеменнаго воин-
ства Баторіева, скоро познаешь свое
очарованіе и въ ихъ крови пощипи-
ся пощипишь свой спыдъ и мало-
душіе !

Вотъ въ какомъ несчастномъ по-
ложеніи нашли Спрогоновы Москву
и Государство. Къ бѣльшей же го-
рести благодѣшель ихъ, Борисъ Фе-
доровичъ Годуновъ, уже самый близ-
кій къ Царю Вельможа, еще ничѣмъ
незаяпшанный у престола Санов-
никъ, лежалъ на болѣзненномъ одрѣ
отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ
державной руки, копорую хопѣлъ
удержать онъ отъ сыно - убійства.
Годуновъ крайне жалѣлъ, что не могъ
быть посредникомъ между ими и Го-
сударемъ въ споль славномъ дѣлѣ,
но предвѣщалъ, что добрая вѣспь
скоро проникнетъ за высокій пынь

Александровской слободы; ибо Царь, не смотря на бездѣйствіе свое, любилъ знать все, что дѣлается, говорится и думается въ столицѣ. И дѣйствительно: не далѣе какъ на другой день молва о завоеваніи новаго Царства — богатаго, обширнаго, чудеснаго, распространилась повсюду, повторялась въ храмахъ Божіихъ, на крестцахъ ⁽¹⁾ и на Красной площади, заглушила скорбь о недавней великой потерѣ; была пѣмъ радости, оправданіе — чѣмъ неожиданіе, неимовѣріе: народъ воспрянулъ духомъ.

Едва прошло два мѣсяца со дня смерти Царевича, а Іоаннъ по пвердоспи-ли духа или опъ ожесточенія и прищупленія всѣхъ чувствъ, начи-

(1) Въ Москвѣ почти на каждомъ перекресткѣ стояли кресты, у коихъ собирався народъ, большею же частію духовенство.

налъ жить по прежнему обычаю. Уже онъ не спеналъ и не вопилъ посреди ночи, не капался по полу въ опчаяніи, не боялся взора самыхъ приближенныхъ ему людей и по прежнему засыпалъ подъ шумныя забавы скомороховъ и шушовъ, или тихое мурлыканье слѣпыхъ сказочниковъ, — доколѣ звонъ колокола не призывалъ его къ заупрени.

Князь Аввакумъ Прохорычъ Алѣнкинъ, въ это время занимавшій мѣсто Князя Гвоздева, главы Царскихъ забавниковъ, возвратился изъ Москвы, набравшись подробностей у Годунова и на Красной площади о радостной молвѣ, привезенной Спрогоновыми, и какъ хитрый придворный спѣшилъ сообщить вѣсть сію Іоанну, боясь, чѣмъ кто другой не предупредилъ его.

Нѣсколько разъ заглядывалъ Авва-

кумъ въ опочивальню Царскую изъ-подъ чернаго сукна, коимъ завѣшены были двери и обиты ея стѣны. Множество лампадъ, ярко шеплившихся предъ образами, отражали свѣтъ, подобный солнечному, такъ что Аввакумъ могъ читать малѣйшее измѣненіе, производимое сказкою на лицѣ Царскомъ, не смотря, что Іоаннъ казался погруженнымъ въ глубокій сонъ. Онъ спалъ прислушиваться прилѣжнѣе къ сказкѣ...

«Подносила Пересвѣта, продолжалъ «слѣпецъ, зелена вина въ золотой чарѣ, подавала вино добру молодцу на «серебряномъ подносѣ съ чернядью, «принималъ Илья Муромецъ золоту «чару изъ бѣлыхъ рукъ, а чара - то «была въ полпора вѣдра; хопѣлъ Илья «Муромецъ подсластитъ вино, какъ- «то водился въ православной Руси, «расправлялъ Илья свои черны усы,

«подступалъ Илья къ дѣвицѣ съ по-
«клонами, Пересвѣта молодца уда-
«ялешся, авось богатырь догадается;
«и возговоришъ ему красна дѣвица:
«перекрестись добрый молодецъ, по-
«кажи, чщо не бусорманинъ ты?
«Илья Муромецъ на себя крестъ кла-
«дешъ, а въ чарѣ, вмѣсто зелена вина,
«кровь черная ключемъ бьешъ....

«Кровь! кровь! вскричалъ Іоаннъ,
вскочивъ съ постели. Да! на мнѣ
кровь сына моего, я убилъ его.» Съ
такимъ исповѣдью произнесъ
онъ слова сіи, чщо Аввакумъ поспѣш-
но спрягалъ голову, копорую было
выспавилъ изъ-подъ сукна, услышавъ
Царскій голосъ, а сказочникъ запре-
пешалъ.... Іоаннъ долго молчалъ,
но когда ужасное воспоминаніе начи-
нало мало по-малу оставлять его,
онъ съ усмѣшкою проговорилъ самъ
съ собою: «Я омою эти черныя паш-

на чиспою кровью, да! самою чиспою, невинною.... Мнѣ будетъ легче!»... Проговоря слова сіи, Царь спокойно легъ на одръ свой и приказалъ слѣпцу продолжашь свою сказку.

Но, безъ сомнѣнія, догадливый сказочникъ не пожелалъ бытъ въ другой разъ перерваннымъ споль пріятнымъ образомъ, а попому, пропустивъ описаніе кроваваго боя между Соловьемъ разбойникомъ и Ильею Муромцемъ, приступилъ къ изображенію освобожденія симъ послѣднимъ 70-ти красавицъ изъ плѣна жестокаго, разрушеніемъ очарованія, коимъ превращены онѣ были въ сизыхъ голубицъ.

«Кличешъ Илья Муромецъ своего «богатырскаго коня? гой еси, сивка «бурка, въщая коурка, вспань передо «мною, какъ листъ передъ шравой! «конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ

«поздрей дымъ сполбомъ, изъ ушей
 «искры сыплются. Съдлаеть Илья
 «богатырскаго коня, надѣваетъ на
 «него сѣдельце Черкасское, прирѣзаетъ
 «подпругъ съ подпругою, шелку ше-
 «маханскаго; шелкъ не рвется, бу-
 «лакъ не шрепсѣетъ, аравійское золото
 «на грязи не ржавѣетъ. Садится Илья
 «на добра коня, ударяетъ коня по
 «крупнымъ бедрамъ, конь осержается,
 «опъ земли подымается. Чѣмъ не пыль
 «во чистомъ полѣ завивается, не
 «густой шуманъ со озеръ, съ болошъ,
 «съ зеленыхъ луговъ распилается,
 «ѣдетъ - то сильный могучій бога-
 «тырь Илья Муромецъ, ѣдетъ онъ
 «девять дней, девять ночей, глазъ
 «не смыкаючи, росинкой Божіей гор-
 «ло не промачивалъ, зерномъ пшена
 «коня не кармливалъ; на десятый
 «день оспанавливается у десяти ду-
 «бовъ, на стѣхъ дубахъ десять пере-

«мовъ, а въ шѣхъ перемахъ сидятъ
 «десять голубицъ, а къ шѣмъ пере-
 «мамъ десять ворошъ, все желѣзныхъ
 «и съ подворошнями, въ полпораспа
 «пудъ каждая. Вынимаетъ Илья изъ
 «ноженъ свой мечъ кладенецъ, а въ-
 «ситъ онъ двѣсти пудъ съ двумя
 «фунтами. Ударяетъ Илья мечемъ
 «въ первыя вороша, рассыпающіяся
 «вороша и съ подворошнею, другія
 «вороша и шреши разбиваетъ въ
 «два часа, чешвертыя и пятыя въ
 «два денька, шестыя и седьмыя въ
 «двѣ недѣли, осьмыя въ два мѣсяца,
 «девятыя бьетъ Илья два года, а де-
 «сятыя двадцать лѣтъ. Не кручи-
 «нитъ Илья о трудахъ, о времечкѣ,
 «мудрено Ильѣ только выбрашь свою
 «суженую, Пересвѣшу прекрасную, изъ
 «семидесяти Царевенъ, что прокля-
 «тый Соловей напаскалъ въ гнѣздо
 «свое со всего свѣшу Божьяго. Онъ

«всѣ на одно лицо: бѣлы, какъ вѣс-
 «ній снѣгъ, румяны, какъ заря упрен-
 «ня, у всѣхъ глаза черные съ пово-
 «локою, грудь соколиная высокая,
 »поспупъ лебяжья приманчивая, губ-
 «ки, какъ маковъ цвѣтъ, зубы, чпо
 «пивои жемчуги. Всѣ одно ласковы,
 «привѣпливы. Глаза у добра молод-
 «ца разбѣгаются, богатырское серд-
 «це разгорается.»

Аввакумъ замѣшивъ, что описаніе
 красавицъ произвело пріятное впе-
 чатлѣніе на лицѣ Іоанна, почелъ это
 счастливымъ временемъ для объявле-
 нія доброй новости. Съ шумомъ и
 запыхавшись вбѣжалъ онъ въ горни-
 цу и вспавъ на колѣни, закричалъ:

«Не вели, Царь Государь, казнишь,
 не вели рубишь, вели слово вымол-
 вишь.»

Іоаннъ, привыкшій къ проказамъ
 своего забавника, котораго рѣдко бы-

вали безъ цѣли, ни сколько не встревожился внезапнымъ его появленіемъ и довольно милоспивно сказалъ:

«Ври, дуракъ, что хочешь....»

Мнимому дураку только этого и хотѣлось, чтобъ Царь не разсердился на него съ перваго раза, онъ съ важностію вспалъ съ полу и сказалъ:

«А что, кумъ, посулишь, коли сокру тебѣ шакую вѣспочку, что и Борькѣ Годунову не выдумаешь, даромъ, что восперъ....»

«Прежде Князь Аввакумъ Прохорычъ Алѣнкинъ со мной не торговался, «сказалъ Іоаннъ съ улыбкою.

«Правда, Ванюша, да вишь давно не было ничего добраго и веселаго, за чтобъ съ тебя новинку содрать?»

«Говори же скорѣе,» перебилъ его Царь съ примѣпнымъ неудовольствіемъ, при неумѣстномъ замѣчаніи дурака, и дуракъ, опомнясь, что неос-

порожно проговорился, сбавилъ нѣ-
сколько спѣси и продолжалъ. »Изволь,
кумъ, я не въ тебя, скажу и даромъ.
Кланяюсь тебѣ, бапюшка, Цар-
спвомъ, да такимъ длиннымъ, да
такимъ широкимъ, что твое Мос-
ковское менѣе вошь этой заплаши
на моемъ охабнѣ....»

«Выдумай что позабавнѣе, а не то
убирайся вонъ, «прикрикнулъ Царь,
перевернувшись къ нему спиною.

«Не моя, кумъ, выдумка, а твоихъ
заморскихъ купчинъ....»

«Говори прямо, что хочешь ска-
зать, дуракъ? «сказалъ сурово Іоаннъ,
поднявъ опять голову.

«То, куманекъ, что купчины Спро-
гоновы прикапили вчера изъ - за
придевяти земель, придесятаго Цар-
ства, инъ на собакахъ, инъ на мед-
вѣдяхъ, и привезли де тебѣ на по-
клонъ Царство Сибирское....»

«Слушай Прохорычъ, сказалъ Іоаннъ, вспавая съ постели, коли ты выдумалъ сказку, чѣмъ пошѣшишь меня, то я пошѣшу тебя по своему, — посажу на колъ; еслижъ окажется правда, то за добрую вѣсь пожалую тебя парчевою парою.»

«Много милости, куманекъ, замѣтилъ Аввакумъ въ полголоса.

Іоаннъ приказалъ немедленно послать за Годуновымъ, а Прохорычъ принялся ему рассказывать все, что он слышалъ въ Москвѣ, или что въ состояніи былъ выдумать о Сибири и Спрогоновыхъ. Государь давалъ волю его гибкому языку, слушая вранье его, какъ сказку, или скорѣе, — ничего не слушая — въ дремотѣ и размышленіи.

«Повѣрь только дуракамъ всё, что болтаютъ, продолжалъ Аввакумъ, то пожалуй и меня съ полку собьютъ,

и ты, куманекъ, не всякому слуху
вѣрь. Вишь на Красной-то площади
одни баюють, что Спирогоновы при-
вели тебѣ Сибирскихъ медвѣдей —
роспомъ чуть не съ курашныя во-
роша, а другіе толкують, будто-то
не медвѣди, а новой Сибирской швой
народецъ изъ Лукоморья, гдѣ лѣтомъ
онъ бываетъ человекъ человекомъ,
а зимой обершывается въ медвѣдей
и волковъ ⁽¹⁾. И Аншропка цѣло-
вальникъ, даромъ что разбираетъ
печатныя книги, а не съ умѣль же
разгадашь мнѣ, гдѣ эиопъ окаанный
народъ, копораго какой-то сильный
могучій Царь, ну, словно ты, Ва-
нюша, замуроваль въ желѣзныя стѣ-
ны, ⁽²⁾ откуда Спирогоновы доспали
болярскую дочь, да такую пригожую,

⁽¹⁾ Извѣстная сказка Геродота о Киммеріянахъ.

⁽²⁾ Александръ Македонскій.

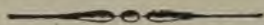
да такую нарядную, что ни въ сказкѣ сказашь, ни перомъ написашь. Болтающъ, что подали имъ ее въ волоковое окошко...»

«Догадливы купчины, запаслись къ намъ и добрымъ поварцомъ, примолвилъ Царь, улыбаясь...

«Какъ же куманекъ, они вѣдь ребяща смышленные, знаютъ твою охотку... а я бы, Ванюша, на своемъ мѣстѣ взялъ у нихъ лучше коша заморскаго; слышно говоришь по человѣчьи. Дѣвокъ-то у насъ и своихъ много. Любую выберемъ въ Москвѣ, а коша-то другаго не сыщешь скоро. То-то бы мы съ тобою наслушались дивнаго и разумнаго; къ чему бы и Борька послѣ годился?»

«Помнишься, сказывали, что и дочка у Максима Спрогонова вельми смазлива, сказалъ Иоаннъ весело; а это еще болѣе ободрило забавника разска-

зывать были и небылицы, и предлагать Государю пріятельскіе совѣты, доколѣ не вывелъ онъ его изъ терпѣнія и опъ одного взгляда — не зажалъ себѣ рта.

Прибытіе Ермакова посольства не замедлило увеличить радость Московскихъ жителей и удосповѣрить самыхъ недовѣрчивыхъ въ справедливости извѣстій, привезенныхъ Спрогоновыми. Кольцо, взявъ къ себѣ въ вожашыя Князя Имбердоа, благополучно пробрался чрезъ Каменный поясъ и Пермь волчею дорогою, ѣхавъ въ наршахъ, по на собакахъ по на оленяхъ, копорымъ путь по глубокому снѣгу прокладывали Вогулы на лыжахъ.

Весьма простиительно, ибо вездѣ такъ было и будетъ, что, по прі-

ѣздѣ козаковъ, забыли о Спрогоновыхъ; въ цѣлой Москвѣ говорили только объ Ермакѣ Тимофеевичѣ и храбрыхъ его сподвижникахъ, рассказывали о безчисленныхъ воинствахъ, разбишыхъ ими, о чудныхъ народахъ, ими покоренныхъ, о ихъ Шаманахъ, которые опрѣзываютъ себя голову, когда колдуютъ и опять приспавляютъ ее къ своей шеѣ (¹) и проч. с. п; а о несмѣшныхъ богатствахъ, найденныхъ козаками въ Сибири, никто не смѣлъ и усомниться, видя Пословъ ихъ гордо расхаживающихъ по Красной площади въ драгоценныхъ собольихъ шубахъ и высокихъ гарлашыхъ шапкахъ, словно Бояре первостепенные.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, по расчесамъ ли полипики своей, дабы

(¹) Это повѣрье о Шаманахъ доселѣ услышите въ Якутскѣ.

поддержашъ народный воспоргъ, или дѣйствительно бывъ и самъ обрадованъ споль неожиданнымъ приращеніемъ своего могущества, не скрывалъ удовольствія и ко всеобщему удивленію и радости назначилъ принять атамана Кольца въ Кремлевскомъ Дворцѣ, наравнѣ съ послами, присылаемыми къ нему отъ Азіятскихъ народовъ.

Народъ уже рано поутру толпился у Краснаго крыльца, желая взглянуть на Царя, давно невиданнаго имъ въ спюлицѣ, а того еще долѣе, припоржесивъ споль веселомъ и радостномъ. Скоро народный шепотъ возвѣстилъ, что Царь проѣхалъ къ Годунову. Боялись, чшобъ воспоминаніе ужасной причины его болѣзни, не омрачило опяшъ Іоаннова нрава; но къ общему всѣхъ обрадованію Государь возвратился отъ Бориса Ѳеодорови-

ча съ лицемъ споль свѣплымъ и спокойнымъ, какого давно въ немъ не запомнили.

Когда ввели Кольца съ его свипою въ пріемную палашу, Іоаннъ сидѣлъ на пронѣ, окруженный знаменитѣйшими сановниками и шѣлохранипелями въ бѣлыхъ кафшанахъ съ серебряными сѣкирами и золопными цѣпями на груди. По споронамъ, на длинныхъ сполахъ разложена была дань, собранная Ермакомъ съ новопріобрѣшеннаго Царства и состоявшая изъ 50 сороковъ рѣдчайшихъ соболей, 20 черныхъ, какъ смоль, лищицъ, и 50 бобровъ спруившихся серебромъ. Съ непоняпнымъ препетомъ безпрепешный герой Сибири подалъ челобитную Ермака въ руки грознаго Монарха, нѣкогда осудившаго его на позорную смерть, и повергся къ подножію его Пресіпола.

Въ семъ умиленномъ положеніи, весьма пріятномъ для Іоанна, козаки ожидали рѣшенія судьбы своей во все продолженіе чшенія Дьякомъ Ермаковой челобитной. Завоеватель Сибири доносилъ Государю: «Что его бѣдные, «опальные козаки, угрызаемые совѣ- «стію, исполненные раскаянія, шли на «смерть и присоединили знаменитую «Державу къ Россіи во имя Христа и «великаго Государя — на вѣки вѣковъ, «доколѣ Всевышній благоволитъ спод- «ясть міру. ⁽¹⁾ Что они ждуть Указа «и Воеводъ его, сдадуть имъ Царство «Сибирское, и безъ всякихъ условій, «гопovy умереть, или въ новыхъ под- «вигахъ чеспи, или на плахѣ, какъ бу- «дешь угодно ему и Богу.»

Іоаннъ ласково приказалъ Ашаману и всѣмъ козакамъ вспасть, пожало-

(¹) Карамзина т. IX. стр. 396.

валъ Кольцу облобызашъ свою руку и съ особенною милостию сказалъ:

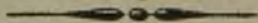
«Випязи добрые! Вы давно уже
«искупили прежнія вины свои дѣла-
«ми славными, услугою, за копорую
«опечество вамъ будетъ вѣчно бла-
«годарно. Прославимъ Господа за ве-
«ликія щедроты Его къ нашему Го-
«сударству и испросимъ мудрости
«достойно наградить виновниковъ
«сей благодати.»

Немедленно Митрополитъ присту-
пилъ къ отправленію торжественна-
го молебствія съ колѣнопреклоне-
ніемъ въ Успенскомъ Соборѣ, при оглу-
шительномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ.
Царь молился съ непримѣннымъ у-
сердіемъ и повелѣлъ при дня про-
должать звонъ по всѣмъ церквамъ
въ столицѣ. Бояре и даже просто-
людины пѣли благодарственные мо-

лебны и на перерывъ честили вѣспниковъ споль счастливаго событія, напоминавшаго имъ незабвенныя времена Іоанновой юности, завоеваній Царствъ Казанскаго и Астраханскаго.

Сибирскій Посолъ со всѣми его провожаемыми угощаемы были три дня сряду во Дворцѣ Государевомъ, и Царь посылалъ имъ въ золотыхъ мискахъ лучшія блюда со стола своего. Во все сіе время Іоаннъ былъ милоспивъ, снисходителенъ, неоднократно бесѣдовалъ по нѣскольку часовъ съ Кольцомъ и Спрогоновыми о Сибири и всѣхъ нуждахъ ихъ и предположеніяхъ, и общалъ, не замедля, опустивъ ихъ съ полнымъ удовольствіемъ; но вдругъ къ общей печали и страху, уѣхалъ, по прежнему съ небольшимъ числомъ придвор-

ныхъ, въ свою Слободу Александров-
скую, — неприспугную жалости и
милосердію.

Г Л А В А II.

Спирогоновъ и Годуновъ въ бѣдѣ. — Походъ въ слободу медвѣдей. — Пошѣха. — Разказы шуша. — Иоаннъ за обѣдней. — Ужасная забава. — Спирогоновъ въ опчанинѣ. — Трапеза царская. — Спирогоновъ предъ Иоанномъ. — Иоаннъ смиренъ добродѣтелью. — Узнаешь объ ослушаніи и прощаніи. — Ощущеніе милосердія. — Слобода Александровская. — Торжественное опшравленіе въ Сибирь. Пословъ Ермаковыхъ. — Ермакъ пожалованъ Княземъ Сибирскимъ. — Дерзкая шушка Аввакума.

Спирогоновъ съ Годуновымъ увидѣли опасноснѣ, въ копорую они вверглись, не выполнивъ повелѣнія Царя Грознаго. Иоаннъ, найдя Годунова дѣйствительно сирадавшимъ опъ руки его, обнялъ его, а узнавъ припомъ,

что врачуешь его Спрогоновъ, приказалъ сему послѣднему, чѣмобъ онъ поставилъ самыя мучительныя заволоки на груди и на шеѣ, Ѳедору Нагому, отцу Царицы, въ наказаніе за его ябедничество, ибо Нагой донесъ ему, что Годуновъ не является ко Двору отъ досады и злобы, а не отъ болѣзни. Въ то же время Спрогонову Государь пожаловалъ за его искусство и попеченіе о своемъ любимцѣ, право Именистыхъ людей *съ вичемъ*, коимъ пользовались только знатнѣйшіе Государственные чиновники.

Годуновъ надѣялся, что въ Москвѣ скоро изыщется онъ случай пасть къ ногамъ Государя и признаться, что онъ причиною невыполненія Спрогоновымъ его святой воли — изъ жалости къ дряхлымъ лѣтамъ его тещи. Но въ Александровской

Слободѣ никшо безъ позволенія не имѣлъ доступа къ Царю, и самыя вѣспи, даже сокровенныя, проникали не иначе, какъ чрезъ желѣзныя вороша, всегда запертыя и охраняемыя многочисленною стражею, но проникали преувеличенными, искаженными, какъ онѣ часто выходящъ изъ устъ лазупчиковъ и наемщиковъ. Одна надежда оставалась на пособіе умнаго и добраго Князя Аввакума Прохоровича, котораго Годуновъ не рѣдко употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ, когда не оставалось уже другаго доступа къ Іоанну. И до шута Царскаго доступъ былъ не весьма легокъ, и требовалось большой осторожности и благоразумія, дабы ускользнуть отъ тысячи глазъ, устремлявшихся обыкновенно на незваннаго пришлеца въ негоспепріимныя стѣны Слободы Александровской.

Долго думали и гадали, съ кѣмъ бы передашь ему грамошку, наконецъ Кольцо предложилъ сдѣлать сію до-
вѣренность козаку его Коржу, копо-
раго можно было послать туда съ
медвѣдями, приведенными для Цар-
ской пошѣхи Спрогоновыми. Коль-
цо ручался за его скромность и смы-
шленосишь. И такъ, давъ Коржу на-
ставленія, немедленно отправили его
въ Слободу съ двумя важными пору-
ченіями — съ учеными медвѣдями
для Царя и небольшою грамошкою
къ его шушу. И проворный Коржъ
вполнѣ оправдалъ сіе довѣріе.

Съ барабаннымъ боемъ и страш-
нымъ ревомъ подошелъ онъ къ Нево-
лѣ, находившейся за три версты
отъ Слободы, гдѣ стоялъ обыкновен-
но передовой опрядъ Спрѣльцовъ
для обыска путешественниковъ. Такъ
какъ проводники медвѣдей, шестиро

дюжихъ рослыхъ мужиковъ, наряжены были въ Оспяцкіе парки, а на звѣряхъ, копорые шли на заднихъ лапахъ, надѣты Вогульскія шапки, что весьма естественно, что приближеніе споль сшраннаго сонмища, встревожило блюстителей Царскаго покоя. Стрѣльцы схватили оружіе и поспроились у заставы въ боевой порядокъ. На вопросъ сторожеваго, кто идетъ и за чѣмъ? Коржъ, копорый опдѣлился опъ своей блестящей свиты, смѣло отвѣтспивоваль, что ведетъ Царю на поклонъ новыхъ его Сибирскихъ холопей. «Не подумайте, брашцы, продолжалъ ко-
«закъ весело, что мы Сибиряки не
«сзумѣемъ добрымъ людямъ покло-
«нишья и слова ласковаго вымол-
«вишь, даромъ что съ рожи-то не
«кошны и прихмурованы.» Онъ подалъ непримѣшный знакъ и медвѣди

съ ужаснымъ ревомъ кувыркнулись нѣ-
сколько разъ впередъ. Съ подобны-
ми шумками и разсказами Коржъ
пробрался съ своими медвѣдями до
самаго Царскаго Дворца, далѣе его не
пустили безъ доклада Государю.

Къ счастію Спрѣлецъ, посланный
къ посельнику съ донесеніемъ,
вспрыпнлъ въ передовыхъ сѣняхъ
знакомаго намъ Князя Аввакума Про-
хоровича, который, какъ одинъ изъ
числа придворныхъ, снѣдаемыхъ лю-
бопытствомъ, переходилъ съ мѣста
на мѣсто, спараясь собирать, или
извлекать чѣмъ бы потѣшилъ Царя.
Онъ взялся доложить Государю; но
прежде того вышелъ самъ посмо-
трѣть на подарокъ Спрогоновыхъ.
Смѣшливый Коржъ, увидя низенькаго
горбашаго спаричишку въ превысо-
кой боярской шапкѣ, смѣкнулъ ра-
зомъ, по сдѣланному ему описанію,

что это пошъ молодецъ, до копо-
раго ему было дѣло. Боясь упустишь
сей счастливый случай, онъ пошчасъ
подошелъ къ нему и поклоняся по-
чши до земли, спросилъ: «Твоя ми-
лоссть не Борисъ ли Ѳедоровичъ Го-
дуновъ?» «Нѣтъ! отвѣчалъ спѣсиво
Аввакумъ.» «Коли не бояринъ Году-
новъ, то вѣспимо не хуже его, а
можетъ и ближе къ яснымъ очамъ Го-
сударевымъ. Порадѣй, бояринъ ба-
пюшка, донеси Царю, что его де
Сибирскіе холопи, указывая на мед-
вѣдей, прибрѣли изъ-за дальнихъ лѣ-
совъ, отъ широкихъ рѣкъ, съ высо-
кихъ горъ, не разуваючи, рубахи не
снимаючи, бишь челомъ на воровство
его людей Спрогоновыхъ, что имъ
жизня не дають, съ нихъ шубы де-
рушъ, да въ казну Царскую кладушъ.»
Онъ всунулъ медвѣдю въ лапу боль-
шую бумагу, завернувъ искусно въ

нее извѣстную грамотку Годунова. Мишукъ съ низкими поклонами и жалостнымъ ревомъ подалъ челобитную Аввакуму, которому въ то же самое время проворный Коржъ успѣлъ сказать на ухо: «не зѣвай.» Этого доспапочно было для неменѣе смышленаго шума, который и по первымъ словамъ козака о его сходствѣ съ Годуновымъ смѣкнулъ, что шумъ что нибудь да кроется. Положивъ щипательно бумагу за пазуху Аввакумъ, чѣмъ не подавъ малѣйшаго сомнѣнія и пересказать подробнѣ Царю о достоинствѣ медвѣдей, заспавилъ ихъ показать свои шаланы. Восхищаясь опѣ всей души разумомъ косматыхъ обипапелей лѣсовъ Сибирскихъ, Аввакумъ божился всѣми святыми, что всѣ Царскіе медвѣди, которыхъ по нѣскольку ежегодно присылаютъ изъ Новагорода и Ваги

для Царской забавы, не спюють уха Сибирскихъ попѣшниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, рабское послушаніе сихъ ужасныхъ звѣрей волѣ своихъ вожа-
тыхъ было еще удивительнѣе по ихъ свирѣпости, которую ничѣмъ не могли испребишь въ нихъ. Они броса-
ли по сторонамъ кровожадные взоры, и кажется говорили, что еслибъ не крѣпкія желѣзные кольца, продѣ-
тыя имъ въ ноздри и въ обѣ губы, удерживали ихъ, то они давно бы управились посвойски съ милыми
своими присавами. Въ особенностии многіе Сибирскіе обычаи, неизвѣст-
ные въ Россіи, представленные мед-
вѣдями, доставили Аввакуму и Спрѣль-
цамъ, высыпавшимъ изъ спорожевой
избы, несказанное удовольствіе, на
примѣръ: какъ Вогулы на лыжахъ
бѣгають, какъ Оспяки сѣкутъ сво-
ихъ божковъ, когда приходилъ съ лѣ-

су безъ добычи, какъ бѣлки по деревьямъ скачущъ и грызущъ кедровые орѣхи. Неповоротливость неуклюжихъ подражателей быспрымъ, легкимъ звѣрькамъ морила со смѣху, не менѣе того тѣшились они злоспію и гнѣвомъ медвѣдей, когда подали имъ, вмѣсто орѣховъ, по круглому булыжнику. Но испытаніемъ ихъ ярости и силы болѣе всего послужило предспавленіе, какъ Сибиряки подсперегаютъ оленей при переправахъ черезъ рѣки. Подползя съ оспороженспію къ чущкому живошному, звѣроловы съ оспервененіемъ нападающъ на спядо, бьющъ, колющъ ихъ сколько можно болѣе, а другіе внизу рѣки подбирающъ раненыхъ, несомыхъ бысприною спруи. Медвѣди съ кольями въ лапахъ, махая въ обѣ споронны, по неловкости часто задѣвали другъ друга и наконецъ до того при-

ходили въ яроспъ, что съ свирѣпостію кидались одинъ на другаго, и тогда требовалось большаго искусства и усилій, чтобъ разнимать ихъ между собою.

Аввакумъ, полный любопытныхъ вѣспей, вошелъ съ немалою спѣсью въ свѣплицу Царскую, когда Царь облачался, собираясь къ поздней обѣднѣ.

«Ну, кумъ, сказалъ онъ, не даромъ же ты велѣлъ презвонить по всѣмъ церквамъ за новое-то Царство.

«А что,» спросилъ Государь.

«Какъ что, не ужшо тебѣ не слышно было, какъ орали твои Сибирскіе пѣсенники, были не хуже твоей Царицы.»

«О чемъ Царицѣ плакать,» спросилъ Іоаннъ съ поспѣшностію?

«Какъ о чемъ, опвѣчалъ Аввакумъ,

«развѣ Оедька Нагой не башька ей —
«вишь спало жаль спарика.»

Іоаннѣ запрепеталъ опѣ гнѣва:
глаза его наполнились кровію и онѣ
попчасѣ же послалъ Богдана Бѣль-
скаго спросить у Царицы Маріи Ое-
одоровны, не жаль-ли ей своего отца?»

«Забѣги-спа полюбоваться на сво-
ихъ новыхъ холопей,» продолжалъ Ав-
вакумъ, какъ будто не примѣчая Іо-
аннова гнѣва; «они давно дожидаются
тебя у спорожевой избы, чай про-
голодались сердечные. Ну ужъ звѣри,
Ванюша, такіе дюжіе да свирѣпые,
что твои Важскіе? Будешь чѣмъ те-
бѣ позабавишься ужѣ на Красной пло-
щади. Ха, ха, ха, Какъ спустимъ шес-
терыхъ-то на кучу, то ни пѣшій,
ни конный врядъ ли цѣль уберется
домой. Ха, ха! ха! Только и знай, что
спануть пощолкивать руками, да
ногами, словно орѣшками...»

Іоаннъ въ молчаніи и безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ выслушалъ рассказы шута о достоинствахъ медвѣдей и продолжалъ свое шествіе въ церковь, какъ у порога встрѣчился съ Бѣльскимъ, который принесъ въ оповѣсть опъ Царицы, «что какъ она, «такъ и опецъ ея въ его Царевой «волѣ, да пворишъ онъ съ ними, что «разсудитъ за благо.» Іоаннъ взглянулъ изъ подлѣбья на Бѣльскаго и не сказалъ ни слова, — пошелъ далѣе.

Съ благоговѣніемъ молился Государь въ храмъ Божіемъ и споль усердно клалъ земныя поклоны, что на челѣ у него сдѣлалось красное пятно; казалось, всѣ помышленія его спремались къ Престолу Всевышняго.

По окончаніи службы Іоаннъ при выходѣ изъ церкви подкликнувъ къ себѣ любимаго своего Сподьника Че-

ремисинова, послалъ его съ повелѣніемъ, коего послѣднія слова: *вели изъ губъ вынять оба кольца*, произнесъ довольно громко. Никто не понялъ значенія этихъ словъ, но всякой съ подозрѣніемъ взглянулъ на другаго, ибо жалость давно изгнана была изъ сердець людей, окружавшихъ Іоанна, и одно подозрѣніе было извѣстно въ Слободѣ Александровской.

Возлѣ церкви, Іоаннъ замѣтилъ Никишу Строгонова, котораго, получивъ наканунѣ Указъ Царскій явившся въ Александровскую Слободу, поспѣшилъ выполнить волю его, пѣлъ болѣе, чѣмъ въ слѣдствіе Царскаго повелѣнія ему выданы были изъ казны прогонныя деньги за 97 верстъ на двѣ подводы ⁽¹⁾. Царь, подозревая его къ себѣ, милоспиво подалъ ему

⁽¹⁾ Явствуетъ изъ грамош.

руку для цѣлованія и сказалъ весело:
Божія Богови, а Кесарева Кесареви,
 давь знакъ, чшобъ онъ за нимъ слѣ-
 довалъ. Входя на красное крыльцо,
 Царь опять обернулся къ Спрогоно-
 ву и сказалъ съ улыбкою: «Испы-
 таемъ, Именимый человѣкъ, швой
 подарочекъ!»

«Государь, ошвѣчалъ Никиша съ
 подобострастіемъ. Все, чшо ни имѣю,
 есть швое достояніе и кланяюсь
 ошъ щедростъ твоихъ.»

«Мой Князь изъ Князей, продол-
 жаль Іоаннъ шупливо, не можешъ
 нахвалишься швоими медвѣжашами.
 Хочу ими попѣшишься, прибавилъ
 онъ съ значительною усмѣшкою, са-
 дясь въ кресла, нарочно спавившіяся
 для Государя на спекляннѣй галдареѣ
 для подобныхъ зрѣлицъ.»

Спрогонова поставили недалеко
 ошъ Государя; не видя ни висѣлицъ,

ни эшафоповъ, онъ полагалъ, что преступники, сшоявшіе посреди Краснаго двора въ кандалахъ и рубищахъ, окруженные рогатками и вооруженною стражею, призваны были для полученія помилованія опъ Царя, умиленнаго божественною службою. Спокойствіе Іоанна еще болѣе его въ томъ удостовѣряло. Въ минуты сего размышленія вбѣгаетъ Аввакумъ. «Кумъ, кумъ, вскричалъ онъ, дрожа опъ страха, вели-спа кинуть хопъ собаку Сибирскимъ нахаламъ. Того и смолри, что голову сорвуть жожакамъ: слышь какъ осерчали съ голоду.»

«Именемъ моимъ прикажи, чпобъ пошерпѣли немножко, сказалъ Іоаннъ съ довольною усмѣшкою, скоро бросяпъ имъ не одну собаку... »

«Коли ужъ меня не побоялись, проклятые, прибавилъ Аввакумъ, гордо

избоченясь, по тебя, щедушнаго, по-
давно не спрусятъ. . . .»

«Диво, куманекъ, а кажись мухи-то
Московскія не чеша Сибирскимъ мед-
вѣдямъ, да и пѣ тебя пугаюшся,
когда ты меня обмахиваешь.»

«Я бы пугнулъ, Ванюша, поряд-
комъ и Спенъку Баторія, кабы бы-
ла моя воля,» сказалъ дуракъ.

Судя по свирѣпому взгляду, копо-
рый кинулъ Іоаннъ на Аввакума, мож-
но полагать, что за сіе оспрое слов-
цо онъ пожаловалъ бы его оспрымъ
желѣзцомъ своимъ, если бъ ужасный
ревъ медвѣдей, входившихъ чрезъ ка-
липку, не увлекъ къ нимъ всего его
вниманія.

Царь пріятно изумился свирѣпо-
сти и огромности звѣрей. Онъ съ у-
довольствіемъ смотрѣлъ на всѣ ихъ
проказы, хотя весьма трудно, и да-
же опасно было принудить ихъ къ

послушанію; ибо, по приказанію Царя, ошданному въ церкви чрезъ Черемисинова, освобождены были ихъ пасти опъ колецъ и они управлялись одними, продѣшными въ ноздри. Эша свобода была причиною того, что при предспавленіи оленьей ловли, никакъ не могли удержатъ медвѣдей въ повиновеніи, и они до того озлобились, что стали терзатъ одинъ другаго зубами. Кажется, Іоаннъ ожидалъ только этой минушы: по данному имъ приказанію, вожаыые выпустили изъ рукъ послѣднія веревки и спѣшили укрыться за рогащки, копорыя въ тоже время раскрышы были со стороны узниковъ; голодные, разъяренные медвѣди съ свирѣпостію бросились на толпы беззащитныхъ и въ мгновеніе ока произвели между ними кровопролитіе, приводящее въ содроганіе человѣчество.

Добрый Спрогоновъ обомлѣлъ отъ ужаса и негодованія. Онъ дѣлалъ себѣ упреки, считая себя нѣкоторымъ образомъ причиною сего безчеловѣчія, и негодованіе его усилилось, когда увидѣлъ, что онъ одинъ смоприсѣ на сіе зрѣлище съ омерзѣніемъ. Іоаннъ, напрошивъ, забавлялся имъ въ полной мѣрѣ, особливо, когда нѣкоторые изъ узниковъ вступали въ рапоборство съ ужасными звѣрями и опчаяніе придавало имъ сверхъестественныя силы и проворство, или старались бѣгствомъ и обманами избѣжать ихъ когтей. Опрывисшя поощренія и отвращительный хохотъ Іоанна и его достойныхъ клеветниковъ, подобныя пѣмъ, которыя слышатся обыкновенно при травлѣ звѣрей собаками, — мѣшались со спомомъ и проклятіями несчастныхъ.

Пресытившись кровію невинныхъ, ибо

то были тѣ Русскіе герои, которые удивили враговъ своимъ мужествомъ и перпѣніемъ ⁽¹⁾, но коихъ обвинялъ Іоаннъ малодушною сдачею Ливонскихъ городовъ Баторію, тогда какъ самъ былъ пому причиною, опдалъ приказаніе оспановить медвѣдей, но ему донесли, что ничто, кромѣ пули, не въ состояніи усмирить ихъ. «Они свое дѣло сдѣлали,» сказалъ равнодушно Іоаннъ, и далъ согласіе переспѣлять ихъ.

Съ веселымъ лицомъ и спокойнымъ духомъ Іоаннъ прошелъ прямо съ кроваваго пиршества за обѣденную прапезу. Явился и Князь Аввакумъ съ обыкновеннымъ своимъ оспроуміемъ. Замѣпивъ хорошее расположеніе Царя, онъ смѣло подошелъ къ нему и сказалъ:

(1) И. Г. Р. Карам. Том. IX сн. 336 и примѣчаніе 617.

«Чуръ неправду сказалъ я о Спрогоновскихъ-шо? Пошѣшили, проклятые, нали живопики надорвали. Пуще всѣхъ позабавилъ спаричишка. Говоряшъ, Ванюша, онъ изъ Донскихъ разбойниковъ, такой же ашаманъ, какъ Тимофеевичъ. Да ужъ и лихой паря: ломался съ Мишкой, покуда топъ не сворошилъ ему черепъ на носъ. Чпобы тебѣ, кумъ, догадашься, да велѣшь бросишь за одно Оедьку Нагова; эшопъ бы не пискнулъ въ лапкѣ у Сибиряка, а шо пожалуй, долго еще пропаскается съ заволокой на шеѣ, а Царица все будетъ ревѣшь. . . .»

Царь опустилъ ложку, какъ будто припоминая что-то, и спросилъ: «ишуть-ли Спрогоновъ?»

На отвѣтъ, что онъ прибылъ еще во время обѣдни, Іоаннъ приказалъ снести къ нему нѣсколько лучшихъ

блюдь съ своего стола, а послѣ опдыха позвать его къ себѣ въ опочивальню.

Спрогоновъ почувствовалъ неимо-
вѣрное спокойствіе, готовясь пред-
спасть предъ лице Іоанна. Спрахъ
Божій побѣдилъ спрахъ человѣческій
въ сердцѣ добродѣтельномъ, богобо-
язненномъ.

Съ сими мыслями и ощущеніями
вступалъ Спрогоновъ въ опочивальню
Царскую. Приподнявъ сукно, онъ по-
раженъ былъ тяжкимъ спомомъ и
глухими словами, вырвавшимися изъ
груди Іоанна: *нѣтъ легче! испы-
таю*.

Еслибъ можно было проникнуть
въ душу Іоанна, то безъ сомнѣнія
прочли бы смущеніе, какое онъ по-
чувствовалъ внутренно, увидя ши-
хаго, робкаго Спрогонова представ-
шимъ къ нему съ спокойствіемъ и

равнодушіемъ, коихъ не могли соблю-
дашь въ его присутствіи самые не-
успрашимые изъ Воеводъ его — про-
чли бы, можетъ быть, что онъ
первый разъ въ жизни позналъ му-
жество война Христова, что онъ
препешалъ не опъ. ярости, а опъ
уничженія, опъ скорби, не находя
въ себѣ ни силъ, ни воли наказать
духовнаго побѣдителя. Но и теперь,
въ продолженіе всего разговора Іоаннъ
умѣлъ искусно скрыть свои помы-
шленія.

«Максимъ, сказалъ онъ Спрогоно-
ву, сидя на одрѣ своемъ, ты видѣлъ,
что я умѣю споль же щедро награ-
ждашь за услуги, сколько караю за
вины. Мнѣ спало жаль Царицы —
вымъчи спарика Нагова.»

«Государь! прервалъ безбоязненно
Спрогоновъ, я избавилъ тебя опъ

раскаянія, а спарца опъ неминуемой смерти.»

«Что ты хочешь сказать,» спросилъ Іоаннъ болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ гнѣвомъ?

«То Государь, что вопреки твоего Царскаго повелѣнія, я не поспавилъ заволокъ твоему пещю.»

«Максимъ, сказалъ Іоаннъ, подумавъ нѣсколько, въ первый разъ слышу ослушаніе моей волѣ и въ первый разъ — прощаю.... Да! прощаю, воскликнулъ онъ, вскочивъ съ поспехи. Даю Царское слово мое, что прощаю, повпорилъ Іоаннъ опривиспо, какъ будто что-то душило его. — Іоаннъ не могъ произнести ни слова болѣе, знакомъ показалъ Спрогонову, что-бы онъ удалился. Грудь его воздымалась выше обыкновеннаго, потъ градомъ капился по лицу его, ноздри раздувались, какъ во время пущаго

гнѣва; но онъ не чувствовалъ ярости, которая жгла тогда его внутрененность; какая-то благошворная опрада, какое-то сладкое упоеніе овладѣло всѣмъ бытіемъ его: дыханіе его сдѣлалось чище, свободнѣе — онъ воскликнулъ невольно: *«мнѣ что-то стало легче!»*

Максимъ Яковлевичъ поспѣшилъ въ храмъ Богоматери возблагодарить Господа за совершившееся предъ нимъ чудо; ибо, какъ истинный Христіанинъ, онъ относилъ единому Богу и свое мужество и смиреніе Іоанна. Со слезами и умиленіемъ добраго чада Церкви и Россіи, молился онъ объ обращеніи Іоанна на путь истинный для блага Отечества и для искупленія души его. Вышедъ изъ собора, онъ не зналъ, куда далѣе идти ему. Хотя лично не довѣрялъ онъ Іоанну въ прощеніи; но какая-то сверхъ-

естественная сила твердила ему, что онъ безопасенъ.

Вечерніе лучи весенняго солнца горѣли на ярко вызолоченныхъ куполахъ Рождественскаго собора, изъ коихъ середній расписанъ былъ огненными змѣями и препечали на дивныхъ узорахъ стѣнъ онаго, сіявшихъ не менѣе золопомъ, серебромъ и драгоценною лазорью. Болѣе всего дивили Спрогонова креспы, изваянные тутъ на каждомъ кирпичѣ. Споя на паперти, онъ могъ видѣть всю Слободу, внезапно сдѣлавшуюся городомъ. Въ разныхъ мѣстахъ возвышались каменные церкви, дома и лавки. Слобода Опричная длинною улицею тянулась до самаго Успенскаго Монастыря, гдѣ незадолго еще Іоаннъ кощунствовалъ съ 300 изъ самыхъ злѣйшихъ и буйныхъ своихъ кромѣшниковъ, назвавъ ихъ браціею, а себя

Игумноу, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, а Малюпу Скурапова Параскисіархомъ. Другая подобная улица называлась купеческою. Придворные, Государспвенные, воинскіе чиновники жили въ особыхъ домахъ не вдалекѣ отъ Дворца, копорый уподоблялся замку еодальнаго Барона, бывъ окруженъ глубокимъ рвомъ съ подземными мостами и высокимъ валомъ съ острыми тыномъ и спорожевыми башнями. Красный цвѣтъ стѣнъ и черная крыша, не смотря на богатые украшенія, придавали ему какой-то мрачный, ужасный видъ, уподобляли его скорѣе обширному гробу, чѣмъ черпогамъ Русскаго Царя въ увеселипельной Слободѣ его. Тамъ надъ краснымъ крыльцомъ возвышался пошъ ужасный перемъ, который былъ столь же пагубенъ для жителей Слободы, какъ нѣкогда Діо-

нисіево ухо для заключенныхъ въ темницахъ Сиракузскихъ; ибо опсюда Іоаннъ видѣлъ все, что ни дѣлалось въ его столицѣ (1). По стран-

(1) Съ достовѣрностію можно полагать, что урочище, называемое *Царева гора*, есть то мѣсто, гдѣ былъ Дворецъ Іоанновъ, хотя не оспалось тамъ ни какихъ признаковъ его существованія, и даже глубокіе рвы и высокіе валы изгладились до такой стѣпени подъ спроепіями и огородами, что, при самомъ пылкомъ воображеніи и тщательномъ обзорѣніи, не возможно сдѣлать по нимъ никакого заключенія. Послѣ сего можно подумать, что само Провидѣніе брало участіе въ истребленіи памятни о существованіи сего памятника величайшаго бѣдствія Россіи; тогда, какъ многіе другіе несравненно маловажныѣ и нѣсколькими вѣками старѣе оцаго — сохранились въ цѣлости.

Успенскій дѣвичій монастырь приходитъ также въ разрушеніе и угрожаеъ Археологіи унистоженіемъ послѣднихъ историческихъ слѣдовъ. Отъ временъ Грознаго оспались только два мѣстныхъ образа и сѣверныя двери. Образъ Іисуса Христа высокой Ипальянской живописи, а Божіей мапери древней Греческой. На первомъ оплечья золо-

ной ли прихожи Царя, или онъ не хопѣлъ испоршить рва, только ходъ изъ Дворца въ соборъ былъ сдѣланъ подъ землею, и такъ глубоко, что не былъ ни сколько замѣшенъ на поверхности.

Спрогоновъ долго бы оспался, можеть бытъ, на паперши, предавшись мечтамъ и размышленію, не смотря на сумракъ, начинавшій скрывать предметы отъ глазъ, еслибъ не выведенъ былъ изъ онаго вбѣжавшимъ Аввакумомъ.

«Максимъ, сказалъ онъ поспѣшно, оглядываясь во все стороны, что зазѣвался, убирайся-ка отсюда, покуда цѣль. . . .»

«Я на все готовъ, отвѣчалъ равно-

пья, а ризы на обоихъ украшены драгоценными камнями. Двери желѣзныя съ прекрасными золотыми арабесками одинаковой работы съ дверями Московскаго Благовѣщенскаго Собора.

душно Спрогоновъ, но безъ Царскаго Указа, самъ знаешь, не могу выгъхашь изъ Слободы.»

«Какъ вскричалъ Аввакумъ, развѣ Черемисиновъ не объявилъ тебѣ приказанія Царя ѣхашь въ Москву и пригошовить Кольца къ оуправкѣ?»

«Нѣтъ,» ошвѣчалъ Спрогоновъ.

«Чего добраго, Максимъ, продолжалъ шутъ, улыбаясь, не обошелъ ли ты ужъ и его, какъ обаялъ кума Ванюшу. Съ тѣхъ поръ, какъ погостилъ ты въ опочивальнѣ у насъ, ни на кого не огрызаемся, не осерчали и на Бѣльскаго, даромъ, что онъ задалъ намъ мапъ съ пяпи ходовъ.»

Спрогоновъ перекрестился и сказалъ: «это дѣло Божіе, а не человѣческое. Помолимся Господу Богу, чтобъ Царь шаковымъ навсегда оспался.»

«Хорошо бы, Максимушка, кабы пивонми устами да медъ пить, ужъ

я бы припряталъ подальше его ко-
стылекъ-то, а то теперь говори,
да и оглядывайся, чѣмъ не пырнулъ
имъ тебя въ брюхо.... Чѣмъ-то, право,
не вѣрился! — ну, какъ очнешся по
старому, за тебя перваго вѣдь при-
мемся — у насъ съ куманькомъ па-
кой обѣдай, не прогнѣвайся: не забылъ
чай пы Адашевыхъ, да Сильвестра....»

Приближеніе Черемисинова остано-
вило словоохотнаго рассказчика. Лю-
бимый Стольникъ Царскій объявилъ
Спрогонову Государеву волю, чѣмъ
онъ немедленно возвратился въ Мо-
скву и ждалъ его прибытія — для
отправленія посла Ермакова съ Цар-
скою милостию.

И дѣйствительно, на третій день
послѣ сего, Столица Русская была

обрадована возвращеніемъ Царя —
Царя добраго, милоспиваго. . . .

Отслушавъ торжественно божественное служеніе въ Успенскомъ Соборѣ, Государь приказалъ пѣшь напущественный молебенъ храбрымъ гостямъ Сибирскимъ. Послѣ сего призвалъ ихъ въ Посольскую палашу и, наградивъ каждого деньгами, сукнами, вручилъ Кольцу изъ собственныхъ рукъ отпущенную грамоту Ермаку Тимофеевичу.

«Отправь, сказалъ Іоаниъ съ особенною милостию Кольцу, мое спасибо всѣмъ молодцамъ Ашаманамъ и козакамъ нашимъ; отпези имъ вѣрно мои награды и скажи, что, если будутъ продолжатъ службу свою споль же усердно, то ни Царь, ни Государство ихъ не забудутъ, хотябъ зашли они на край свѣта. А честному нашему Князю Сибирскому Ерма-

ку Тимофеевичу посылаемъ шубу съ
нлеча нашего, кубокъ, изъ котораго
пили за великое дѣло его и два пан-
цыря — да сохранитъ Господь подъ
бранею сею его здравіе на долго —
для пользы и славы опечесства. Извѣ-
сти поварищей своихъ, чпо въ слѣдъ
за тобою отправишся Воевода съ
доспашочною силою для удержанія
завоеваній нашихъ.»

Кольцо кинулся со слезами лобы-
зашъ руку Монарха; вдругъ изъ сре-
ды придворныхъ, когда менѣ всего
ожидали, раздался звонкій голосъ Ав-
вакума:

«Не забудь-ста, куманекъ, заказать
новому Князю Сибирскому, чпобъ по-
дослалъ намъ поскорѣе десяшка два
медвѣжапъ изъ его медвѣжья Цар-
ства. Вѣдь не всѣ же труссы пере-
велись у тебя... А можъ пригодят-
ся и на самого спавленика. Попавъ

въ Князя, того и смопри — забудеть, что былъ разбойникомъ. Захочешъ и понѣжись. Чего доби-
ваешься ему больше?»

Къ общему всѣхъ удивленію, Іоаннъ весьма равнодушно перенесъ дерзкую шушку Аввакума и будто вслушавшись только въ послѣднія слова его, отвѣчалъ насмѣшливо:

«Заиграла чистая Княжеская кровь.... Эши попомки Удѣльныхъ Князей, думающъ, что они одни созданы были Князьями. Хорошо бы, право, было Царство Русское — съ Князьями Гвоздевыми, Алѣнкиными, Курбскими, Бѣльскими.... Нѣтъ, куманекъ, ска-
залъ онъ громче и рѣже обыкновен-
наго, какъ бы желая, чтобы всѣ его слышали: «Княжество Ермаку не въ позоръ, казачество его не въ укоръ. Лучше родиться пасухомъ, да дѣ-
лами честными добыть себѣ Княже-

ство, чѣмъ считашь родъ свой опъ
Князей Ярославскихъ, Черниговскихъ
и угодишь въ скоморохи или въ пре-
дапели» . . .

Царь умолкъ: не слышно было и
голоса Аввакума, всѣ присутствовав-
шіе въ пишинѣ и съ благоговѣніемъ
низко поклонились Государю и по-
шли за роскошную трапезу, коею
угощамъ Царь на оппускѣ Кольца съ
поварищами.

Г Л А В А III.

Обратный путь Кольца въ Сибирь. — Новые бли-
стательные подвиги Ермака. — Плѣненіе Ма-
мешкула. — Распространеніе владычества Рос-
си до хладныхъ пустынь Обскихъ и непро-
ходимыхъ лѣсовъ Челымскихъ. — Ермакъ воз-
вращается въ Искеръ побѣдителемъ. — Здѣсь
ожидаетъ его Кольцо съ царскими милостя-
ми и наградами. — Воспоргъ козаковъ. —
Радость и веселіе увеличиваются прибытіемъ
въ Искеръ Князя Болховскаго, съ 500 Спрѣль-
цовъ.

Можно повѣрить, что Кольцо съ
козаками своими не терялъ времени
въ дорогѣ, поспѣвая обрадовать Ер-
мака и храбрыхъ товарищей своихъ
Царскою милостію; но необъятныя
пространства, раздѣлявшія столицу

Русскую опѣ Сибирской, при всѣхъ пособіяхъ, копорыя вспрѣчали они въ обласняхъ Русскихъ по Указу Царскому, а въ Сибири опѣ людей Спрогоновскихъ, не смотря даже на то, что въ нынѣшній разъ они не останавливались опѣ неизвѣстности пути, — поспавляли имъ шакія препоны, копорыхъ ни какая человѣческая сила не въ состояніи была преодолѣть. Кольцо, чтобъ ускорить приходъ свой въ Искеръ, не воспользо-вался дозволеніемъ Государя приглашать на возвратномъ пути охотниковъ для переселенія въ новый, богатый край Тобола и даже не заѣхалъ на Донъ, какъ ни призывало его шу-да сердце, и какъ ни хошѣлось козакамъ взглянуть на пепелище Раздоръ и на вновь возникшій вмѣсто онаго городъ Черкасскъ.

Оспавимъ Кольцо поспѣшать въ

Искеръ, и взглянемъ, что случилось тамъ во время продолжительнаго ихъ отсутствія.

Первымъ и блистательнѣйшимъ подвигомъ Завоевателей Сибири при началѣ весны былъ походъ на Вагай, гдѣ, по извѣщенію Мурзы Сенбахты-Тагина, явился снова дерзкій Мамепкуль съ многочисленною полною. Ермаку Тимофеевичу весьма желалось захватить его живаго, дабы, избавясь отъ сего врага неушомимаго, получить вмѣстѣ съ тѣмъ большее вліяніе на Тапаръ, ему весьма преданныхъ. Предпріятіе сіе пребовало болѣе скорости и тайны, нежели силы, а попому Ермакъ избралъ шестьдесятъ удалцевъ подъ начальствомъ Грозы и съ чрезвычайною скрытностію отправилъ ихъ ночью по Иртышу въ самой легкой лодкѣ.

На восходѣ солнца удалцы наши

приблизились къ устью. Вагая и приваливъ къ берегу, пустились пѣшкомъ къ мѣсту кочевья Мамешкулова. Юрты его расположены были на высокомъ берегу рѣки, имѣя съ двухъ сторонъ предъ собою открытый лугъ. Нужно было сдѣлать большой обходъ, чпобъ приблизиться отъ лѣсу, который примыкалъ къ нимъ только съ противоположной стороны. Отсюда козаки могли хорошо высмотрѣть своего непріятеля, не бывъ имъ замѣчены и расположишь заранѣе свои дѣйствія, необходимыя по нѣчной темнотѣ.

Когда въ аулъ всё зачихло, Гроза подалъ знакъ начинать дѣло. Весьма счастливо миновалъ онъ нѣсколько кибипокъ, оставивъ у входа каждой по два козака, съ приказаніемъ не выпускать никого изъ оныхъ. Уже оставалось недалеко до спавки Царе-

вича, и по данному приказанію Грозы козаки забѣгали вокругъ, дабы со всѣхъ сторонъ дружно грянуть на нее, какъ, къ неописанной досадѣ, нѣсколько козаковъ, въ томъ числѣ и самъ предводитель попали въ глубокій ровъ, копорый они не усмотрѣли и при паденіи одна фузея выпала. Выстрѣлъ встревожилъ весь аулъ; Тапары выбѣжали съ саблями и кинжалами, и бросились рѣзаться съ козаками. Грозѣ стоило не малаго труда выбраться на крутизну и приблизиться къ Мамешкулу, копорый, какъ раздраженный левъ, уничтожалъ всѣ покушенія козаковъ обезоруживъ его. Уже нѣсколько смѣльчаковъ сдѣлались жертвою неимовѣрнаго его искусства и храбрости. Козаки рѣшились отмстить за кровь своихъ товарищей, какъ Гроза, проложивъ себѣ путь сквозь толпу Та-

таръ, удержалъ ихъ гибельный на-
пискъ, — и самъ пошелъ на Мамеш-
кула:

„Ужасный видъ! Они сразились!
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Опѣ вопля ихъ дубравы воюютъ;
Они спорами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплется потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце спрашно бьется,
И ребра обонхъ шрецаютъ:
То сей, то оный на бокъ гнется;
Кружится, и — Гроза сломля!
Ты мой теперь! онъ возопилъ: (1)

«Твой, отвѣчалъ Мамешкуль, и
клянусь великимъ Пророкомъ, что
ты потъ же дерзновенный яуръ, ко-
порого сильную мышцу испыталъ я
при Чувашскомъ мысу.

(1) Ермакъ, соч. И. И. Дмштріева.

«Разчищаемся послѣ,» сказалъ Гроза и, обезоруживъ его совершенно, приспавилъ четырехъ надежныхъ козаковъ смотрѣть за нимъ.

Гроза, не теряя времени, бросился на помощь къ другимъ товарищамъ и на разсвѣтъ дня въ цѣломъ станѣ Мамешкуловомъ не осталось ни одного Татарина съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ честью предавъ землѣ тѣла шести убитыхъ товарищей, а для раненыхъ сдѣлавъ носилки, Гроза топчасъ же предпринялъ обратный путь съ знаменимымъ своимъ плѣнникомъ.

Ермакъ крайне былъ обрадованъ успѣхомъ сего предпріятія, съ торжествомъ встрѣшилъ побѣдителей, честилъ и ласкалъ Мамешкула, видя въ немъ важный залогъ въ случаѣ переменъ счастья въ войнѣ или при

миръ съ Кучумомъ. Узнавъ вскорѣ пономъ чрезъ лазушчиковъ, что изгнанный Царь сей, пораженный несчастіемъ Мамешкула и измѣною любимаго своего вельможи Карачи, скитаешся въ степяхъ Ишимскихъ, онъ предпринялъ покореніе спранъ, лежащихъ на Сѣверъ.

Долго колебался Ермакъ Тимоѣевичъ въ избраніи начальника для охраненія Искера во время своего опусиствія. Грозу весьма хотѣлось ему взять съ собою, а Мещеряку, не смотря на особенную его къ себѣ близость, какое-то непонятное чувство не допускало сдѣлать споль великаго довѣрія. Наконецъ благоразуміе побѣдило приспраспие, и Гроза оставленъ съ небольшою дружиною для охраненія сполицы и знашнаго плѣнника. Должно думать, что Мещерякъ имѣлъ пайные виды на сіе по-

рученіе, ибо онъ не могъ скрыть своей досады, когда узналъ о предпочтеніи себѣ Грозы и повпорилъ въ душѣ клятву опімсшить за сіе новое разрушеніе его честполюбивыхъ намѣреній.

Вѣсть о плѣненіи Мамешкула разрушила послѣднюю надежду Ташаръ: они до самага успья Аримдзянки вѣспрѣчали съ подобоспраспіемъ своихъ побѣдипелей. Здѣсь только большая шолпа осмѣлилась оказатъ сопротивленіе, засѣвъ въ крѣпкій острогъ. Козаки взяли оный приступомъ и повѣсивъ или разспрѣлявъ спаршинъ, навели новый ужасъ на прочіе улусы. Нынѣшнія волости Наццинская, Карбинская, Туршасская поспѣшили присягатъ на подданство Россіи и несли безъ принужденія дань, копорою обложилъ ихъ Ермакъ. Далѣе начинались юрпы Оспяковъ и Кондийскихъ

Вогуличей. Могущесивенный Князь ихъ, Демьянъ, надѣясь на неприспупное положеніе своей крѣпости, возвышавшейся на каменномъ утесѣ Ирпыша, и на двѣ тысячи своихъ воиновъ, а болѣе всего на своего идола, при обладаніи коимъ Оспяки считали себя неодолимыми, опвергнулъ всѣ мирныя предложенія козаковъ. Ермакъ Тимоѣевичъ вынужденнымъ нашелся приспупить къ силѣ, но жалѣя товарищей, надѣялся спрѣльбою изъ пушекъ привестъ ихъ къ послушанію. Два дня козаки громили Демьяновъ городокъ, разрушили передовую стѣну, били много у нихъ людей, но Демьянъ не покорялся. Уркунду, усматривая гибель земляковъ своихъ отъ дальнѣйшаго упрямства, рѣшился спасти ихъ — похищеніемъ идола. Онъ былъ впущенъ безъ затрудненія и даже съ радостію въ

крѣпость, но при всемъ спараніи долго не могъ выполнишь своего намѣренія, попому чпо драгоцѣнный идолъ денно и нощно окруженъ былъ большою толпою Оспяковъ. Они пили воду изъ чаши, въ копорую онъ былъ опущенъ — укрѣпляясь шѣмъ въ мужесствѣ и терпѣніи, и курили безпрерывно предъ нимъ сѣру и маслѣ, а кудесники по онымъ предсказывали будущую судьбу каждаго. По мѣрѣ усугубленія опасности, усугублялись жертвы и моленія Оспяковъ къ ихъ золошому божеству, которое, по преданію старшинъ, перешло къ нимъ изъ Кіева, во время Владимірова крещенія. Всѣ ждали опъ него чуда, и — дождались. Въ полночь, когда опъ мешкихъ выстрѣловъ козацкихъ, сорвало крышку съ храма, гдѣ сохранялся кумиръ и всѣ въ страхѣ сбѣжались и пали предъ

нимъ на колѣна, вдругъ изъ жертвенныхъ чаръ раздался ужасный прескъ и громъ, засверкала молнія, заколебалась земля и черный дымъ наполнилъ воздухъ. Когда, до смерти испуганные Оспяки, нѣсколько опомнились и оглянулись, то, къ величайшему ужасу своему усмотрѣли, что кумира ихъ не было на своемъ мѣстѣ — онъ исчезъ внезапно. Паническій страхъ овладѣлъ самимъ Демьяномъ: забравъ семейства свои, Оспяки обратились въ бѣгство, — признавая въ томъ волю своего божества. Отбѣжавъ довольно далеко, они остановились для отдыха; тогда главный изъ жрецовъ увѣрялъ Князя Демьяна, что онъ видѣлъ своими глазами, какъ идолъ сѣлъ верхомъ на лучъ молніи и облокотясь на черное облако — поднялся на небо. А по просту — чудо сіе произошло не отъ чего инаго, какъ

опъ нѣсколькихъ горстей зелія, подсыпаннаго въ курильницы проворнымъ Уркунду, копѣрый и похитилъ драгоцѣнный идолъ въ минушны всеобщаго смятенія и ужаса. Онъ немедленно далъ знать козакамъ объ оставленіи жилищами городка, копорый они поспѣхъ и заняли.

Однако Ермакъ Тимоѣевичъ не долго оставался здѣсь, — онъ поплылъ далѣе по Иртышу. Въ Цынгальской волости, гдѣ величественная рѣка сія, спѣсняемая горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралось великое множество вооруженныхъ людей: одинъ выпрѣлъ въ нихъ проложилъ безпрепятственный путь козакамъ къ Нарымскому городку. Здѣсь нашли они однѣхъ женъ съ дѣтьми, ожидавшихъ неминуемой смерти. Ермакъ, успокоивъ ихъ и обласкавъ, отпустилъ безпрепятственно къ сво-

имъ опцамъ и мужьямъ, копорые, бывъ побѣждены симъ неизвѣстнымъ между варварами великодушiемъ болѣе, чѣмъ самымъ страхомъ, не замедлили явиться къ нему съ данью.

Покоривъ волость Тарханскую, козаки вступили въ улусы знаменѣшаго Оспяпскаго Князя Самара, копорый, соединясь съ осьмью Князьями, ждалъ козаковъ рѣшивъ судьбу всей древней Югорской земли. Увѣдомясь о великомъ ихъ ополченiи, Ермакъ не рѣшился дѣйствовать открытою силою, а разослалъ лазутчиковъ наблюдать за дѣйствiями непрiателя. Лишь только извѣстили они объ его безпечности, какъ, взявъ съ собою всѣхъ молодцовъ, Ермакъ напалъ при разсвѣтѣ на непрiательскiй станъ, погруженный въ глубокий сонъ. Надменный Самаръ первый палъ отъ руки козацкаго вождя, вой-

ско не долго проотивилось и преда-
лось бѣгству, а жители обязались
плащить ясакъ Россіи.

Близъ устья Иртыша въ Бѣлогор-
ской волости козаки встрѣтили еще
сильное сопротивленіе отъ Оспя-
ковъ, поклонявшихся *Великой богинѣ*,
которая сидѣла нагая на спулѣ вмѣ-
стѣ съ сыномъ, принимая дары отъ
жителей. Дѣло сіе было бы весьма
кровавопролитно, если бѣ благоразум-
ная богиня не велѣла скоро Ос-
пякамъ схоронить себя отъ коза-
ковъ и всѣмъ разбѣжаться.

Завоевавъ на Оби главный Оспяк-
скій городъ Назымъ и многія другія
крѣпости по берегамъ сей славной
рѣки, плѣнивъ ихъ Князя и горесѣнно
оплакавъ потерю храбраго сподвиж-
ника, Атамана Никипу Пана, убита-
го на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкопо-

рыми изъ лучшихъ козаковъ, Ермакъ не хопѣлъ итти далѣе. Хладныя пустыни, состоящія изъ топкихъ болошъ и зыбучихъ пундръ, не оживленныя и знойными лучами лѣшняго солнца, пустыни, представляющія образъ ужаснаго кладбища природы, охладили жаръ къ завоеванію въ сихъ безжизненныхъ спранахъ нашихъ героевъ. Поспавивъ Князя Остякского Алача главою надъ Обскими юртами, Ермакъ шѣмъ же путемъ благополучно возвратился въ Сибирскую столицу, честимый своими данниками, какъ побѣдитель и владыка; вездѣ съ изъявленіями раболѣпства встрѣчали и провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестественной. Для большаго впечатлѣнія на воображеніе и глаза покоренныхъ народовъ, козаки плыли съ воинскою музыкою и выходили

ли на берегъ всегда въ богатѣйшихъ праздничныхъ своихъ кафтанахъ.

Найдя въ Искерѣ всё тихо, покойно, неупомимый Ермакъ пустился рѣкою Тавдою въ землю Вогуличей, дабы къ господству Россіи, владѣвшей уже опъ предѣловъ Березовскихъ до береговъ Тобола, приобщить страну Кондійскую, дополъ мало извѣстную, хопя давно именуемую въ титулѣ Московскихъ Самодержцевъ.

Не далеко опъ устья Тавды господствовали два сильные Князя Ташарскіе, Лабупанъ и Печенѣгъ. Они собрали многочисленныя толпы для защиты своихъ владѣній, дрались опчаянно; но не могли долго прошивиться храбрости и искусству нашихъ витязей. Слѣдствиемъ сей кровопролитной побѣды было мирное подданство Вогуличей Кошуцкой и Тарабинской волостей, которыя без-

прекословно дали обложенный на нихъ ясакъ. Мирные дикари сіи составляли родъ республики, не имѣя ни Князей, ни Влaspишелей, а прибѣгая, единственно для разбирательства ссоръ и тяжбъ, къ волхвамъ своимъ.

Умноживъ такимъ образомъ данниковъ даже въ древней землѣ Югорской, Ермакъ опъ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ съ торжествомъ возвратился въ Искеръ — принять за славные труды отличную награду.

Здѣсь ожидалъ его Кольцо съ Государевымъ жалованьемъ. Козаки немедленно собраны были на Майданъ для полученія онаго и выслушанія Царской грамошы. Громогласныя, единодушныя восклицанія ихъ заглушали неоднократно чтеніе. Въ особенности козаки приведены были въ неописанный восторгъ, когда слышали, что

признапельный Царь наименовалъ ихъ
вождя Княземъ Сибирскимъ и оста-
влялъ въ его распоряженіи и началь-
ствованіи завоеванное имъ царство.
День сей былъ, конечно, самымъ тор-
жественнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ
для нашихъ героевъ. Они испили всю
сладость признапельности Царя къ
службѣ честной и полезной, они за-
были великіе труды свои и жертвы,
ожили новою жизнію, новымъ рве-
ніемъ къ важнѣйшимъ предпріятіямъ.
Вотъ чувства, вотъ дѣйствіе, кото-
рое производитъ всегда справедли-
вость Монарха!

Радость и веселіе въ Искерѣ уве-
личилось несравненно прибытіемъ
туда вскорѣ пяти сотъ Спрѣльцовъ
подъ начальствомъ Воеводы Князя Се-
мена Дмипріевича Болховскаго и Голо-
вы Ивана Глухова. Козаки дарили доро-
гихъ гостей своихъ соболями и угоща-

ли со всею возможною роскошью. Они мечпали, что ничто въ свѣтѣ не могло болѣе измѣнить ихъ счастія и могущества; но Провидѣніе, испытывавшее мужество и постоянство ихъ въ минувшіе бѣдствія, хотѣло, казалось, поколебать твердость Героевъ, когда они были на верху благоденствія и славы!

Г Л А В А IV.

Начало бѣдсвѣй. — Болѣзни. — Голодь. — Смерть Воеводы Болховскаго. — Зло прекращается съ весною. — Отправленіе Грозы въ Москву за новымъ пособіемъ. — Новое коварство Мещеряка. — Посольство отъ Карачи. — Приходъ каравана. — Гибель Кольца. — Опчальное положеніе крѣпости. — Возстаніе всѣхъ покоренныхъ народовъ. — Удачное предпріятіе. — Новые пресупные замыслы Мещеряка.

Конечно, одно упованіе на Господа, одна вѣра могла поддержать Ермака, чтобъ не упалъ духомъ, чтобъ общее уныніе не коснулось его сердца: столько горестей, золь, бѣдсвѣй постигло его въ продолженіе наступив-

шей, вскорѣ по прибытіи Стрѣльцовъ, бурной, ненастной зимы. Болѣзни, голодъ, негодованіе, ропотъ, наконецъ смерть самого Князя Болховскаго и большей половины его людей — совокупились, казалось, вмѣстѣ, чтобъ привести въ отчаяніе или по крайней мѣрѣ исперзать его боязнію — утратить плодъ своихъ трудовъ, обмануть надежду Царя и Россіи.

Благошворное вліяніе весны пре-
красило сіи бѣдствія, возстановивъ
изнуренныя силы больныхъ и давъ
возможность Ермаку получить съѣс-
ные припасы въ изобиліи; но онъ
съ ужасомъ видѣлъ слабость свою и
невозможность обойтись безъ силь-
нѣйшаго вспоможенія Царя — необхо-
димаго не только для дальнѣйшихъ
завоеваній, но и для удержанія всего
завоеваннаго. Съ сею просьбою Князь

Сибирскій рѣшился отправишь въ Москву Аппамана Грозу, надѣясь на его умъ, скромность и усердіе къ общему дѣлу. Онъ велѣлъ его позвать къ себѣ.

«Владиміръ!» сказалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, «я хочу отправишь тебя въ Москву.»

«Воля твоя, Князь,» отвѣчалъ Гроза, «для меня священна, я на всё готовъ, куда пошлешь, всё выполню, какъ съумѣю. Позволь только доложить себѣ, что кажется теперь не время тебѣ ослаблять себя ни однимъ козакомъ, особенно когда у тебя на рукахъ еще Маметкуль.»

«Я и его хочу послать съ тобою къ Царю Іоанну Васильевичу. Такой подарокъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ соболей понравится при Дворѣ Московскомъ.»

«Это правда, Ермакъ Тимоѳеевичъ,

но я одного боюсь, что ты вынужденнымъ найдешься опидѣлать для сего еще болѣе провожатыхъ.»

«Будь покоенъ, любезный Владиміръ, у меня еще останется достаточно силы, чтобъ держа въ повиновеніи дикарей. До присылки новой рати, я не тронусь изъ Искера, а пушу друга Мещеряка кашаться по Ирпышу, да собираю ясакъ и припасы.»

«Не намъ учить тебя,» сказалъ Гроза съ чувствомъ, «но какъ опца роднова прошу тебя изъ милости, — не очень довѣряйся Ашаману Мещеряку. . . .»

«Владиміръ!» прервалъ его Князь Сибирскій, «ты знаешь лучше всякаго, что я не люблю ни обвинять, ни подозрѣвать кого либо по напрасну; а если ты можешь показать что ни есть важнаго на Мещеряка,

то для чего не объявляешь на Май-
данѣ, я не дамъ пощады. . . .»

«Коли бы сердце могло говорить,»
произнесъ Гроза со слезами, «то оно
высказало бы тебѣ всю тоску и
страхъ, когда вижу тебя съ Меще-
рякомъ вмѣстѣ... Вспомни, отецъ
мой, предсказанія Шамана? . . .»

«Ты слишкомъ суевѣренъ и тру-
сливъ изъ любви ко мнѣ,» замѣтилъ
Ермакъ Тимофеевичъ, съ усмѣшкою.
«Пророчество Уркунду не касалось
Мещеряка.»

«Не въ доносъ хочу сказать тебѣ,
Ермакъ Тимофеевичъ, что Иванъ Ива-
новичъ готовится осперечь тебя на
счетъ частныхъ переговоровъ Меще-
ряка съ нашимъ плѣнникомъ. Вѣдаю,
что ты не охочь подслушивать, но
если бъ тебѣ угодно было сего дня
вечеркомъ спрятаться въ хатѣ Ма-

меткула, по, можешъ быть, открылъ бы всю истину.»

«Почему же вы это думаете?» спросилъ Ермакъ съ безпокойствомъ и громче обыкновеннаго.

«Кажешся, Атаманъ Кольцо давно за нимъ присматривая, вчера подслушалъ, какъ они сговаривались...»

Послышавшійся въ прилежавшей свѣщницѣ необыкновенный спукъ, заставилъ разговаривающихъ обратиться шуда; но они не нашли тамъ ни кого и положили, что онъ произошелъ отъ упавшей близъ дверей фузеи.

Князь Сибирскій, желая прекратить ненависть, существовавшую между лучшими друзьями своими, рѣшился воспользоваться предложеннымъ способомъ, хотя весьма для него непріятнымъ, бывъ увѣренъ въ ошибкѣ Грозы и Кольца.

Кольцо оспорожно впустилъ его съ Грозою въ смежную хашу съ Мамешкуловою, откуда могли они слышать каждое слово, не бывъ ни кѣмъ примѣченными.

Вопль позднимъ вечеромъ точно съ большою скрышностію вошелъ Мещерякъ.

«Какія вѣспи?» спросилъ его таинственно Мамешкуль?

«Самыя добрыя, и будь увѣренъ, что Князь нашъ будешь умѣть возблагодарить тебя,» отвѣчалъ Мещерякъ.

«Не думаю однако, чтобъ Карача былъ такъ упрямъ и золь на васъ;» сказалъ Мамешкуль съ видомъ опкровенности. «На силу могъ уломать его и вдолбить ему въ башку выгоды въ союзѣ съ вами, въ дружбѣ Ермака. Вождь вашъ, избавясь такого сильнаго врага, каковъ Мурза, мо-

жестъ разшворить всѣ врага въ Искеръ, а Карачъ поможетъ опъ Нагаевъ.»

«Вѣспимо,» замѣшилъ Мещерякъ, какъ будто плащась чистосердечіемъ, «даве *подводникъ* его проговорился, чпо имъ приходишь зудко на Таръ опъ эшихъ разбойниковъ. Кабы Князь нашъ далъ мнѣ челоуѣкъ 30-ть поудалѣе, я бы унялъ цѣлую орду: не посмѣли бы впередъ Нагайцы мѣшати караванамъ ходишь къ намъ...»

«Да когда пришьлетъ Карача пословъ къ вашему Князю?»

«Дня черезъ два, какъ подойдетъ поближе Бухарской караванъ, за которымъ ушелъ онъ со всею своею силою, чпобъ проводить къ намъ. Скажу правду Царевичъ, я боялся, что намъ не дадутъ кончить дѣла. Храбрые Апаманы наши Кольцо и Гроза такіе подозрительные, чпо если бъ они

провѣдали про пересылки наши съ Карачею, по Богъ знаешъ, чѣмъбы взвели... и предательство и измѣну.. А врядъ ли Мурза открытымъ образомъ повѣрилъ бы твоей искренности и совѣщамъ; пожалуй и обманулъ бы...»

«Кажется доспапочно,» шепнулъ Ермакъ Тимоѣевичъ, пожавъ значительно руку Грозъ, и вышелъ вонъ съ такою же оспорожностію, съ какою вошелъ.

На завтра Князь Сибирскій объявилъ на кругу, что отправляетъ въ Москву Ашамана Грозу съ плѣннымъ Царевичемъ, а Мамешкула увѣрилъ всенародно въ Царской милости и безопасности.

«Знаешь ли,» сказалъ Кольцо, подумавъ нѣсколько, когда Гроза рассказывалъ ему съ удивленіемъ о разговорѣ Мамешкула съ Мещерякомъ ими

подслушанномъ, «знаешь ли—мнѣ приходилъ въ голову, что они сговорились между собою обмануть насъ. Ты говоришь, что въ передней избѣ у Ермака, когда онъ призывалъ тебя къ себѣ, заспучала упавшая съ гвоздя фузея, а я завѣряю тебя, что ее нарочно сбросилъ Мещерякъ, чтобъ скрыть свой уходъ. Онъ васъ подслушалъ. Какъ теперь вижу его бѣжавшимъ въ эту пору... Поди теперь перекрѣпи Ермака Тимоѣевича...»

«Коли морочашъ насъ,» замѣтилъ Гроза, то правда окажется скоро на дѣлѣ. Право, хотѣлось бы дождаться пословъ Карачиныхъ и каравана Бухарскаго,» прибавилъ онъ съ насмѣшкою.

И Гроза ихъ дождался: не прошло двухъ дней, какъ прибыли гонцы отъ богатаго Бухарскаго каравана съ извѣщеніемъ, что онъ приближается

къ Искеру на 200 верблюдахъ. Въ слѣдъ за симъ явился и самъ Карача съ богатыми дарами и предложеніемъ союза съ Княземъ Сибирскимъ. То и другое принято было въ столицѣ Сибирской съ большимъ удовольствіемъ и разлило давно забытое веселіе. Немедленно отправленъ былъ Кольцо съ 20 козаками и сполькими же спрѣльцами на встрѣчу Киргизскихъ купцовъ, съ обнадеживаніемъ въ безопасности и покровительствѣ. Ермакъ Тимофеевичъ надѣялся возобновить торговлю съ самыми отдаленными Азіатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ, путемъ, давно проложеннымъ въ Сибирь во времена Чингисъ Хана и получающъ въ обмѣнъ на мягкую рухлядь плоды Восточнаго ремесла, нужные или пріятныя для воиновъ, которые не берегли жизни; но любили наслаждаться

ся ею. ⁽¹⁾ Апаману Мещеряку поручено было войти въ переговоры съ Карачею и убѣдить его отдаться безусловно въ подданство Московскаго Царя, коего и Кучумъ былъ данникомъ.

Событія сіи ни сколько не воспрепятствовали отправленію Апамана Грозы съ Мамешкуломъ въ Москву. Напропивъ, Ермакъ Тимофеевичъ поспѣшалъ собрать ихъ поскорѣе, дабы они оставили Искеръ съ пріятными впечатлѣніями и могли смѣло засвидѣтельствовать ихъ предъ Царемъ, какъ самовидцы; могли сказать, что видѣли базаръ Сибирской столицы наполненнымъ сокровищами Востока; что сильнѣйшіе Владѣльцы Сибирскіе ищутъ подданства Царя Московскаго. Но, увы! не смотря

(1) Ист. Р. Г. Карам. т. IX, стр. 406.

на призракъ обратившагося счастья къ побѣдителямъ Сибири, не смотря на картину довольствія и даже роскоши, которая представлялась глазамъ Владиміра, какое-то ужасное предчувствіе пняглопило его душу, какой-то внушренній голосъ говорилъ ему, что друзья его, Ермакъ и Кольцо, будутъ первые жертвою сего мнимаго благополучія. Грусть разлуки съ ними равнялась радостнымъ мечтамъ о свиданіи съ милою сердца, съ милыми родными и милою родиною. Ему мечталось иногда — будто присутствіе его въ Искерѣ необходимо для спасенія его друзей и онъ рѣшался неоднократно просить объ увольненіи себя отъ посольства въ Москву. Но можетъ ли смертный измѣнить предопредѣленія рока? По крайней мѣрѣ, прощаясь съ Ермакомъ, Гроза дерзнулъ еще разъ

заклинаеть его не ввѣряться Меццераку, а обнимаа Кольцо въ послѣдній разъ, повториль шопъ же завѣшь, какъ будпо движимый невольнымъ побужденіемъ.

Къ несчастію предсказанія Грозы скоро оправдались. Еще онъ былъ не далеко, какъ Ермакъ оплакивалъ перваго своего друга, перваго Героя: Кольцо палъ жертвою гнусной измѣны Карачи и хитраго коварства Меццерака. Карача, вкравшись въ довѣренность Князя Сибирскаго, убѣдиль его послать сорокъ козаковъ для охраненія отъ Нагаевъ опшедшаго каравана. Въ первый разъ Ермакъ вспомнилъ завѣшь Грозы и, вмѣсто Меццерака, просимаго Мурзою наспо-ятельно въ начальники сего опрада, отпразиль съ козаками Кольца, отпразиль, чшобъ пастъ ему съ хра-

брыми, но легковоѣрными повари-
щами подѣ ножемъ коварнаго друга!

Въ безпечноспи ждали въ Искерѣ
возвращенія Апамана Кольца изъ но-
ваго похода съ честію и добычею,
одинъ только Мещерякъ оказывалъ
безпокойство и ожидалъ, казалось, че-
го-то противнаго. Онъ нѣсколько
разъ ходилъ съ Фузеею за Панинъ
бугоръ, будио для охоты, высылалъ
шуда и Самуса. Уже смерклось, а
Мещерякъ еще не возвращался въ го-
родъ.

«Подождемъ не множокко, говорилъ
онъ Самусу, сидя подѣ густымъ дере-
вомъ. Прежде зари долженъ непре-
мѣнно пригнашь гонецъ опѣ Карачи.
Приложи-ка ухо къ землѣ.»

Самусъ и безъ приказанія давно
уже лежалъ ухомъ у толстаго корня
и прислушивался.

«Нѣтъ, не чупѣ ни одного копы-

па, сказалъ онъ съ неперпѣніемъ; возится только не вдалекѣ лѣсной дѣдушка. Сойдемъ, говорю тебѣ, на долину, тамъ слышиѣ.»

Но Мещерякъ не отвѣчая, самъ прилегъ къ землѣ и съ восхищеніемъ воскликнулъ: «Я тебя счасливѣѣ; послушай-ка какая попопня, словно музыка.» Не успѣлъ онъ выговорить слова сии, какъ вдали показались при всадника, несущіеся вихремъ къ Цанину бугру.

«Гайда,» вскричалъ Тапаринъ, поровнявшись съ козаками и соскочивъ съ лошади, спѣшилъ повѣдать Мещеряку радость свою о гибели Кольца, рассказалъ, какъ Карачаза лучилъ козаковъ въ свой Тапарскій улусъ, какъ угостилъ дорогихъ госпѣй всѣмъ, что ни имѣлъ лучшаго, какъ ласкалъ ихъ и привѣтствовалъ, какъ уложилъ ихъ на мягкихъ коврахъ и вой-

локахъ — и перерѣзалъ, словно барановъ, всѣхъ до единого безъ малѣйшаго сопротивленія во время сна крѣпкаго.

«Тебѣ, продолжалъ онъ, велѣлъ сказать Мурза, чѣмъ бы съ Самусомъ и Чабаномъ убирались отсюда поскорѣе вонъ, да подалѣе; за послуги ваши жалуешь онъ васъ живопомъ, а мы и безъ васъ обойдемся, завпра же ни единой душѣ въ Искерѣ не дадимъ пощады.»

«Больше ничего не велѣлъ сказать твоей Мурза,» спросилъ Мещерякъ гонца съ примѣшнымъ негодованіемъ.

«Ничего, кажись; правда, онъ говорилъ, чѣмъ дозволишь вамъ захватить съ собою казны и пушнова изъ козацкой казны; да вы, чай, и безъ него догадаетесь.»

«Спасибо за милости,» проворчалъ сквозь зубы Мещерякъ, и кинулъ на

вѣспника такой нѣжный взглядъ, что всякой бы понялъ, что онъ его поблагодарилъ бы по свойски, еслибы считалъ себя сильнѣе.

«А Остяки и Вогулы съ нами ли?» продолжалъ Мещерякъ, желая вывѣдать по больше опъ Тапарина.

«Вѣспимо,» ошвѣчалъ сей послѣдній. «Ихъ ведетъ съ полуночи Князь Демьянъ, а мы съ Тапарами, да Нагаями, обшупимъ крѣпость съ полудня. Прощай,» сказалъ онъ, садясь на коня, «я свое дѣло отправилъ, пеняй на себя, коли не слушаешь или замѣшкаешься.»

Мещерякъ долго не зналъ, что ему предпринять, — увидя себя обманутымъ злодѣемъ, себѣ подобнымъ, увидя всѣ преступные замыслы свои разрушенными въ одну минушу. Онъ пылалъ мщеніемъ.

«Ну, товарищъ, собирайся-ка на пи-

хій Донъ,» сказалъ онъ Самусю съ адскою усмѣшкой, «да нагребѣ въ шаровары-то по больше казны Ермаковой, Карача не взыщеть.»

«Вѣра неймешь, Апаманъ,» сказалъ Самусь; «давно ль я своими ушами слышалъ, какъ прокляшый Карача клялся своимъ прокляшымъ Пророкомъ, пославивъ тебя вмѣсто Ермака, коли пособишь уходить Кольца и выслать Грозу изъ Искера.»

«И исполняетъ по Ташарски,» замѣшилъ Мещерякъ, скрежеща зубами. . .

«Лѣвую руку далъ бы по локошъ опрубить, чѣмъ правою вопкнушь ножъ въ горло эшаго бусорманина...»

«Молись Богу, прервалъ Мещерякъ въ какомъ-то неистовомъ изступленіи, «поправимся, поплашимся... Не ругаться же этому нехристу надъ козаками православными... Ошибетъ-

ея, думая, что они пропали безъ Кольца и Грозы. Въ Искерѣ останется еще Мещерякъ.»

Скорыми шагами вернулся онъ въ крѣпость и извѣстилъ Ермака Тимоѣевича, какъ о гибели Апамана Кольца, такъ и о предстоящей опасности столицѣ, увѣряя, что онъ подслушалъ эти ужасныя вѣсти отъ двухъ Тапаръ, переправлявшихся чрезъ Иртышъ.

Ермакъ не хотѣлъ вѣрить столь гнусной измѣнѣ; но опытность научила его не пренебрегать ни какими слухами. Онъ немедленно отдалъ приказъ запереть все выходы въ крѣпость и зарядить пушки и фузеи, удвоить часовыхъ и быть въ готовности опразить сильное непріятельское нападеніе.

Въ крѣпости водворилась такая тишина, что малѣйшее движеніе,

легчайшій шорохъ былъ слышанъ на дальнее разспоянiе вокругъ. Передъ разсвѣтомъ пронесся по Иршышу гулъ, подобный предпечи бурана.

«Вопъ и незваные госпи къ намъ жалуюшъ,» сказалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, указывая на шумъ, и приказалъ прекратишь самые оклики спорожевыхъ, дабы болѣе убѣдити непріятеля въ безпечности крѣпостныхъ жителей. Съ крайнею оспороженостію зажгли фитили и держа ихъ надъ заправками, подпускали ближе и ближе Татаръ, кошорыхъ несмѣшныя толпы разстиались по покапосши, подобно морскимъ волнамъ, между тѣмъ какъ Оспяки и Вогулы, въ видѣ чернаго шумана, подымались со дна пропасти отъ рѣчки Сибирки. Въ мгновеніе, когда тѣ и другіе хотѣли гаркнушь, чѣмъ взлетѣшь на валы крѣпости — грянулъ громъ, за-

колебалась земля подъ ногами ихъ и цѣлые ряды между ними исчезли. Осажденные готовы были повпорить гибельный ударъ, но болѣе не настояло надобности — непріятель опхлынулъ съ ревомъ и спенаніемъ, подобно морскому приливу, отполкнутому далеко въ Океанъ граничными берегами новаго свѣта.

Съ разсвѣтомъ дня усмотрѣли черную дугу, облагавшую крѣпость съ одного берега Иртыша до другаго. По мѣрѣ проясненія предметовъ открылось, что непріятель расположился необозримыми обозами вокругъ Искера, въ намѣреніи взять крѣпость голодомъ. Ермакъ съ ужасомъ увидѣлъ всю опасность. Конечно онъ могъ бы дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ, малыя пушки его не доставали до обоза. Всѣ сношенія прекратились какъ съ о-

кресными юрпами, такъ и съ самыми отдаленнѣйшими, копорья въ одно время свергли съ себя минувшее иго и вооружились прошивъ своихъ побѣдителей. Ашаманъ Яковъ Михайловъ сдѣлался жертвою сего возстанія, бывъ захваченъ Оспяками въ разбѣдѣ. Царство и подданные вдругъ исчезли: нѣсколько сажень земли оспались единственнѣйшимъ владѣніемъ въ Сибири завоевателей Сибири.

Ермакъ, изобрѣтая способы выпти изъ сего опаснаго положенія, — находилъ одно только средство возможнымъ: это сдѣлать отчаянный ударъ на спанъ Карачи и — поразивъ его, привести въ паническій страхъ варваровъ; но главное затрудненіе состояло въ томъ, что никто изъ козаковъ не зналъ его спавки.

Трудно предсавить радость, ко-

порую принесло въ спѣнахъ печальнаго Искера, неожиданное появленіе Шамана Уркунду. Казалось, въ образѣ его слѣпѣль съ нимъ Ангелъ утѣшитель; не было козака, даже Мещерякъ съ своими наперстниками, казалось, былъ ему радъ; всѣ толпились вокругъ его, всѣ спрашивали, какимъ чудомъ онъ упалъ съ неба, ибо непріятель никого доселѣ не допускалъ къ нимъ, и Уркунду принужденнымъ нашелся почти каждому повторять, что его оправили съ дороги Апаманъ Гроза.

Дѣйствительно, Гроза прислалъ Уркунду къ друзьямъ своимъ вмѣсто Ангела храниителя, зная его смѣшливость и неусыпность. Въ день гибели Кольца, ему спало такъ грустно, что онъ самъ бы вернулся къ нимъ, если бъ не имѣлъ на рукахъ своихъ Мамешкула. Уже въ прибли-

женныхъ юртахъ узналъ Шаманъ о измѣнѣ Епанчи и о всеобщемъ возстаніи противъ козаковъ. По извѣстной смѣшливости своей онъ выспросилъ всѣ подробности, касающіяся до непріятельскаго положенія; а потому къ неописанной радости Ермака взялся проводить козаковъ въ станъ Карачи, который расположенъ былъ близъ Сауксанскаго мыса, въ пяти верстахъ отъ Искера.

Ермакъ остался блюсти столицу, а начальство надъ опчаянными удалцами поручилъ Аппаману Мещеряку, которое нѣмъ было надежнѣе, чѣмъ болѣе пылалъ сей послѣдній личнымъ мщеніемъ къ Мурзѣ. Пріобщившись на канунъ Свяшихъ Таинъ, козаки ночью 12-го Іюня прокрались въ слѣдъ за своимъ неупомимымъ вожакомъ къ Сауксану по крупому берегу Иртыша — доселѣ прислуп-

ному однѣмъ воздушнымъ ласпочкамъ, и дружно напали на сонныхъ Ташаръ. Козаки плавали въ крови невѣрныхъ, двое сыновей Мурзы пали подъ ударами ихъ и самъ Карача едва спасся съ малымъ числомъ людей, бывъ преслѣдуемъ побѣдителеми до самаго озера.

Съ первыми лучами солнца Ташары, увидя малочисленность козаковъ, ободрились, и соединясь съ новыми силами, ударили на смѣльчаковъ со всѣхъ сторонъ. Но козаки успѣли уже засѣсть въ обозъ и встрѣтили ихъ сильно ружейною стрѣльбою.

Въ это самое время прибѣгаетъ къ крѣпостнымъ ворошамъ человекъ, обезображенный кровію и пылью и едва имѣвшій опъ усталости силы проговорить Ермаку Тимофеевичу, вышедшему къ нему на встрѣчу: «покажись скорѣй на Паниномъ бугрѣ.»

Сказавъ слова сіи, онъ упалъ безъ чувствъ и кровь хлынула изъ него носомъ и горломъ. То былъ Уркунду, поспѣшавшій, не смотря на палившій жаръ, принесть въ Искеръ спасительную вѣсть сію. Ермакъ, постигнувъ важность сей послуги, постигъ, что и потеря одной минуты могла быть невозвратима на вѣкъ, и оставивъ въ крѣпости однихъ часовыхъ, съ прочими бросился на показанное Шаманомъ мѣсто. И дѣйствительно, появленіе его на высотѣ сей и нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ для ободренія осажденныхъ въ обозѣ поварищей, навели такой страхъ на непріятеля, что Карача въ ужасѣ снявъ немедленно осаду, бѣжалъ за Ишимъ, а окрестныя юрты и улусы всѣ снова поддались Россіянамъ. Въ полдень побѣдители съ торжествомъ возвратились въ осво-

божденную свою споллицу, имѣя снова и данниковъ и обширныя владѣнія.

Первою заботою вождя было навѣдаться о Шаманѣ Уркунду, дабы поблагодарить его за новую послугу, но его не могли нигдѣ найти.

Шумно праздновали козаки день, столь счастливо конченный. Пѣсни, звуки рожка и балалайки, радостный говоръ раздавались на Майданѣ до поздней поры. Прекрасный лѣпный вечеръ и свѣтлая ночь, располагали еще болѣе къ веселію. Одинъ только Мещерякъ, забившись въ темный уголь съ Самусомъ, казались равнодушными и къ прелестямъ природы и къ соучастію во всеобщемъ шоржествѣ.

Не подумайте однако, чѣмъ они скучнѣе своихъ товарищей проводили свое время. Къ несчастію и зло-

дѣи имѣють свои наслажденія: они веселятся исчисленіемъ своихъ преступленій, какъ скупецъ пересматриваніемъ сокровищъ своихъ, забывая, что онѣ омыты слезами и кровію пригнѣсненныхъ ими бѣдняковъ.

«Ха, ха, ха! Не могу вспомнить безъ смѣха,» говорилъ Самусъ, «когда бухнулъ въ воду эшопъ проклятый колдунъ. Пойдешь, какъ ключъ ко дну, подумалъ я, — анъ нѣтъ: два раза сплывалъ наверхъ, какъ обахмуренный судакъ, и ужъ я пришибъ его прикладомъ, да привязалъ камень на шею.»

«Да не подсмотрѣлъ ли тебя ктонибудь,» спросилъ его Мещерякъ съ беспокойствомъ. «Пожалуй съ Ермакомъ не раздѣлаешься и за эшу некрещеную собаку.»

«Кому подсмотрѣшь? Я одинъ ходилъ на спорожкѣ даве по валу, какъ

вы побѣжали съ Ермакомъ; глядь, анъ Шаманъ лежишь на берегу, я окликнулъ, онъ не далъ голосу. Вѣпъ я сошелъ къ нему и учалъ его поворачивать съ боку на бокъ, а онъ не пошевелился. Дайка вымою пріятеля, ха, ха, ха! подумалъ я, больно черенъ, и сполкнулъ въ Ирпышъ.»

«Знаешь ли, Самусь, что ты очень кспаша позабавился надъ эпою чучелою. Этого колдуна я боялся пуще всѣхъ: его одного не проведъ бы, какъ поддѣлъ Ермака съ обѣими его хипрыми головами — Кольцомъ и Грозою. Вздумали подслушивать насъ съ Мамешкуломъ, да сами чуть не попались въ яму — ха, ха, ха! коли бы не измѣнилъ Карача.»

«Будь доволенъ, что и одного покамѣспъ сбылъ съ рукъ.»

«Кабы ты видѣлъ, Самусь, кислую рожу Ермака, когда Карача учалъ со-

вѣшовавъ ему пославъ меня съ караваномъ. Поспой, подумалъ онъ, — я поддѣну васъ — и сдѣлалъ то, изъ чего мы бились — посла. Кольца на ножъ. Но этого еще мало...

«Ужъ не зашѣваешь ли ты еще чего ни есть добринькаго, Машвѣй Ѳедорычъ?» спросилъ Самусъ съ коварною улыбкой.

«Да, братъ, эта послѣдняя попышка. Коли не удастся, брошу всё. . . Хочу попорговаться съ Кучумомъ.»

«Смотри, Ашаманъ, не дай промаха. Этого бусорманинъ проведетъ поглаже самага Карачи; да и корысти-то нѣтъ для него трудиться.»

«Какъ нѣтъ?»

«Да вѣдь онъ не поступится Искеромъ, хоть ты пятерыхъ Ермаковъ для него спустишь съ рукъ.»

«Увидимъ,» сказалъ въ полголоса Ме-

щеракъ, какъ бы не желая повѣдашь
и лучшему своему другу тайныхъ,
преступныхъ своихъ намѣреній.

ГЛАВА V.

Смерть Шамана. — Хладнокровный злодей. —
Новыя завоеванія козаковъ. — Новые обманъ.
— Поискъ за караваномъ. — Обратный путь.
— Остановка у Перекопи. — Худыя предназна-
менованія. — Ужасныя преданія. — Преда-
тельство. — Смерть Ермака Тимоевевича.

Мещерякъ, казалось, обманулся въ своихъ разсчетахъ, полагая, что онъ сдѣлается для Ермака необходимѣе по смерти Кольца и удаленіи Грозы. Къ удивленію и крайней досадѣ онъ замѣпилъ, что Вождь спалъ какъ будто его уклоняясь, спалъ чаще искавъ уединенія, болѣе бесѣдованъ съ природою. Любимою прогулкою

Ермака былъ Чувашскій мысъ, гдѣ онъ просиживалъ по нѣскольку часовъ, наслаждаясь бореніемъ сшихій и фантасмическими изображеніями горъ, зданій, морей съ кораблями и пому подобными явленіями опшики, игривыми, обманчивыми какъ воображеніе поэта, которыми рисуется осенью въ Сибири небосклонъ опъ преломленія солнечныхъ лучей въ разныхъ туманахъ и облакахъ. Уже утренняя заря подернула пурпуромъ горизонтъ, рѣзкіе звуки рожковъ и пѣсень рѣдѣли и изнывали въ Искерѣ, а онъ всё сидѣлъ на крупизнѣ утеса и смотрѣлъ, какъ ярая воды Иртыша, ударяясь о граничные берега, грозили разрушеніемъ сей, вѣками скованной нтвердынѣ Зрѣлище сіе невольно пораждало мысли о плѣнности и разрушеніи всего подлуннаго. Но вскорѣ неисповѣдимость и таинственность

предопредѣленія человѣка заняла всю его душу. Къ чему, думалъ онъ, всѣ труды наши, пожертвованія, усилія, когда не увѣрены мы въ единомъ часѣ своего существованія, когда со всѣмъ могуществомъ, при всемъ умствованіи человѣкъ не власпенъ приподнять уголка завѣсы, скрывающей удѣлъ его, не можетъ опклонить даже руку гнусной измѣны... Да! измѣны! повторилъ онъ мысленно. Уже ли предвѣщанія Шамана — неизмѣнны, уже ли нельзя избѣжать ихъ ничѣмъ?

Сѣдая волна съ необыкновенною силою разразилась о подножіе утеса, и нѣмой грохотъ, раздавшійся отъ сего удара, повторилъ въ ушахъ мечтателя ужасное *ничтъ.мъ*. Въ тоже самое время волна падая, обнажила человѣческую голову, и въ мгновеніе скрылась съ нею въ пучину. Ермакъ

непричастень былъ суевѣрію, но невольно содрогнулся. Не дѣйствіе ли это, подумалъ онъ, разгоряченнаго воображенія? Но волна, поднявшаяся еще выше, открыла опять спрашное привидѣніе и опять исчезла съ нимъ вмѣстѣ; роковое — *ничтъмѣ*, повпорилося еще явспвеннѣе въ ушахъ Ермака. Онъ усугублялъ свое вниманіе и при свѣтѣ перваго солнечнаго луча, вырвавшагося изъ-за прошивуположной горы — опличилъ черпы своего оракула... Ермакъ отпвращилъ лице отъ сего зрѣлища и глазамъ его представился Мещерякъ давно его опыскивавшій. При всемъ присупствіи духа — это неимовѣрное спеченіе случая привело въ невольный пренепъ и неуспрашимаго вождя завоевапелей Сибири. Не извѣстно, что бы онъ предпринялъ, если бъ послышавшіяся пѣсни рыболововъ, безопасно

плывшихъ по Ирпышу, не измѣнили мыслей его и намѣреній. Ермакъ Тимоѳеевичъ подкликалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ закинуть съѣсть на помѣ мѣспѣ, гдѣ показалось ему видѣніе. Ожиданія его исполнились: рыбаки выпасили мертвое тѣло Уркунду съ привѣшеннымъ на шею камнемъ. Онъ шупъ же приказалъ преданъ его землѣ и, не смотря на мнимую суровость свою и холодность — выронилъ горячую слезу на могилу добраго, честнаго Шамана. Ни малѣйшимъ измѣненіемъ въ лицѣ Мецеракъ не обнаружилъ тайны своего друга и съ хладнокровіемъ злодѣя рассуждалъ съ Ермакомъ о злодѣѣ, который посягнулъ на жизнь споль добродѣтельнаго, полезнаго человѣка!

Ермакъ, чувствуя слабость въ людяхъ, желалъ на сей разъ обойтись безъ преслѣдованія непріятеля, но

свѣдѣнія, полученныя имъ о спараніи Карачи возстановити многихъ сильныхъ владѣльцевъ, господствовавшихъ вверху Ирпыша, вынудили его, поруча Искеръ Мещеряку, ийти на воспокъ съ прѣмя спами воиновъ — въ спрахъ варваровъ и для своей будущей безопасности. Милуя покорныхъ и карая пропивныхъ, онъ проникъ до рѣки Ишима, гдѣ начинающія голыя степи, не представлявшія, подобно топкимъ пустынямъ Обскимъ и непроходимымъ лѣсамъ Пелымскимъ, ни славы, ни корысти побѣдителямъ. Обложивъ данью Князя Бегина и Еличая и могущественнаго старшину Сарчадской волости — наследственнаго судію всѣхъ Татарскихъ улусовъ, взявъ еще городъ Ташишкантъ, Ермакъ возвратился въ Искеръ съ новыми трофеями и безъ большой потери. Онъ лишился

только пяперыхъ козаковъ въ жаркой схваткѣ, близъ устья Ишима, съ свирѣпыми Турашинцами, копорые доселѣ воспѣвають въ унылой своей пѣснѣ сей кровавый бой! *янымъ, янымъ били козакъ*, п. е. воины, воины, пѣпъ козаковъ.

Самусь, копорый участвоваль, по вліянію Мещеряка, въ семъ послѣднемъ походѣ, спѣшилъ повѣдать своему патрону подробности онаго. Они долго разговаривали шопопомъ между собою, но когда нѣсколько ковшиковъ сиримбалу прибавило имъ смѣлости, то слова ихъ сдѣлались слышнѣе.

«Полно не ряхнулся ли съ ума нашъ дядя,» продолжалъ улыбаясь Самусь, «или не вздумалъ ли изъ козаковъ надѣлать схимниковъ. Пусть себѣ бы онъ ханжилъ... Кабы ты, Машвѣй Ѳеодорычъ, увидалъ Княжну,

что привозилъ къ нему Тебенскій Князь, у тебя бы разгорѣлись губки...»

«Что ты говоришь?» спросилъ съ любопытствомъ Мещерякъ?

«А то, что такой красавицы слыхомъ не слыхано, видомъ не видано. Глазки, словно сквозныя щелки, носикъ, какъ пуговка упонулъ въ подушечкахъ, въ красненькихъ щечкахъ, а разрумянена не хуже твоего мѣсяца...»

«Ай! да балясникъ, а все не скажаль, что вы сдѣлали съ прекрасной Княжной?»

«Вѣспимо что: чернецъ нашъ разцѣловаль бацьку, на дочку и не смоспрѣль, и отпустилъ домой. Да и намъ подъ пеплею заказаль глазкомъ взглянуть, не только...»

«Ужъ я бы, не послушался...»

«Посмопрѣль бы право, сказалъ Самусъ, улыбаясь, на удалъство твое...»

«Мнѣ пришло въ мысль, прервалъ его Мещерякъ, коли Богъ потерпитъ грѣхамъ моимъ, то пожалуй я женюсь на твоей красавицѣ.»

«Чуръ меня взять въ дружки...»

«Шушки въ сторону, отвѣчалъ Ашаманъ Машвѣй, а я бы на мѣстѣ Ермака не упустилъ сего случая породниться съ Сибиряками...»

«Авось и увидимъ твои хитроспеси и правду»

«Правда начнетъ тѣмъ, что Самусъ будетъ первымъ Ашаманомъ и другомъ Воеводы Сибирскаго.

«Спасибо, а воля твоя, Машвѣй Ѳеодоровичъ, мнѣ Вѣра неймется, чтобъ Кучумъ сдержалъ слово... Выдумка твоя, куда какъ хитра...»

«Смотри, не забудь только взлѣсть на дерево и прибѣжать сюда поскорѣе.»

На завтра прискакалъ Киргизецъ отъ Бухарскаго каравана съ извѣ-
спіемъ, что Кучумъ грозился раз-
бить его, если дерзнетъ онъ слѣдо-
вать въ Искеръ. Ермакъ Тимофее-
вичъ приказалъ потчасъ Мещеряку,
выбравъ 50 молодцевъ, идти съ во-
жакомъ на встрѣчу дорогихъ госпней.
Коварный Мещерякъ показалъ осо-
бенную готовность и усердіе въ ис-
полненіи повелѣнія вождя, не смо-
тря, что оно по-видимому разруша-
ло всѣ его замыслы. Черезъ часъ
онъ готовъ уже былъ отправиться
въ походъ, какъ прискакалъ дру-
гой гонецъ отъ каравана съ увѣдо-
мленіемъ, что Кучумъ собралъ боль-
шія силы въ степи Вагайской. Судь-
бѣ угодно было, казалось, отнять
на сію мину и малѣйшую прозор-
ливость у мудраго и оспорожнаго
вождя завоевателей Сибири и вдох-

нуть въ него неприличную пылкость юноши. Ермакъ Тимоѳеевичъ перемѣняешъ свое распоряженіе и рѣшается самъ идти для отысканія дерзкаго изгнанника и нанесенія ему послѣдняго удара. Онъ беретъ 300 козаковъ, а охраненіе столицы, по прежнему, ввѣряетъ Мещеряку.

Три дня блуждали козаки безъ оспановки и опдыха по степямъ и горамъ, отыскивая караванъ и Кучума; но ни того, ни другаго не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ. Проводники утверждали, что безъ сомнѣнія купцы удалились далѣе въ степь. Ермакъ колебался, идти ли ему за ними, какъ нечаянный случай открылъ истину. Когда расположились козаки на ночлегъ, вождь ихъ по обыкновенію удалился искать уединенія. Подходя къ глубокому оврагу, слышашъ онъ звукъ оружія и кри-

ки отчаянія. Ермакъ ускоряетъ шаги свои, и если бѣ замѣшкался минушю, то было бы уже поздно для спасенія храбраго Есаула Брызги, который опбивался отъ двухъ Татаръ, нападавшихъ на него съ большимъ ожесточеніемъ. Завидя Ермака, Татары оставили свою жертву и предались бѣгству. Бѣдный козакъ исходилъ кровію и едва выговоривъ: «Ермакъ Тимоѳеевичъ, ты обманушь, берегись Ме....» упалъ безъ чувствъ. Вождь, перевязавъ наскоро самыя опасныя раны, поспѣшилъ въ лагерь, чтобъ прислать ему нужную помощь. Но къ несчастію она была уже не дѣйствительна; Брызга скоро испустилъ послѣдній духъ и изъ опривисныхъ словъ его едва могли понять, что онъ, подозрѣвая измѣнниковъ, спалъ ихъ преслѣдовать, дабы открыть предательство. Къ несчастію зло-

дѣи усмотрѣли его убѣжище и кинулись всѣ прѣе убить его...

При всемъ стараніи Ермакъ Тимоѣевичъ никакъ не могъ узнатьъ, кто быль прѣшымъ товарищемъ Киргизцевъ вожаковъ, скрывшихся съ нѣхъ самыхъ поръ и обнаружившихъ нѣмъ ясно свою измѣну. Сметливый Самусь, нанеши первый смертные удары Брызгѣ, поспѣшилъ вернуться въ лагерь, дабы не подашь на себя подозрѣнія въ случаѣ сли откроешь убійство. Ермакъ вспомнилъ послѣднее слово, замершее въ устахъ храбраго козака, и невольный прѣпѣть пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Онъ не спрашилъ смерти, идя всегда въ бояхъ первый ей на встрѣчу, но умереть измѣною, погибнуть смертію безславною — приводило его въ ужасъ, и онъ положилъ, по возвращеніи въ Искеръ, быль о-

спорожниѣ съ Мещерякомъ, наблюдають за всѣми его поступками. «Если бѣ онъ искалъ моей смерти, разсуждалъ Герой Сибирскій, то онъ имѣлъ столько случаевъ погубить меня. Нѣтъ! въ злобѣ Мещеряка кроются другіе виды, другія побужденія: онъ хочеть со мною вмѣстѣ уничтожить всѣ труды наши, разрушить плоды побѣдъ нашихъ и изтребить даже память объ Ермакѣ. Увидимъ, успѣетъ ли? Господь, низпославшій свои знаменія для оспереженія меня — умудритъ слабый умъ мой — избѣгнутъ и сѣпей коварства и злобы.»

Успокоенный сими размышленіями, Ермакъ Тимоѣевичъ опдалъ приказаніе дружинѣ выступить въ обратный путь. Быстро понеслись вѣтязи наши внизъ по Ирпышу на легкихъ ладьяхъ своихъ, презирая бурю, внезапно возникшую со всею же-

спокою. Къ вечеру ненастье и дождь до такой степени усилились, что вождь нашелся вынужденнымъ приказать остановиться; но при всѣхъ усиліяхъ козакъ долго не могли причалить къ берегу. Сначала съдой бурунь отбивалъ и угонялъ на средину рѣки то ту, то другую лодку, потомъ обрывались нѣсколько разъ самые крѣпкіе причалы или ломались деревья, къ коимъ они привязывались. Непріятности тѣмъ не кончились: не менѣе труда и хлопотъ стоило развести огонь; наконецъ, когда полагали всѣ препятствія уничтоженными и надѣялись отдохнуть и успокоиться подъ непроницаемыми наметами — вдругъ, къ общему всѣхъ ужасу, сорвало съ шестовъ Ашаманскую спавку налетѣвшимъ внезапно вихремъ и разорвало ее на мелкія лохмотья.

«Воля твоя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, сказалъ Грицко Коржъ, а быть бѣдѣ великой, коли мы опсюда не уберемся.»

«Ты говоришь, какъ будто впервые привелось намъ бороться съ невзгодами,» отвѣчалъ Ермакъ.

«Невзгоды дѣло Божіе, а здѣсь придется возиться съ шайтанами,» проворчалъ Коржъ.

«Что тебѣ пришло въ голову » спросилъ вождь...

«А то, Ермакъ Тимоѳеевичъ, что мы пристали къ заколдованному мѣсту. Видишь ли ты эпомъ оврагъ и знаешь ли, кѣмъ онъ выкопанъ?»

«Скажи пожалуй-спа,» отвѣчалъ Ашаманъ съ улыбкою.

«Намъ бы всею дружиною было на годъ работы, а Коцей однимъ перстомъ провелъ эпу Перекопъ.»

Рѣчь стараго Коржа возбудила

всеобщее любопытство. Козаки, не смотря на усталость и непогоду, высыпали изъ своихъ шатровъ и спали просишь его, чтобъ онъ разскажалъ имъ про это чудо по-подробнѣе.

«Извольте, брашцы, я васъ попѣшу,» сказалъ Коржъ, «только чуръ не пѣнять на меня, коли опѣ моей сказки пуще бани небесной во всю ночь будетъ васъ бить лихоманка. Я далеко былъ опсюдова, да волосы дыбомъ вспали, какъ разсказывалъ, бывало, покойный Уркунду Шаманычъ.»

«Кажется, не время теперъ, товарищъ, до сказокъ и прибаутокъ,» сказалъ Самусъ, боясь, чтобъ ро- сказни веселаго Грицка Коржа не помѣшали въ самомъ дѣлѣ сну суевѣрныхъ козаковъ. Но Коржъ долженъ былъ выполнить всеобщее желаніе.

«Не далеко опсюда шорчитъ, словно козачья шапка, продолжалъ онъ, вы-

сокій курганъ, (1) Косымъ-Тура называемый, т. е. Дѣвичимъ городищемъ. Не даромъ дано ему это имячко: въ немъ зарыты заживо 200 прекрасныхъ царевенъ, съ зарокѣмъ опъ Кощея безсмертнаго выручить себядесятью буйными головушками на каждую. Проклятыя! ужъ по девяти молодцевъ сгубили, да поспавили за себя, оспалось по одной головушкѣ. Ночью, выходятъ онѣ изъ алмазныхъ хатъ своихъ и бродятъ до пѣшуховъ, разрумяненныя и разбѣленные, словно Московскія боярышни, въ шпофныхъ сарафанахъ и жемчужныхъ подвязкахъ; приманиваютъ вашу брапью подлипаль, по пѣсенками заунывными, такъ чпо ретивое и заходитъ, по плясками разговорными — ну,

(1) Сей бугоръ, вышиною въ 10 сажень, доселѣ существуетъ и называется Русскими Царевымъ Городищемъ.

кто не вытерпишь, да протянешь губы, съ того и голова прочь (1). Заколдовали проклятыя и самый Иртышъ: запоздай только молодецъ на лодкѣ, такъ и прибѣежъ къ ихъ берегу. Скоро перевели онъ у Кошеля всѣхъ могучихъ богатырей, вопъ онъ и перерылъ перстомъ переволокъ (2) отъ одного заворота Иртыша до другога и впустилъ въ него рѣку съ заклятіемъ, чпобъ вѣдьмы за него не ходили въ его царство, докуда не выпьютъ всей воды изъ Черекони. Вопъ ужъ мало и ее оспалось, а колдуньи не смѣютъ носу показатъ за черту. Право, Ермакъ Тимофеевичь,

(1) Понятія Сибиряковъ о Сирснхъ, доселѣ существующія.

(2) По сказанію *Ремезовскаго лѣтописца* переконь сію сдѣлалъ Ермакъ въ при или чешыредил, т. е. отъ 1-го до 5-го Августа; но по всѣмъ вѣроятіямъ должно думать, что она вырыта во времена какого-то забытаго вѣка.

прикажи-ка, перенести спанъ за перекопъ — не такъ будетъ спрашно.»

«Да насъ не прибывало къ берегу, напрошивъ мы на силу приспали къ нему,» сказалъ Ермакъ съ веселою улыбкой, «спало бытъ намъ нечего бояться, колдуньи не свернушъ намъ головъ.»

Замѣчаніе сіе, сказанное кспашпи и съ насмѣшкою, не мало успокоило суевѣрныхъ козаковъ, кои начинали уже бояться бытъ вынужденными предаться сну, чувствуя большую къ оному наклонность, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, въ теченіе дня ими понесенныхъ. Въ большее успокоеніе дружины, Ермакъ снялъ часовыхъ и приказалъ всѣмъ до единого ложиться отдыхать.

Костеръ, не смолвъ на дождикъ, свѣшло горѣлъ посреди лагеря, раздуваемый рѣзкимъ, холоднымъ вѣ-

промъ. Благошворная шеплопа, вмѣстѣ съ гуломъ сильно колебавшихся кедровъ и сосенъ, разливала на козаковъ усыпленіе, похожее на очарованіе. Едва легли они въ шашры свои, поднявъ полы оныхъ противъ огня, какъ и заснули сномъ молодецкимъ.

Одинъ Самусь бодрспвовалъ, онъ выжидалъ эту минушу съ неперпѣніемъ шигра, гоповящагося напасъ на свою жершву. Долго прислушивался онъ къ храпенію поварихей, нѣсколько разъ обходилъ вокругъ палашокъ, производилъ шумъ охабкою дровъ, которые нарочно набралъ, чшобъ кинуть въ косперъ въ случаѣ, если кпо его окликнешъ; подолгу оспанавливался передъ шѣми, въ коихъ сомнѣвался; наконецъ, увѣрившись въ безпечности, или лучше сказаць въ безчувственности козаковъ, онъ поспѣшилъ выполнишь

адскій заговоръ Мещеряка. Не про-
нуло предашеля и спокойное чело
предводитшеля, копорое никогда не
сіяло такою ангельскою добротою
и довѣренностію. Если бъ Самусь
хощя на одно мгновеніе могъ бытъ
человѣкомъ, а не чудовищемъ, то,
конечно, поразился бы оппечаткомъ
какого-то высшаго блаженства, ка-
кого-то райскаго, не земнаго вожде-
лѣнія, копорыми оппражалось лице
героя, при яркихъ оппблескахъ по-
пухавшаго коспра.

Минута — и Самусь былъ уже на
другой споронѣ Ирпыша, гдѣ съ не-
терпѣніемъ ожидалъ его Кучумъ,
еще минута и державный слѣпецъ,
пылавшій мщеніемъ, переправился
въ бродъ черезъ рѣку съ многочи-
сленною конницею. Оспорожно, безъ
малѣйшаго шума, Ташары подползли
къ козацкому лагерю: въ немъ всё

было тихо и безмолвно, какъ въ могилѣ. Тапары успѣли принять необходимыя мѣры для совершеннаго успѣха и безопасности — а ни одинъ козакъ не пошевелился. Съ стремленіемъ бросились враги на безоружныхъ героевъ, съ коими за минушу не дерзнули бы сразиться въ числомъ полъ, не смотря, что были въ нѣсколько разъ превосходнѣе ихъ числомъ — и въ мгновеніе ока не спало двухъ сотъ храбрыхъ на землѣ. Ермакъ, пораженный также сильными ударами, не палъ однако, подобно своимъ товарищамъ: нѣсколько острыхъ кинжаловъ увязло въ кольцахъ булатной брони его, которая по крайней мѣрѣ дала герою средство дорого продать жизнь свою. Онъ воспрянулъ подобно уязвленному льву. Нѣсколько опчаянныхъ смѣльчаковъ заплашили жизнию за

свою дерзость. Напрасно вождь звалъ къ себѣ на помощь: голосъ его, — доселѣ возбуждавшій въ вѣспяхъ новыя силы, передававшій имъ, какъ элекпричествомъ, новую бодрость, новое пламя, оживлявшій самыхъ раненыхъ новою жизнью — раздавался щепно среди дикихъ воплей непріятельскихъ, звука мечей и спона издыхающихъ поварищей. Ермакъ почувствовалъ опасность и неизбѣжную гибель; но не теряя присущствія духа, спалъ онъ опспу-паль, опражая удары сабель и кинжаловъ, на него успремленныхъ. Моженъ быть, онъ надѣялся еще дойти до берега и спастись въ лодкѣ, полагаясь на шму ночную; но увь! удѣлъ его уже былъ ршенъ Свыше! Тѣснимый непріателемъ, покрытый ранами, Ермакъ долго еще удержи-вался на краю крѣпкаго ушеса, не

думая, чпюбъ самый утесъ измѣнилъ ему : гранипъ поколебался подъ пятою героя и низвергся съ нимъ въ пучину бурной рѣки; тяжелая броня и истощенныя силы погрузили его на дно глубокаго Иршыша.

Конецъ горькій для завоевателя: ибо лишась жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы?.. Нѣтъ! воли Иршыша не поглотили ее: Россія, Исторія и Церковь гласяпъ Ермаку вѣчную память! (*)

(*) И. Р. Г. Карамзина : Т. IX. стр. 407.

ГЛАВА VI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Грустно, безоправно для чипапеля видѣть бѣдственнѣй конецъ завоевателей Сибири, видѣть великія доблести, какъ будто попорванными низкою злобою и коварствомъ! Но намъ ли, смертнымъ, входить въ изслѣдованіе судебъ Всевышняго? дерзнемъ ли сомнѣваться въ мудрости и благости Провидѣнія, мы, убѣждающіеся на каждомъ шагу въ

ничтожности человѣческихъ предположеній, вѣрующіе какъ Христіане въ утѣшительную истину, что для страдающей здѣсь добродѣтели, равно какъ и для порожествующаго порока — уготовано возмѣдіе въ томъ, лучшемъ мірѣ!

Послѣдствія и въ семъ случаѣ показали, что коварство и измѣна не имѣли большаго успѣха. Кучумъ, перерѣзавъ предательски 200 героевъ, не могъ отнять Сибирскаго царства, ими завоеваннаго для великой Державы, копорая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. А поному заключимъ картину сего великаго событія, единственно изображеніемъ жребія оспальныхъ лицъ, въ ней дѣйствовавшихъ.

Напрасно Кучумъ употреблялъ

усилія, чшобъ достать ушопшее
тѣло Ермака; оно не прежде недѣли,
м. е. 13 Августа, прибито было
волнами къ Епапчинскимъ юртамъ,
ошспоявшимъ въ 12-ти верстахъ
ошъ Абалака. Внукъ Князя Бегиша,
Янимъ, занимавшійся въ то время
рыболовствомъ, увидѣлъ его, и, вы-
таща изъ воды, узналъ по брони съ
золотыми орлами на груди и на
спинѣ. Слухъ о сей радости съ бы-
спрошою молніи разнесся по всѣмъ
улусамъ. Издавеча Мурзы Ташарскіе
и Князя Оспякскіе и Вогульскіе
спекались взглянуть на трупъ испо-
лина, почипаемаго ими безсмертнымъ.
Чтобъ удостовѣриться въ его смер-
ти, варвары пускали стрѣлы въ
бездушное тѣло, и приходили въ
испугъ и недоумѣніе, когда при вся-
кой лзвѣ изъ него выступала свѣжая
кровь. Плошадныя ппицы, спадами

віясь надъ пруномъ, не смѣли его коснуться, инымъ снился Ермакъ воскреснувшимъ съ мечемъ грознаго мстителя. Сіи и подобныя чудныя явленія заснавили ихъ съ честію предати останки героя на Беглишевскомъ кладбищѣ, подъ густою сосною, недалеко отъ вѣковаго кедра, котораго сухой остовъ доселѣ еще существуетъ. Не менѣе дивныя чудеса представлялись и надъ его могилою: ночью пылалъ надъ нею огненный столбъ, днемъ слышали явственно спрашный голосъ Побѣдителя Сибири. Земля съ могилы Ермаковой производила изцѣленіе и возбуждала неодолимый духъ мужества (1). Кучумъ дополѣ не успо-

(1) Калмыцкій Тайша Аблай удостовѣрялъ Сопника Ремезова въ 165-мъ году, что онъ съ горстію сей земли всегда побѣждаетъ.

коился, доколѣ Муллы и Ахуны не нашли способа перенести тайкомъ тѣло Ермака въ такое скрытое мѣсто, что никто впредь не могъ опыскашь его. Погребеніе Ермака праздновано было Татарами съ величайшею роскошью и веселіемъ: болѣе 30 быковъ съѣдено было при семъ торжествѣ. Верхнюю кольчугу Ермака опдали жрецамъ славнаго Бѣлгородскаго идола, нижнюю Мурзѣ Кандаулу (1), кафиръ Князю Сейдяку, а саблю съ поясомъ Мурзѣ Корагѣ.

(1) Кольчугу сію досталъ опѣ наследниковъ Кандаула упомянутый Мурза Аблай, приславшій для того нарочное посольство въ Тобольскъ. Броня сія была длиною 2 аршина, въ ширину въ плечахъ 1½ аршина, съ золотымъ орломъ на груди и на спинѣ, съ мѣдною опушкою на рукавахъ и вокругъ пояса въ 2 вершка.

Авторъ желалъ бы, для полноты каршины, представить послѣ сего родословную нашего героя; но къ сожалѣнію, происхожденіе Ермака покрыто непроницаемостію. Свѣдѣнія, помѣщенные о родѣ его въ рукописной *Повѣсти о взятіи Сибирской земли*, изъ коей почтенный Исторіографъ нашъ привелъ нѣсколько выписокъ въ драгоцѣнныхъ своихъ примѣчаніяхъ, не заслуживаютъ довѣрія! А сказка, изданная въ 1807 году подъ названіемъ: *Жизнь и дѣланія Ермака*, и того менѣе, почему остается ограничиться нѣкоторыми преданіями о родѣ и молодости Ермака, сохранившимися на Дону. Достоверно, что онъ былъ сынъ простаго козака, и назывался *Васильемъ*. Ермакъ же было ему прозвище, которое не рѣдко въ топъ вѣкъ на Руси, и въ высшемъ еословіи замѣняло

имена, даваемыя при крещеніи. Прозвище сіе получилъ онъ отъ дорожнаго аршельнаго пагана, называвшагося у нихъ Ермакомъ, который поручался юному Василью во время походовъ и наѣздовъ козаками, бравшими его съ собою въ должності кашевара, замѣня въ ребенкѣ необыкновенную смѣпливость и проворство. По мѣртв возмужалости своей, Ермакъ опличался предъ своими сверстниками мужествомъ и отвагою, составлявшими первое достоинство молодаго козака. Рожденный съ буйною, пламенною душею и необузданною волею, онъ не умѣлъ ни чувствовать, ни дѣйствовать равнодушно. Очень естественнo, что познавъ сладость любви — Ермакъ предался всей необузданности пылкой страсти, онъ полюбилъ дочь знаменитаго Атамана Смаги. Къ нееча-

спію Ермака, Мещерякъ былъ также не равнодушенъ къ прелестямъ наслѣдницы богапаго Смаги, и по старшинству своему предъ Ермакомъ надѣялся быть предпочтенъ опцомъ и дочерью. Въ послѣднемъ онъ ошибся: невинная дѣвушка предпочла спраспаго опвагу разчепливому Ашаману, и плашила взаимноспію Ермаку, копорый между тѣмъ пріобрѣтая болѣе и болѣе уваженія и силы у своихъ земляковъ дѣлами славными, избранъ былъ и самъ въ Ашаманы. Мещерякъ, какъ самый хитрый злодѣй, не рѣшался идти открышою силою прошивъ столь опаснаго непріятеля: напрошивъ, вкравшись въ дружбу и довѣренность Ермака, — съ величайшимъ искусствомъ спарался опвращать его опъ любви, какъ недостпойной его страсти, порождалъ непрерывно

распри между Ермакомъ и Смагою, увеличивалъ подозрительность, которою обыкновенно сопровождается пылкая любовь, и наконецъ успѣлъ предспавивъ въ такомъ вѣроподобіи невѣрность его любезной, что Ермакъ, въ порывѣ бѣшенной ревности, поразилъ существо имъ обожаемое, невинное, спраспно его любившее, и тѣмъ же кинжаломъ предалъ смерти мнимаго своего соперника.

Съ сей минушы, пылкая спраспъ превращилась въ разшерзанномъ сердцѣ Ермака въ ненависть неограниченную: онъ поклялся презрѣніемъ, мщеніемъ невѣрному полу, созданному для гибели человѣческаго рода; — но невинная кровь жгла его сердце, — преслѣдовала его и во снѣ и на яву, не давала ему часа покою, не только радости въ сей жизни, сдѣлала его мрачнымъ, суровымъ, человѣконена-

видцемъ..... Гонимый болѣе совѣстію, нежели угрожаемый местию, Ермакъ съ горстію отвагъ перебрался на Волгу, и скоро привелъ набѣгами своими въ ужасъ всѣ караваны, спремившіеся съ Востока въ Аспрахань, Казань и Москву. Съ неимовѣрнымъ искусствомъ, умѣлъ Ермакъ избѣгать великія силы, посылаемыя Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, для усмиренія дерзкихъ разбойниковъ, а въ случаѣ необходимости разбивалъ ихъ. Въ одномъ кровопролитіи Ермакъ находилъ себѣ еще нѣкоторую опраду, кидался во всѣ опасности, искалъ смерти, — но смерть его бѣгала.

Донцы восхищались громкими подвигами своего земляка, толпами собирались подъ хоругвь его самой опчаянной отваги всякой разѣ, какъ не было дѣла у нихъ съ сосѣдями.

Между тѣмъ ненависть Ермака къ людямъ превратилась лѣтами въ хладнокровіе, пылкость въ разсудительность, опчаяніе — въ оспорожность. Лѣта ослабили съ обѣихъ сторонъ и воспоминаніе несчастій, совершившихся въ Раздорахъ; — Ермакъ возвратился на родину. Въ семъ положеніи, познакомились мы съ Ермакомъ Тимофеевичемъ на пиру Апамана Луковки, и слѣдовали за нимъ до плачевнаго окончанія славныхъ дней его.

Самусъ въ тотъ же день принесъ вѣсть Мещеряку о удачномъ совершеніи злодѣянія; но Мещерякъ мѣдлилъ объявить сіе несчастіе Дружинѣ, ожидая Кучума, или довѣреннаго его, копорому, по условію, онъ обѣщался принести въ жертву и оспальныхъ своихъ поварищей, онъ мѣдлилъ и потому, что въ го-

ловѣ у него спало зараждашья нѣ-
которое подозрѣніе на Кучума; ибо
онъ съ Самусомъ не получилъ отъ
него условеннаго между ними знака
въ случаѣ успѣха. Мещерякъ нарочно
разспавилъ, у крѣпостныхъ воропѣ,
пріятелей своихъ Самуса и Габана,
дабы не допускать ни кого изъ ко-
заковъ къ Кучуму, или отъ него
посланному, пока онъ самъ съ нимъ
не переговоритъ. Въ полночь объявили
ему о пріѣздѣ Алея, сына Кучумова,
который не захопѣлъ войши въ городъ,
а пребывалъ Мещеряка въ лѣсѣ, на
мѣсто ихъ прежнихъ тайныхъ пере-
говоровъ. Еще новое свидѣтельство
измѣны Кучума, подумалъ Мещерякъ,
и не обманулъ.

«Сибирскій Царь, велѣлъ сказать
тебѣ, началъ говорить Алей, что
онъ любитъ предательство, а пре-
зираетъ предателей.....»

«Ни слова болѣе,» прервалъ его Мещерякъ. «Вижу отецъ пвой, лишившись зрѣнія, поперялъ и проникаемость разума: онъ не понялъ сладкаго чувства меспи, которое можешь овладѣшь сильною, возвышенною душою. Не смерти Ермака жаждало сердце Машвѣя. Нѣтъ! это низкое чувство принадлежишь только вамъ Мусульманамъ; нѣтъ! мнѣ хотѣлось унижить Ермака, омрачить имя его дѣломъ постыднымъ. Я поклялся вырвать у него славу великихъ дѣлъ его, и успѣлъ бы, если бъ не встрѣчалъ по несчастію предателей и трусовъ подобныхъ Кучуму.»

«Мещерякъ! воскликнулъ Царевичъ, если бъ ты не былъ правовѣрный, то я наказалъ бы давно гнуснаго яура.»

«Знай же, низкій бусурманинь, что я христіанинь, и соглашался на

обрѣзаніе , чтобъ пособить Кучуму удержать поперянное имъ царство»

«Ха , ха , ха ! Измѣнникъ родины и вѣры думалъ быть сподвижникомъ Царя Сибирскаго.»

«Довольно ! вскричалъ съ яростію Мещерякъ , придите испытать судьбу Карачи . Вы узнаете руку , которая руководила всѣми дѣйствіями и самаго Ермака . Скоро несмысленная Московская раба поможетъ мнѣ опомститься вѣроломнымъ....»

Возвращаясь въ крѣпость , онъ повѣдалъ дружинѣ , состоявшей изъ 150 козаковъ , Спрѣльцевъ и Нѣмцевъ , несчастную гибель Ермака и его товарищей , и сколько ни старался , не могъ возбудить въ нихъ чувствъ мужества и благородной мести , — съ Ермакомъ для козаковъ все кончилось , и смѣлость великодушная , и надежды оправдныя . Они единогола-

сно требовали скорѣйшаго возвращенія въ Россію.

Мещерякъ, обдумавъ хорошенько свое опасное положеніе, рѣшился выполнитьъ требованіе козаковъ, и велѣлъ немедленно собираться въ обратный путь. Но едва козаки хопѣли передъ свѣтомъ выступить изъ крѣпости, какъ усмотрѣли не въ далькѣ нѣчто движущееся. Благоразуміе требовало остановиться и развѣдать, нѣтъ ли какой нудъ засады? и точно, посланный лазутчикъ возвратился съ Татариномъ, отправленнымъ отъ Алея къ Головѣ Глухову, коего вызывалъ онъ на свиданіе съ собою для мирнаго дѣла, въ присутствіи всей дружины. Спранное предложеніе сіе для всѣхъ было загадкою, кромѣ Мещеряка, который потчасъ постигъ причину онаго. Онъ старался доказать, что въ семъ

предложеніи кроется умыселъ. Тапшары хопяшъ или выманишъ насъ, или узнашъ наши силы, говорилъ онъ, и посланцу было отказано. Но когда Тапшаринъ сказалъ, что имѣетъ уполномочіе повѣдать слова Царевича всякому другому, кромѣ Мещеряка, то сему послѣднему не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ готовиться къ изобрѣщенію новыхъ хитростей. Когда козаки указали Тапшарину на Глухова, для выслушанія его предложенія, то онъ сказалъ: «Кучумъ, Царь Сибирскій, даетъ вамъ жизнь и позволеніе возвратиться на Русь, а требуетъ головы одного предашеля вашего Мещеряка.»

«Ха, ха, ха! прервалъ рѣчь его Мещерякъ съ насмѣшкою; новый или старый Царь Сибирскій сдѣлался больно добръ, жалуя жизнию воиновъ, которые выгнали его изъ Царства,

и пожалуй прогоняйтъ еще подальше, къ Болдыхану въ сказочники, а шребуеиъ только голову своего пріятеля?»

«Но ты самъ сказывалъ, предаиель, возразилъ Тапшаринъ, что у васъ въ крѣпости оспалось 150 человекъ всякой сволочи. Можно ли же вамъ держаться прошиву несчетныхъ силъ Царя Кучума и голода?»

«Изволь, покажемъ эту возможность пвоему Кучуму, продолжалъ Мещерякъ съ прежнею язвительностію, также убѣдительно, какъ доказали мурзѣ его Карачѣ. Товарищи, воскликнулъ онъ съ жаромъ, обращайъ къ козакамъ. Вы видите, что коварный Кучумъ гошовишъ вамъ съпи, дабы подъ предлогомъ мира, удобнѣе заманишъ васъ въ нихъ. Нѣшъ! друзья, не давайте себя въ обманъ лукавому бусурманину, велише сказаиъ Алею

и Кучуму, что у великаго Московскаго Царя найдется не одинъ Ермакъ, который съумѣетъ наказатъ въроломство; а если для того мало нашей силы, то Гроза ведетъ рать изъ Москвы.»

Съ симъ отвѣтомъ отправили обратно посланца Алеева; но безъ сомнѣнія Мещерякъ расчелъ, что угрозы его недоспащочны для удержанія на долго Кучума въ страхъ, а рать Московская могла и не скоро придти, а потому онъ не только не противился болѣе, напротивъ поропилъ козаковъ выступить изъ Искера. Но между ними и Святою Русью, предстояли еще пустыни необозримыя, опасности неодолимыя, бивны непрерывныя; Кучумъ не оставилъ преслѣдоватъ ихъ, если изберутъ они прежній путь, причемъ будетъ ему весьма легко воз-

становишь противъ нихъ всѣ покоренные ими народы, превозишь ихъ, изнуряшь на каждомъ шагу; ибо до самаго хребта Урала, они должны будутъ подыматься противъ печенія рѣкъ быспрыхъ, каменистыхъ. Жалко было также козакамъ оставить въ Искерѣ и сокровища, нажитыя трудами кровавыми. И такъ по долгому размышленію они рѣшились пуститься внизъ по Ирпышу, въ великую рѣку Обь, и черезъ Югорию пробраться въ Россію — путь опдаленный, но, по обстоятельству, самый безопасный и вѣрный (*).

15-го Августа 1584 года, осталь-

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе о возвращеніи козаковъ Обью, помѣщенное въ Есиповскомъ летописцѣ, достовѣрнѣе Спирогоновскаго, который заставлялъ ихъ возвращаться прежнимъ путемъ!

ные герои непобѣдимой дружины Ермака, вышли изъ столицы Сибирской на 8 спругахъ полно нагруженныхъ, забравъ всю артиллерію и воинскіе снаряды, вышли съ горькими слезами, покидая въ ней гробы брашневъ и знаменія Христіанска; но съ какимъ-то пріятнымъ предчувствіемъ скорого возвращенія. Кучумъ на претій день отъѣзда козаковъ, пришелъ къ Искеру съ большими силами; но видя невозможность съ пользою преслѣдовать непріятеля, — все еще для него страшнаго, непобѣдимаго, оставилъ его въ покоѣ продолжая свой обратный путь, гоповъ будучи, безъ сомнѣнія, по пословицѣ, *намоститъ и золотой мостъ!*

Плывя безъ малѣйшаго безпокойства по величественной Оби, и видя съ каждымъ днемъ безопасность свою

увеличивающеюся, козаки начинали вкушати нѣкоторую опраду въ своемъ изгнаніи: сначала тихіе заунывные запѣвы, потомъ громкія пѣсни съ закашами, спали раздаваться на спругахъ козацкихъ, одинъ только Мещерякъ становился часъ опъ часу мрачнѣе, угрюмѣе, диче; лице его, и безъ того безобразное, сдѣлалось спрашнымъ, глаза перекосились, и едва выглядывали изъ двухъ впадинъ, какъ изъ филинова дупла. По ночамъ онъ скрежесалъ зубами такъ спрашно, что будилъ и приводилъ въ ужасъ своихъ сосѣдей; не рѣдко вскакивалъ и съ пренепомъ и воплями бѣжалъ, какъ будто избѣгая оспрыхъ когтей преслѣдователя.

Козаки, никогда его не любившіе, спали подъ конецъ боялись какъ одержимаго нечиснымъ духомъ, и немного пожалѣли, когда однажды,

гоповаясь опвалишь съ ночнаго привалу, — нашли его висящимъ на суку высокой лиственницы, — еще болѣе обезображеннымъ муками насильственной смерти. Долго суевѣрные козаки не смѣли къ нему приблизиться, и не знали, похоронить ли его, или оставить на деревѣ? но боясь преслѣдованій шѣни висельника, (чего опасаясь когда шѣло его оспается не преданнымъ землѣ) рѣшились закопать его глубже подъ шѣмъ деревомъ; а чпобъ онъ не смѣлъ никогда вылѣзати изъ своей могилы, и прогуливаться по бѣлу свѣшу съ вѣдъмами и упырями, — на спрахъ православнымъ; то, обрубивъ сучья у лиственницы, и прикрѣпивъ къ ней поперегъ другое большое дерево, сдѣлали изъ того высокій крестъ. Крестъ сей долго былъ видѣнъ на одномъ оспрову близъ

Березова, и служилъ предметомъ набожности и страха иловцевъ по великой рѣкѣ. Такимъ образомъ совершился судъ надъ злодѣемъ, и въ здѣшнемъ мірѣ, хотя нельзя опредѣлить, мука ли преступной совѣсти, или досада на неудачи во всѣхъ своихъ замыслахъ, для коихъ совершалъ онъ столько напрасныхъ преступленій, или страхъ царскаго гнѣва побудили Мещеряка, положишь конецъ своему существованію, служившему какъ бы укоризною благому Провидѣнію. Если бъ неисповѣдимыми судьбами занесенъ былъ на могилу Мещеряка знаменитый Греческій чело-вѣконенавистникъ Тимонъ, то, вѣрно, онъ повторилъ бы свое желаніе: «дабы деревья почаще производили столько полезные плоды!»

Мы видѣли, что Спрогоновы оставались въ Москвѣ, и по отправленіи Кольца въ Сибирь. Не понималъ никто, почему Царь Іоаннъ Васильевичъ мѣдлилъ ихъ отпускомъ, не зналъ никто, чѣмъ онъ намѣревался наградить имениныхъ людей за ихъ службы великія!

Между тѣмъ Князь Аввакумъ Лобанъ далъ знать Максиму Яковлевику подъ рукою, чѣмъ онъ припряталъ свою красавицу въ монастырь, что было единственною преградой и спасеніемъ отъ развращеннаго сластолюбія Іоаннова. Спрогоновъ воспрепещалъ отъ ужаса, ибо считалъ себя нѣкоторымъ образомъ причиною смерти Ашамана Луковки, котораго видѣлъ онъ предъ глазами своими разперзаннымъ медвѣдемъ, подареннымъ имъ Іоанну. Теперь можешь сдѣлаться причиною позора

дочери сего храбраго спрадальца, имъ перевезенной какъ нарочно для того въ Москву? «Нѣтъ! этому не бывать, сказалъ Максимъ Яковлевичъ, и въ ту же ночь отправилъ Велику съ надежными людьми обратно въ Орелъ-городокъ, не смотря, что она еще не совершенно оправилась послѣ сильной горячки, въ копорую положило ее извѣстіе о ужасной смерти отца своего, неоспорочно ей сказанное.

Благословляя бѣдную сироту на дальній путь, съ опеческою горячностью, Максимъ Яковлевичъ промолвилъ: «Благодарю Бога, что имѣю еще время и силы выручить тебя изъ подъ монашескаго покрывала.»

Но слова ея зародили мысль въ головѣ сироты объ опредѣленіи себя Свыше, для монашескаго званія, копорая доселѣ ей не приходила. Мысль сія въ продолженіи длинной дороги,

созрѣвала и увеличивалась. Не разъ Велика припоминала бѣдствія и спрданіѣ, коими исполнена жизнь еѣ, коими куплены еѣ скоропечныѣ минуны радости; она чувствовала, что если бѣ въ состояніи была побдѣить свое сердце, то почла бы за верховное счастье, посвятивъ жизнь свою тихой обители, для возблагодаренія Господа, за чудесный промыслъ о ней, въ минуты гибели неизбѣжной, золь неоправданныхъ.

Исполненная сихъ мыслей, возвращилась Велика къ милой и грустной Ташьянѣ, и конечно, вдохновеніе чувствъ сихъ должно считаться новою благодатью, ниспосланною благимъ Провидѣніемъ для подкрѣпленія бѣдной Велики, къ перенесенію новой, тяжчайшей горести, ожидавшей еѣ въ Орлѣ-городкѣ. Здѣсь узнала она о смерти Владиміра, который кончилъ

жизнь на рукахъ Тапьяны. Послѣ сего ничто уже не удерживало Велику предаться пламенному своему желанію, сладчайшему чувству души и сердца, — посвятивъ себя служенію Господа, любивъ одного Бога...

Частыя ли бесѣды подругъ — соперницъ о счастіи и спокойствіи иноческой жизни, или взаимная потеря самаго драгоцѣннаго для нихъ — сблизили ихъ и на счетъ понятій о бѣдствіяхъ жизни, вѣ снѣнь монастырскихъ, но Максимъ Яковлевичъ вынужденнымъ нашелся выполнить непремѣнную волю упрямыхъ красавицъ, какъ ни уговаривалъ ихъ, какъ ни представлялъ имъ ихъ заблужденіе. Въ послѣдствіи Пыскорскій монастырь, въ которомъ отправлялось постриженіе безъ шума, безъ блеска, безъ свидѣтелей богатѣйшей наследницы и ея подруги, подъ именемъ

Акилины и Минодоры, обогащенъ былъ опть щедрошъ Спрогоновыхъ несмѣшными богатствами, и даже Дедюхино, считавшееся приданымъ Тапьяны Максимовны, опдано было сей обипели.

Чшо касается до Спрогоновыхъ, шо Царь Іоаннъ Васильевичъ, за службу и радльнїе ихъ при покоренїи Сибири, пожаловаль имъ два значныхъ мѣспечка по Волгѣ: большую и малую Соль, и право шорговать во всѣхъ своихъ городкахъ безош-
лино.

Справа опть церкви, видны въ Орлѣ - городкѣ куча кирпичей и толстый пень. Эшо, по всей вѣ-
роятности, могила доблеспнаго Аша-
мана Грозы — Князя Сипскаго. Слѣдуя въ Москву съ знаменимымъ плѣн-

никомъ своимъ Мамешкуломъ , онъ заѣхалъ въ Каргеданъ , дабы успокоиться нѣсколько опъ пиягостей пупи , совершенно распронившихъ его слабое здоровье , и весьма вѣрояпно , что надѣялся шупъ найши и обожаемую имъ Велику ; но обманулъ и въ томъ и другомъ : Велика была въ Москвѣ съ Максимомъ Яковлевичемъ , а здоровье его , вмѣстопото , чшобъ поправипсь , разрушалось часть опъ часу болѣе . Недоспапочно было для пламеннаго сердца нѣжнѣйшей дружбы , чшобъ вдохнушь въ него огонь новой жизни : Владиміръ погасъ какъ свѣчка , тихо , безмятежно , при всѣхъ упѣненіяхъ религіи , и искреннемъ сожалѣніи всѣхъ его знавшихъ . Вѣришь ли преданію ,—будто могила Грозы долго покрывалась ежегодно свѣжими цвѣтами , копорые , на зарѣ упренной поли-

вались невидимою рукою? а попомъ нѣсколько сполѣшій кудравый кедръ разширялъ надъ нею свои огромныя вѣтви, какъ будио охраняя драгоцѣнный прахъ героя отъ вьюгъ и непогодъ Сибирскихъ.

Мамешкулъ прибылъ въ Москву въ 1584 году, уже при наслѣдникѣ Іоанна, и принявъ былъ не какъ плѣнникъ, но съ почестями, равняющимися высокому его роду. Ласки и милости юнаго Царя, пожаловавшаго ему большія помѣстья, заславили Царевича забывъ свое опечесство, и посвятивъ себя на службу Россіи. Онъ вызвалъ изъ Сибири мать свою, и принялъ Христіанскую религію. Въ 1590 году, Мамешкулъ былъ въ походѣ противъ Шведовъ, а въ 1598 году ходилъ съ Царемъ Борисомъ

Оеодоровичемъ Годуновымъ , къ Серпухову , на встрѣчу Крымскихъ Татаръ , и вездѣ опличался усердіемъ и мужеспвомъ. Въ реляціяхъ и современныхъ грамопахъ , онъ писался или Царевичемъ Сибирскимъ , или Мамешкуломъ - Алтаумовичемъ. Опъ него произошелъ родъ Князей Сибирскихъ.

Храбрый Царь — изгнанникъ Кучумъ , лишась въ другой и послѣдній разъ , своей столицы и Царства , не хотѣлъ покориться своему року : долго скипался съ шайками Ногаевъ , по епени Барабинской , дѣлалъ опчаянные наѣзды , не принималъ никакихъ милоспей опъ Царя Русскаго , не слушалъ даже увѣщаніи сына своего Абдулъ-Хаира , который изъ Москвы славилъ великодушіе Оеодора , и мирился только на одномъ , — на воз-

вращеніи ему Сибири, Сибири, ко-
торой приобрѣтеніе становилось
между шѣмъ, часъ опъ часу чув-
ствительнѣе и важнѣе для Россіи.
Въ 1585 году, т. е. 4 года спустя,
по взятіи Искера Ермакомъ Тимо-
фѣевичемъ, Сибирь доставляла уже
въ казну Царскую ежегодно по 5000
сороковъ (200,000) соболей, 10,000
лисицъ черныхъ, 500,000 бѣлокъ,
кромѣ бобровъ и горностаевъ! (*)

Но если есть средства изчислять
сокровища, и даже опредѣлить коли-
чество золота, серебра, и другихъ
драгоценныхъ металловъ, коими обо-
гатила Сибирь новую свою облада-
тельница, въ печеніи двухъ съ по-
ловиною столѣтій, то возмозноли
оцѣнить блага нравственныя, —
столь щедро ею на нее измѣняныя?

К О Н Е Ц Ъ

четвертой и послѣдней части.

(*) П. Г. р. ч. X. стр. 27.

